

А.Р. КУКУШКИНА

**АКМОЛИНСКИЙ ЛАГЕРЬ ЖЕН
“ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ”:
ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ**

АНФИСА КУКУШКИНА

**АКМОЛИНСКИЙ ЛАГЕРЬ
ЖЕН «ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»:
ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ**

В список
жен «изменников
родины»
30.01.2017

Караганда

ББК 63.3 (5 Каз) – 49
К 89

Кукушкина А.Р.

Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: история и судьбы. – Караганда, 2008. – 248 с.

ISBN 9965-572-40-2

В монографии выявляются основные факторы возникновения системы исправительно-трудовых лагерей, освещается нормативно-правовая база образования ГУЛАГа.

На основе ранее засекреченных архивных материалов, свидетельств очевидцев и жертв политических репрессий раскрывается история создания и функционирования Акмолинского лагеря жен «изменников Родины», рассматриваются трагические судьбы узниц и их детей.

Предназначена для широкого круга читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук,
профессор Шаймуханов Д.А.
доктор исторических наук,
профессор Алтаев А.Ш.

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Центрально – Казахстанского университета
«МГТИ-Лингва»

ISBN 9965-572-40-2

© Кукушкина А.Р., 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

На исходное первое десятилетие XXI века. Все дальше отодвигает нас время от века прошедшего – века полного событий невероятных по силе их воздействия на историю, умы и души людей.

На нас, казахстанцев, как и на всех, кто был в течение более чем 70 лет единым советским народом, жившим под одной общей «крышей» великой социалистической державы – СССР, многие другие народы, населявшие некогда могучую страну. Отсталая колония Империи стала индустриальной, развитой советской республикой, прошедшей, как говаривали советские пропагандисты, «путь, равный столетиям». Однако путь этот был отнюдь не легким. И чаще драматичным, чем победным.

Первые десятилетия становления советской власти в Казахстане были отмечены жесточайшей диктатурой пролетариата, и, как следствие, народными волнениями, жестким их подавлением, насильственной русификацией, коллективизацией, повлекшей за собой голод и разорение народа, разрушением традиционного уклада жизни, уничтожением степной интеллигенции, исходом наиболее обеспеченной части населения из страны, и, наконец, как следствие, широко развернувшимся в середине 30-х политическим террором.

Создание концлагерей – ИТЛ ОГПУ-НКВД-МГБ одна из трагических страниц отечественной истории продолжает волновать память народа и вызывать неподдельный интерес у исследователей. Историки Казахстана сегодня по крупицам восстанавливают истинную картину событий тех лет.

Предметом исследований автора представленной монографии стало одно из самых больших отделений Карлага - женского лагеря для «жен изменников Родины» - АЛЖИР.

Предлагаемая вниманию читателей на сегодняшний день эта единственная в своем роде работа, в которой автор рассмотрел политические, социально-экономические, нравственные аспекты и условия возникновения ИТЛ ГУЛАГа, вычленив из этой системы Акмолинский лагерь жен «изменников Родины», раскрыл судьбы женщин, осужденных по статье ЧСИР и их детей, проследил путь их социальной адаптации после реабилитации.

Книга написана с неподдельным уважением, любовью и состраданием к ни в чем не повинным людям, которые оказались за колючей проволокой, в результате разгулявшегося в СССР политического террора. Она рассчитана на самый широкий круг неравнодушных читателей – историков, преподавателей вузов, студентов, учащихся школ, всех, кто хочет знать правду о прошлом. Правду страшную и горькую, но без которой мы вряд ли можем в полной мере оценить те выдающиеся успехи в экономике, международной политике, межнациональных отношениях, которых достиг сегодня суверенный Казахстан. Правда о прошлом делает нас мудрее и чище, учит больше ценить, понимать и беречь настоящее.

ЕКАТЕРИНА КУЗНЕЦОВА,
почетный журналист
Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан» явился актом, закрепившим начало фактического процесса перехода Казахстана на самостоятельный путь развития, строительства им качественно новой, политически и экономически независимой государственности. С первого года обретения государственной независимости Казахстаном был взят курс на построение демократического государства с социально-ориентированной рыночной экономикой. Достижение этой цели предполагает, прежде всего, преодоление последствий тоталитаризма во всех сферах жизнедеятельности казахстанского общества, в ментальности населения.

Несмотря на позитивные изменения, происходящие в Казахстане, в обществе наблюдаются тенденции к возникновению жесткой центральной власти, с которой связываются надежды на решение всех социально-экономических проблем. «У многих людей по-прежнему сохраняется синдром почитания вождя, они, как и раньше пассивно ждут решений, которые будут приняты на политическом Олимпе. Надежду на улучшение ситуации население по-прежнему связывает с деятельностью государственных органов управления» /1/.

2007 год ознаменовал юбилейную веху со дня принятия Указа Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий, празднование которой традиционно отмечается 31 мая в поселке Акмол

Целиноградского района Акмолинской области. Основной акцент направлен на осознание гражданами страны особой значимости отмечаемого события, укреплению чувства патриотизма, гордости за свое Отечество, социальной и межэтнической стабильности в обществе.

В современных условиях, характеризующихся высоким уровнем динамики социальных процессов, значительно возрастает роль исторического опыта в построении демократического государства. Каждая переломная эпоха повышает общественный интерес к истории, обостряя потребность углубленного осмысления прошлого для целенаправленного воздействия на будущее. Преодоление духовного наследия сталинизма происходит медленнее, чем этого требует обновление общества. В общественном сознании существуют ностальгические настроения по ушедшим временам: нередко еще можно услышать от старшего поколения, что при Сталине был порядок, строгая дисциплина и выполнение планов. Наиболее ортодоксальные сторонники сталинской системы утверждают, что, несмотря на отдельные неизбежные «ошибки и перегибы», в 30-е годы был совершен в целом прогрессивный скачок, предопределивший создание сверхдержавы. По словам Н.А.Назарбаева, «ностальгия по временам идеологического единообразия связана с тем, что тоталитаризм предлагал психологически удобное решение самых сложных вопросов как в жизни отдельного человека, так и общества в целом» /2/.

Устойчивость элементов тоталитарного сознания во многом объясняется тем, что, по сути, все в жизни было регламентировано: от работы, небольшого, но

твердого заработка вплоть до того, когда и что сеять, какой рапорт готовить наверх и т.д. Тотальный контроль охватывал все: давалась неоспоримая интерпретация исторических событий и современности, однозначно определялись установки в образе и направлении мыслительной составляющей личности. В целях реализации амбициозного плана строительства коммунизма в стране под лозунгом установления диктатуры пролетариата была создана диктатура номенклатуры – партийно-государственной бюрократии, которая обеспечивала свое всевластие с помощью репрессивного аппарата.

Властные структуры активно вторгались в жизнь любой семьи и индивидуума. Получившие равные политические права в ряде законодательных актов, женщины наравне с мужчинами репрессировались и изолировались от общества. Для них предусматривались те же статьи, что и для мужчин, но была одна статья, по которой обвинялись только женщины – это ЧСИР (члены семей «изменников Родины»). Не совершив преступления, они должны были отбывать наказание в спецлагерях только за то, что являлись матерями, женами, сестрами и дочерьми тех, кто обвинялся в измене Родине.

Ретроспективный анализ политических реалий советского общества в условиях сталинского режима, в том числе и деятельности лагерей необходим, поскольку невозможно строить новые демократические отношения, не выявив его природу, истоки и последствия. Актуальность исследования лагерной системы состоит в исполнении гражданского долга перед теми, кто стал жертвой репрессий и перенес все тяготы и утраты, связанные с лагерной жизнью.

Сталинский режим во многом predetermined развитие советского государства в последующие десятилетия, груз тоталитарного прошлого общество испытывает и на современном этапе. В этом плане весьма важным является то, что строительство правового пространства возможно только при учете и изучении негативных процессов отечественной истории в целях их преодоления.

Исследование лагерной тематики актуально именно сегодня, так как, во-первых, ажиотаж, носивший налет конъюнктурности, вокруг этой темы спал, и наступило время для более углубленного и беспристрастного изучения данной проблемы; во-вторых, исследователи получили доступ к ранее закрытым «секретным материалам», которые могут раскрыть особенности лагерного бытия; в-третьих, рассматриваемую тему следует изучать еще и потому, что все меньше остается очевидцев тех событий, чьи свидетельства представляют большую ценность для воссоздания объективной картины функционирования лагерей.

Изучение проблемы генезиса и эволюции тоталитарной системы в целом шло, по сути, параллельно с самим процессом становления тоталитаризма в СССР. На первоначальном этапе эта проблема нашла отражение в работах западных исследователей. Иначе и не могло быть, так как в Советской стране сама идея построения социалистического общества не могла преподноситься иначе, как прогрессивное явление в истории человечества и рассматривалась советскими историками в рамках официальной идеологии.

В отечественной историографии после XX съезда КПСС политика сталинского руководства стала

подвергаться критике, носившей личностный оттенок и не затрагивающей основ социалистической системы. В 60-80-е годы данная проблема практически находилась под негласным запретом: все попытки интерпретации периода социалистических преобразований в ином ракурсе, идущим в разрез с общепринятыми нормами, продолжали преследоваться. В конце 60-х годов Р.Конквест, основываясь на данных, уехавших на Запад советских исследователей и сведений эмигрантской печати, предпринял попытку воспроизвести реалии тоталитарного режима в своей работе «Большой террор», положившей начало дискуссиям о масштабах репрессий, но приведенные им данные были значительно преувеличены. По утверждению Р.Конквеста, с которым нельзя не согласиться, советский историк не имел возможности провести аналогичное исследование в связи с тем, что существовал запрет на факты, только иностранец способен выполнить эту работу и остаться в живых /3/.

В середине 80-х годов, когда был взят курс на либерализацию политической системы и экономическую трансформацию общества, в средствах массовой информации появилось большое количество публикаций о сущности сталинизма, что положило начало первому этапу изучения советскими историками данной проблемы, охватившего 1988-1991 годы. За этот период был опубликован ряд сборников статей и монографий, содержащих ценную фактологическую информацию о масштабах массовых репрессий, о беззакониях и конкретных судебных делах /4/. Вместе с тем, многие архивные фонды были все еще практически не доступны, документы под грифом «секретно» не подлежали огласке, что

обусловило некоторую описательность и иллюстративность публикаций.

В конце 80-х-начале 90-х годов в СССР были опубликованы труды зарубежных исследователей, посвященные различным проблемам тоталитаризма. Как отмечал Ю.Афанасьев: «Мы не можем и дальше игнорировать работы западных историков, таких как Карр, Левин, Рабинович, Такер только потому, что мы уже поставили на них клеймо буржуазности. Зачастую у историков Запада встречается более объективная оценка» /5/. Отечественные историки получили возможность познакомиться с работами А.Авторханова, Х.Арендта, К.Баллестрема, З.Бжезинского, Д.Боффа, Н.Верта, М.Джиласа, Т.Крауса, К.Фридриха, Ф.Хайека /6/, которые по-разному подошли к определению тоталитаризма. Одни считали его вечным атрибутом человеческой истории, другие – достоянием индустриальной эпохи, третьи – феноменом исключительно XX века. По мнению казахстанских ученых, «тоталитарные идеи существовали с древних времен, отражались в стремлении подчинить частную жизнь и частные интересы граждан общему интересу и обществу в целом, но тоталитаризм как реальный политический режим и государственный строй в полном объеме привился в XX веке» /7/. Проблема возникновения и функционирования лагерей носила в указанных трудах лишь фрагментарный характер и не была предметом специального исследования.

Весомый вклад в изучение лагерной проблематики внесли писатели, которые подверглись репрессиям и приобрели многолетний опыт лагерной жизни /8/. Главным фундаментальным трудом на тему лагерей

является «Архипслаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына, которого Д.Боффа по праву назвал «историком сталинских концентрационных лагерей» /9/. Отношение к данной работе неоднозначно. Главным ее недостатком, по мнению исследователей, является слишком пристрастное отношение автора и избыток эмоций. По наблюдениям Р.А.Медведева, «некоторые авторы (наиболее характерным из них является А.Солженицын) выплескивают свои эмоции. Это ошибочно. Эмоции должны возникать у читателя. А автор не должен свои эмоции выставлять на первый план» /10/. Отдельная глава «Архипелага ГУЛАГа» посвящена пребыванию женщин в лагерях, но в основном она касается женщин, получивших срок за бытовые преступления, в то время как женщины, осужденные по политическим статьям, в исследовании упоминаются лишь вскользь.

Как отмечает Ю.М.Антонян, система лагерей сложилась как часть административно-командного строя тоталитарного государства. В период глобальной диктатуры женские лагеря неизбежно оказались частью гигантской машины уничтожения людей, но еще до сих пор женщины-узницы ждут своих историков /11/.

С конца 80-х годов стали появляться первые публикации, непосредственно посвященные АЛЖИРу /12/. Так, В.Комаров свою статью «Правда «АЛЖИРа» выстроил в виде интервью: с бывшим начальником лагеря М.Т.Юзипенко, оправдывающего создание лагерей, с бывшей узницей З.С.Тналиной, вспоминающей голод, холод, сторожевые вышки, собак и сыном «врага народа» К.В.Шубриковым. На суд общественности было вынесено три различных подхода к данной теме /13/.

Распад СССР дал импульс новому этапу изучения различных аспектов тоталитаризма. В условиях демократизации общества, на фоне глубоких изменений в самой исторической науке (отказ от прежних парадигм, выработки новых концептуальных подходов и оценок, рассекретивания «секретных» фондов, открытия доступа к ним исследователей) прежде запретная тема стала объектом пристального внимания таких исследователей, как Э.Баталов, Ю.Борисов, В.Бушуев, К.Гаджиев, А.Голубев, Ю.Давыдов, В.Кондратьев, перед которыми встала сложная задача реконструкции событий, их анализа и оценок, теоретических выводов и обобщений /14/.

Историки, занимающиеся проблемами политических репрессий, зачастую ограничивались в своих работах такими временными рамками как 30-е - начало 50-х годов, тогда как их необходимо рассматривать гораздо шире. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что период репрессий длился, начиная с 1917 года до распада тоталитарной сверхдержавы, то есть в течение всего периода советской истории. Вынужденная отказаться от физического истребления людей, от массовой депортации народов, система никогда не отказывалась от повсеместного подавления инакомыслия иными, порой весьма изощренными способами. В ее распоряжении были психушки и следственные изоляторы, послушный аппарат и покорные средства массовой информации, другие возможности воздействия на людей. Любые попытки отойти от закостеневших догм, привнести в жизнь что-то новое, не укладывающееся в идеологические стереотипы безжалостно пресекались.

Что касается исследования непосредственно лагерей, то в 90-е годы диапазон трудов, посвященных отдельным аспектам данной проблемы значительно расширился. Так, лагерная тематика нашла отражение в работах российских историков: М.Г.Деткова, А.Н.Дугина, В.Н.Земскова, Г.М.Ивановой, О.В.Хлевнюка /15/.

Значительный вклад в осмысление этой проблемы внесли историки Казахстана. Одной из первых попыток показать проявления тоталитарного режима в Казахстане стала работа историков Института истории и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова «История Казахстана: белые пятна». С начала 90-х годов различным аспектам рассматриваемой проблемы посвятили свои труды: А.А.Абдакимов, Ж.Б.Абылхожин, К.С.Алдажуманов, Н.Амрекулов, М.К.Баймаханов, Л.Н.Балакаев, Л.Я.Гуревич, С.Дильманов, М.К.Козыбаев, А.Н.Нысанбаев, К.Н.Нурпеисов, Т.О.Омарбеков, В.П.Осипов, Ф.М.Сулейманов, Е.Б.Сыдыков, М.О.Татимов, Д.А.Шаймуханов и ряд других /16/.

Доступ к архивным источникам позволил восстановить подлинную картину событий сталинского периода в хронологической последовательности, количественных аспектах и конкретных формах. Последствия тоталитаризма были изложены казахстанскими учеными на научно-теоретических конференциях, «круглых столах» и семинарах.

Стали оформляться отдельные направления в изучении конкретных проявлений тоталитаризма. Надо отметить, что, в частности, сложилось такое направление в историографии, как «история повседневности», когда в научный обиход вводятся

конкретные описания событий, масса исторических материалов из местных архивов вкупе с воспоминаниями очевидцев. Итогом его явилось изучение репрессивной политики в региональном и проблемном аспектах, в результате чего написан ряд монографий /17/ и диссертаций /18/. Данные исследования характеризует свободная от политических и идеологических пристрастий трактовка.

В связи с тем, что 1997 год Указом Президента Республики Казахстан объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий, вновь было обращено внимание на бывших политзаключенных. Таким образом, на страницах газет появился новый цикл статей об АЛЖИРе /19/. Большим вкладом в изучение лагерной тематики явилась монография Д.А.Шаймуханова и С.Д.Шаймухановой «Карлаг», один из разделов которой был посвящен АЛЖИРу /20/.

Несмотря на наличие широкого интереса к данной проблеме, можно констатировать, что лагерная тематика остается все еще недостаточно разработанной и исследованной на основе архивных документов, в том числе нет ни одной работы, где проводился бы анализ особенностей функционирования Акмолинского лагеря, где сопоставлялись режимные и бытовые факторы, где были бы приведены последствия репрессивных мероприятий на судьбы ЧСИР. Между тем, исследование истории АЛЖИРа имеет принципиальное значение для понимания сути тоталитарного режима.

Для изучения Акмолинского лагеря была использована широкая источниковая база. Все

источники объединены в три основные группы.

Первую группу составили документы с грифом «совершенно секретно» ведомственных архивов Прокуратуры и КНБ, анализ которых позволил дать наиболее объективную оценку событий тех лет. В основу монографии положены постановления, инструкции, указы и решения Управлений ГУЛАГа и Карлага НКВД СССР, непосредственно руководившие Акмолинским лагерем.

Архив Центра Правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области располагает картотекой на всех заключенных Карлага НКВД. Проведена большая работа для поиска учетных карточек женщин из Акмолинского отделения, осужденных за политические преступления, так как из общей массы карточек, которых насчитывается порядка миллиона единиц хранения, необходимо было извлечь лишь «алжирок». Учетные карточки являются ценнейшим источником для изучения количественного, социального, национального, возрастного состава контингента АЛЖИРа.

Также изучены материалы республиканского значения, в частности - документы архива Центра правовой статистики и информации при Генеральной прокуратуре г. Алматы, где также хранятся персональные карточки на женщин, прибывших после лагеря на постоянное место жительства в Алматы. Ознакомление с материалами архивов КНБ по Алматы и Алматинской области, КНБ по Астане и Акмолинской области практически не дало положительных результатов, и лишь архив КНБ по Караганде и Карагандинской области предоставил списки женщин, которые в годы тоталитарного режима

были незаслуженно репрессированы и впоследствии реабилитированы, но только на проживавших, на момент ареста в Караганде и ее окрестностях. Здесь же была предоставлена возможность изучить следственные дела женщин, получивших повторный срок после отбытия наказания в Акмолинском лагере и оставшихся жить в Караганде.

Необработанность фондов ведомственных архивов значительно затрудняла работу с документами, что отразилось на оформлении сносок. К примеру, архив Центра правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области, несмотря на общепринятые сноски, обозначил весь фонд Карлага НКВД за № 16, указав при этом только номер дела и лист. В архиве КНБ по Караганде и Карагандинской области называется номер архивного дела и отмечается нужный для сноски лист; если человек, на которого заведено данное дело, реабилитирован, то перед номером ставится «0».

В исследовании использованы и «секретные» фонды государственных архивов: в первую очередь Центрального государственного архива Республики Казахстан - ЦГАРК (ФФ.1541, 2014, 1680) и Архива Президента Республики Казахстан - АПРК (ФФ.141, 708, 819), где представлены документы Прокуратуры, Наркомата юстиции, Верховного суда, Совета Министров Казахской ССР, которые позволяют раскрыть сущность режима, его репрессивную политику как в целом по СССР, так и по Казахстану.

В работе также представлены документы из Государственного архива Российской Федерации – ГАРФ. (ФФ.4042, 9474, 9401). Большой интерес вызывает справочник «Система исправительно-

трудовых лагерей в СССР 1923-1960 годы», в котором на основе архивных данных НКВД и МВД, собраны сведения о 476 лагерях. Приведенные документы включают сведения по дислокации лагерных управлений (но нет данных о подчиненных им отделениях и пунктах), о штатной и реальной численности заключенных, характере и объектах производственной деятельности, кадровом составе, тем не менее, в справочнике наблюдаются неполные данные и ряд неточностей. К сожалению, здесь нет информации о численности и местах дислокации женщин, осужденных как ЧСИР /21/.

Во вторую группу вошли документы мемуарного характера, опубликованные в периодической печати и извлеченные из Государственного архива Акмолинской области (ФФ. 1274, 1277), а также музеев Караганды, Астаны и поселка Акмол Акмолинской области.

Воспоминания бывших узниц лагерей являются одним из ценнейших источников. Большинство из них не опубликовано и находится на хранении в фондах музеев и архивов, но есть и такие, которые изданы в общественно-политических журналах, их богатый содержательный материал помог воспроизвести обстановку лагерей тех лет /22/. Первой обобщающей работой, построенной на воспоминаниях бывших узниц Акмолинского лагеря, стала документально-публицистическая книга журналиста А.Тасымбекова «Жан дауысы. АЛЖИР архипелагі». В ней ириведены конкретные факты из судеб репрессированных - арест мужей, женам которых впоследствии пришлось отбывать наказание в Акмолинском лагере и тот отрезок жизни, который отделял арест мужей от ареста их жен, однако, что касается пребывания женщин в

лагере, то здесь даны лишь отдельные эпизоды /23/. На основе воспоминаний бывших узниц АЛЖИРа написана также книга доктора М.Штарка "Wenn Du willst Deine Ruhe haben, schweige: Deutsche Frauenbiographien des Stalinismus" /24/. Большой источниковой ценностью обладает сборник воспоминаний женщин «Доднесь тяготееет». На сегодняшний день – это единственный сборник, где собраны ранее не опубликованные воспоминания женщин-политзаключенных /25/. В настоящее время практически завершена работа, проводимая Музеем и общественным центром им. Андрея Сахарова по комплектованию лагерных воспоминаний, где собрано порядка 600 рукописей, немалое место среди которых, занимают воспоминания женщин – бывших узниц.

Уникальные материалы были получены также в ходе личных бесед с жертвами политических репрессий. Пока живы очевидцы тех событий, необходимо записывать их рассказы, оценку прошлых лет и рассуждения о современности. Несмотря на преклонный возраст, они до сих пор поражают своей открытостью, чистотой, жизнеутверждающим началом, оригинальностью мысли. В общении с ними получаешь колоссальный заряд бодрости, энергии, желания жить и сказать правду о том, как это было на самом деле, ответить на вопрос, почему это стало возможным и сделать все, чтобы такого больше не повторилось.

В процессе интервьюирования бывших узниц лагерей, были получены материалы из личных архивов: фотографии, переписка с властными структурами, ходатайства о реабилитации. Бесспорно, они являются существенным дополнением к архивным документам. Свидетельства очевидцев помогли выявить отдельные

факты и сравнить их с данными архивов.

Третью группу источников составили законы и указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления ЦК ВКП (б) 30-40-х годов, опубликованные в различных печатных изданиях /26/.

В результате исследовательской работы выяснилось, что цифры и факты из использованных выше групп источников не всегда совпадают, что, естественно, затрудняет воспроизведение логики событий, но, то, что они впервые увидят свет и будут подвергнуты критическому анализу – это значительный шаг вперед в изучении обозначенной темы, значение которой трудно переоценить.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто помог в исследовании данной проблемы: Ж.С.Акылбаеву, Д.А.Шаймуханову, А.Ш.Алтаеву, А.А.Абдакимову, В.В.Горецкому, И.У.Аубакировой, С.В.Селиверстову, А.В.Майсюку, Н.А.Усачевой, Е.Б.Кузнецовой.

ГЛАВА 1. ГУЛАГ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Политико-идеологические и экономические факторы создания Гулага

Советское государство диктатуры пролетариата создавалось на основе марксистских теоретических постулатов как орудие подавления эксплуататорских классов. Революционное переустройство общества не мыслилось без методов насилия в отношении нелояльных к советскому режиму социальных групп.

Для удержания власти большевики спровоцировали оформление и упрочение тоталитарной системы со всеми присущими ей атрибутами рычагов воздействия.

В одном из первых документов советского правительства - обращении В.И.Ленина «К населению» от 5 ноября 1917 года - предлагалось предавать «революционному суду всякого, кто посмеет вредить народному делу...» /1/. Ленин также требовал «самых решительных драконовских мер поднятия дисциплины» /2/, а уже в декабре 1917 года он выдвинул следующий набор наказаний: «конфискация имущества, заключение в тюрьму, отправка на фронт и на принудительные работы всем ослушникам настоящего закона» /3/. В феврале 1918 года Ленин выступил за увеличение мест заключения и усиление уголовных репрессий /4/. Спустя месяц СНК РСФСР издал постановление «О красном терроре», которое положило начало заключению классовых врагов в лагеря. В свою очередь НКВД дал указание «немедленно арестовывать всех правых эсеров, а из буржуазии и офицерства взять значительное число людей в качестве заложников» /5/.

В годы гражданской войны осуществление террористической политики объяснялось революционной целесообразностью. Однако террор был продолжен и после гражданской войны. Примечательно, что на конгрессе Германской независимой социал-демократической партии в Галле в 1920 году Ю.О.Мартов уличил большевиков в бессмысленном огульном массовом терроре против невинных людей, отметив, что уже сам по себе факт, что жены и сыновья политических противников также арестованы как заложники и многие из них из мести за

действия их мужей и отцов были расстреляны, является документом масштаба террора.

М.Н.Тухачевский по приказу В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого жестоко расправился не только с тамбовскими повстанцами, но и с их семьями. Приказ от 1 сентября 1920 года гласил, что необходимо «провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать в таких семьях всех с восемнадцатилетнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты будут продолжать выступление, расстрелять всех» /6/. В начале 1921 года начались демонстрации и забастовки рабочих и крестьян по всей стране, финалом этой борьбы за свои права стало кронштадтское восстание, участники которого призывали «выгнать узурпаторов и покончить с режимом комиссаров» /7/. Это восстание было подавлено армией чекистских и воинских частей во главе с М.Н.Тухачевским.

Такая политика диктовалась не только сопротивлением свергнутых классов, остротой политической борьбы, но к тому же являлась главным стимулом к труду, так как экономические стимулы в условиях «военного коммунизма» были, по существу, сведены на нет. В данных условиях репрессивная функция государства становилась во главу угла. Так, в очередном декрете СНК РСФСР от 14 ноября 1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнивших нормы выработки без уважительных причин, предусматривалось наказание до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. Лагерь полагался и крестьянам за недосев, не выполнение продрозверстки и иных повинностей /8/.

Новый государственный строй, возникший на обломках Российской империи, не имел под собой прочной социально-экономической базы, к тому же, по словам Ленина, «аппарат был взят старый, от царя и помещиков» /9/. Для его создания необходимо было привлечь и заставить работать ранее незадействованные слои населения, и, в первую очередь, женщин, так как «начатое советской властью дело может быть двинуто только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин» /10/. «В области законодательства, - отмечал Ленин, - мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины, и мы по праву можем этим гордиться. Ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые месяцы существования» /11/.

Но этого, по замыслам В.И.Ленина, было явно недостаточно. За короткий период времени из забытых неграмотных женщин нужно было создать передовой отряд тружениц – «подлинных строителей социализма». Женщин, знавших жизнь до революции 1917 года, которые не были охвачены идеей активного участия в строительстве социализма, обвиняли в невежестве. «Среди более отсталых масс трудовая повинность вызывает целый ряд недоразумений, на фабриках нередко приходилось слышать заявления от темных работниц: «Это новое крепостное право!» /12/.

«Наша задача, - неоднократно повторял Ленин, - будить широкие массы, связывать их с партией и удерживать под ее влиянием» /13/.

На деле, освобождение женщин от домашней

работы и воспитания детей, вовлечение их в производство имело своей целью получение новых рабочих рук для решения задач экономической модернизации страны. Женщины, таким образом, становились винтиками в механизме становления государственной машины, их права и обязанности обуславливались лишь нуждами государства. Они получили, по сути, мнимую свободу, когда нет выбора и можно следовать только по заданной траектории, «свободу» думать и жить так, как диктуют императивы существующего режима. Это были первые ростки зарождения командно-директивного метода управления страной, когда каждый орган, элемент новой системы, отдельный человек мог делать лишь то, что предписано, разрешено, указано. Без диктатуры центра, достаточно жестко контролирующего положение на местах, большевики на тот момент просто не могли бы удержать власть.

На утверждение тоталитарного стиля руководства страной оказал влияние и такой фактор, что осуществление новой экономической трансформации происходило в условиях, когда ключевые посты в низовых и средних звеньях управления заняли партийцы с командным типом мышления, сложившимся в годы гражданской войны. И в высших эшелонах власти привычным и результативным казались методы, соответствующие курсу Л.Д.Троцкого на «казарменный» вариант социализма.

В этом плане введение НЭПа (новой экономической политики) воспринималось как вынужденная передышка для подготовки нового наступления, так как, по словам Ленина, построить социализм «по приказу» не удалось. «Мы думали, что по

коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение. Если мы эту задачу пробовали решить прямым, так сказать, любовой атакой, то потерпели неудачу. Не удалась любовая атака, перейдем в обход...» /14/. Спустя год, подведя итоги НЭПа, Ленин заявил: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии – достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута.... Теперь выдвигается другая – перегруппировка сил» /15/.

Однако в середине 20-х годов для экономического развития страны существовали условия углубления новой экономической политики, развития рыночных отношений и укрепления материальных стимулов к труду. Но для сталинского руководства это было неприемлемым по двум причинам. Во-первых, это ставило под угрозу сложившиеся социально-экономические, а, следовательно, и политические отношения, построенные на фундаменте командно-бюрократической системы. Во-вторых, этот путь представлялся неоправданно длительным, а потому и невозможным в условиях капиталистического окружения.

По Р.Такеру, если главной заслугой Ленина была Октябрьская революция и удержание ее завоеваний, то для Сталина необходимо было для утверждения единовластия взяться за дело не меньшее по масштабу и характеру, и своеобразным «Октябрем» для него стало революционное преобразование страны путем индустриализации и коллективизации /16/. Когда в конце 20-х – начале 30-х годов встал вопрос об источниках осуществления ускоренной индустриализации страны и о методах сплошной

коллективизации крестьянства, сталинское руководство имело «апробированный» прием: орудием экономической модернизации стал развитый репрессивный аппарат с использованием широкой сети исправительно-трудовых лагерей. Дешевая рабочая сила, подневольный рабский труд заключенных, новое «крепостное» право в деревне - таковы были «внутренние» ресурсы сталинских методов строительства социализма.

Ссылаясь на исторический прецедент, И.В.Сталин отмечал, что Петр I «лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны в попытке любой ценой, за счет невероятных лишений и жертв выскочить из тисков отсталости» /17/. «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» /18/. Вопрос о том, какую человеческую цену нужно заплатить за этот «пробег» для Сталина не существовал. Он был нацелен на скорейшую индустриализацию любыми способами. Необходимые для этого средства предполагалось взять за счет неэквивалентного обмена между городом и деревней. Наиболее удобной формой изъятия хлеба в деревне были колхозы: там зерно сразу засыпалось в общий амбар и вывоз его уже не вызывал сопротивления. Этими соображениями в значительной мере и была обусловлена насильственная коллективизация.

«В интересах пролетариата надо ограбить крестьянство», - утверждал Л.Троцкий. Сталин, говоря словами Троцкого, был за «ограбление крестьянства», но реализовывал свой подход, прикрываясь лозунгом «борьбы с кулачеством» /19/.

Такая непродуманная и экономически необоснованная политика привела к негативным последствиям. Так, в Казахстане события разворачивались в русле все той же пагубной идеи сверхфорсированной коллективизации, последствия от реализации которой, усугублялись извращениями по линии сельхоззаготовок и так называемого планового оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Если в 1928 году в Казахстане было обобщено 1,6 % хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 года более половины их общей численности /20/. Положение усугубилось неурожаями, которым в течение нескольких лет были подвержены хлебосеющие районы. Голод толкал людей на хищение хлеба, и чтобы пресечь это, 7 августа 1932 года был принят закон об охране социалистической собственности. Редактируя его, Сталин собственноручно вписал: «Люди, покушающиеся на общественную собственность, будут рассматриваемы, как враги народа» /21/.

Масштабы голода, вызванного перегибами в скотозаготовках и при обобществлении скота в колхозах, были страшными. В вопросе о людских потерях в Казахстане в результате голода 1932-1933 годов современная историография выдвигает различный спектр оценок. В исследованиях, базирующихся на данных всесоюзных переписей, называется цифра в пределах 1 миллиона человек. В книге М.Олкотт «Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии» говорится о 2 миллионах жертв. По данным М.Б.Татимова, жертв голода насчитывалось 1 миллион 750 человек, то есть 42 % всей численности казахского населения республики /22/.

Если в целом по стране была развернута политика

ликвидации кулачества как класса, то в Казахстане шла борьба с байством. Примером тому служит ряд архивных документов, вот один из них: «Обвинительное заключение по обвинению баев Четского района по ст. 58/2, 8,10,11 и 59/3 УК РСФСР от 17 июня 1931 года в том, что они создали банду и готовили казахское население к уючевке в Китай, вооруженное восстание в СССР и организацию автономного казахского ханства» /23/. Всего представлено к обвинению 113 человек, из них 7 женщин – все они жены баев. По данному делу было вынесено решение: 35 человек расстрелять, нмущество конфисковать, остальных сослать в лагеря.

В процессе коллективизации репрессии затронули не только кулаков, общее количество которых составило 4,6 % населения, но и крестьян-средняков, в ряде регионов их количество достигало 15 % /24/. По далеко неполным данным в целом по стране в 1930-1931 годам было экспроприировано более 568 тысяч хозяйств. Только в Казахстан на конец 1931 года было выслано 45 тысяч семей в качестве спецпереселенцев под административный надзор /25/.

По подсчетам Д.А.Волкогонова, 8,5-9 миллионов человек попали под раскулачивание, многие были расстреляны за оказание сопротивления, немало погибло на дорогах Сибири, Севера и Казахстана, значительная часть была направлена в исправительно-трудовые лагеря. Социализм на селе утверждал себя насилием, а мощь государства достигалась ценой свободы /26/.

По мере укрепления тоталитарной системы государства формировались ее охранительные механизмы: административно-карательный и

пропагандистско-идеологический. Оформление основ тоталитаризма происходило в условиях утверждения культа личности Сталина, что стало возможным из-за практически поголовной безграмотности, отсутствия демократической культуры и политического опыта в массах, революционного нетерпения, многовековой традиции подчинения деспотизму и его мифологизации, наличия утопических взглядов на социализм и абстрактного представления о путях его строительства, практикуемого как в процессе коллективизации, так и индустриализации «методом проб и ошибок».

Государство тотально доминировало над обществом и делало все для того, чтобы его фрагментировать, лишить человека унаследованных от прошлого социальных и других связей и тем самым изолировать людей друг от друга. В результате каждый отдельный индивид оставался один на один с огромным всемогущим аппаратом принуждения /27/. Но для успешной работы тоталитарной машины одного принуждения было недостаточно, важно, чтобы люди приняли общие идеи как свои собственные. И хотя соответствующие убеждения навязывались им извне, они должны были стать внутренними убеждениями, общей верой, благодаря которой каждый действует в «запланированном направлении» /28/. Система централизованного управления организовывала общество по единому разработанному плану, устанавливала контроль не только над вещами, но и над умами людей. Общество насквозь политизировалось: его членами признавались лишь те, кто разделял установленные цели. Любой человек и любое событие оценивались по их нужности для

общего дела. Несогласие с общепринятым мнением становилось несогласием с государством, то есть политической акцией /29/.

Политическая власть государства была абсолютно тоталитарной и проникла во все поры общества, так как без надстройки в условиях полного огосударствления экономики массы не могли сделать ни шагу. Репрессии, по сути, стали неотъемлемой частью тоталитарного режима. Для его возникновения были созданы определенные предпосылки: масштабные организационные структуры, средства политического и духовного контроля и идеологической обработки граждан.

Для того чтобы оправдать непредвиденные сбои в индустриализации и обосновать необходимость применения репрессивных мер, был инсценирован ряд судебных процессов. Первым показательным судом над «вредителями в промышленности» стало, так называемое, «шахтинское дело», когда на скамье подсудимых оказались пятьдесят советских горных инженеров и трое немецких специалистов. Суд завершился пятью смертными приговорами, после процесса было арестовано около 2 тысяч специалистов.

В марте 1932 года М.Рютиным были подготовлены проекты двух документов «Сталин и кризис пролетарской культуры» и обращение «Ко всем членам ВКП (б)», в которых давалась оценка тяжелого экономического положения, в котором оказалась страна из-за допущенных руководством перегибов в вопросах форсирования темпов индустриализации и коллективизации, а также обосновывалась необходимость снятия И.В.Сталина с поста

Генерального секретаря. Только за чтение этого документа в 30-е годы людей подвергали жестоким наказаниям, а чаще – просто уничтожали. Это был первый серьезный документ (160 листов машинописного текста), свидетельствующий о том, что в партии были люди, открыто бросившие вызов диктатуре Сталина и созданной им системе. Постановлением коллегии ОГПУ в несудебном порядке были привлечены к уголовной ответственности М.Н.Рютин, М.С.Иванов, В.Н.Каюров, Л.Б.Каменев, Г.Е.Зиновьев и другие (всего 30 человек).

В январе 1934 года состоялся XVII съезд ВКП (б), провозгласивший победу социализма в СССР. На съезде было отмечено, что Советский Союз преобразился, «сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. За отчетный период страна превратилась из аграрной в индустриальную державу с процветающим механизированным сельским хозяйством и расцветающей культурой» /30/. В заключении Сталин подвел итоги работы партии, подчеркнув, что выявлено «полное единство наших партийных руководителей, возражений против отчетного доклада, как знаете, не было никаких, выявлена, стало быть, необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов нашей партии» /31/. На деле все оказалось наоборот: в последний день работы съезда было проведено тайное голосование по выборам ЦК. Против Сталина было подано 292 голоса (без малого четверть числа делегатов). В итоге Л.Каганович распорядился сжечь 289 бюллетеней и оставить лишь 3, как у Кирова. Впоследствии практически вся счетная комиссия во главе с ее председателем В.П.Затонским была

уничтожена, подавляющее большинство делегатов этого съезда подверглось репрессиям (из 1966 делегатов - 1108 расстреляно) /32/.

Проведение политики, основанной на принуждении в отношении подавляющего большинства населения страны, требовало соответствующей реформы административно-политического аппарата страны. Такая реформа была проведена в начале 30-х годов. Во-первых, усилилась централизация аппарата. Решающую роль в данном случае сыграло постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 года «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел», где было предусмотрено образование Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудпоселений; во-вторых, была проведена «чистка» аппарата НКВД, в ходе которой были уволены или репрессированы старые чекисты, работавшие еще с Ф.Э.Дзержинским; и, в-третьих, значительно увеличилась численность аппарата НКВД, причем пополнение шло главным образом за счет недавних крестьян, много проникло и различных авантюристов /33/. Интересно проследить динамику роста численности сотрудников центрального аппарата Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД за 30-годы: 1930 – 87 человек; 1932 – 253; 1934 – 366; 1935 – 527; 1937 – 936; 1939 – 1562. Что касается образовательного уровня, то надо отметить он был невысок: лиц с высшим образованием насчитывалось 8,8%, со средним – 22,4%, продолжали учебу в вузах – 7,9%, остальные кадры (60,9%) имели образование в объеме нескольких классов средней школы. Нарком внутренних дел Н.И.Ежов, заполняя анкету, в графе образование писал: «незаконченное высшее» /34/.

Факт убийства С.М.Кирова явился поводом для начала нового витка репрессий, но теперь началась расправа не только с теми, кто раньше принимал участие в той или иной оппозиции, но и с преданными Сталину партийными кадрами, на которых пало хотя бы малейшее подозрение в инакомыслии. Характерно, что уже в день убийства, то есть еще до расследования всех обстоятельств, был принят закон об ускоренном (без адвоката), окончательном (без права на апелляцию и обжалование приговора) рассмотрении политических дел /35/.

В декабре 1934 года Центральный Комитет разослал по всем партийным организациям закрытое письмо «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова», содержание которого сводилось к призыву выявлять, исключать и арестовывать всех бывших членов оппозиции, еще оставшихся в партии. К концу месяца письмо было обсуждено во всех партийных организациях, и это обсуждение сопровождалось потоком огульных доносов. Цена человеческой жизни упала до минимума. Моральное и физическое уничтожение практически всех, кто пытался противодействовать, вера в целесообразность репрессивных действий, исключили возможность реального противодействия беззакониям 30-х годов. По всей стране прошли массовые аресты: арестовывали всех тех, кто был на заметке НКВД как политически подозрительный. В течение нескольких лет органы НКВД создали целую систему слежки людей друг за другом – в учреждениях, учебных заведениях между соседями и даже внутри семьи. Все это обставлялось конспиративно: завербованные в тайные осведомители давали подписку о

неразглашении, им присваивались клички, в каждом городе было несколько обычных домов, ничем не отличающихся от других, но принадлежавших НКВД, куда эти осведомители в установленное время должны были приходить и сообщать агенту НКВД устно, а затем и письменно все «подозрительное», что было увидено и услышано. Зачастую видеть и слышать было просто нечего и под угрозой и нажимом со стороны агентов, которым невыполнение плана по доносам, очевидно, тоже сулило неприятности, многие доносчики поневоле стали придумывать ситуации, чтобы отвести беду, а иногда и просто сводили счеты. Текст подписки оформлялся следующим образом: «Я ... сего числа даю настоящую подписку в том, что добровольно изъявляю свою готовность сотрудничать с органами НКВД на изложенных мне условиях и обязуюсь хранить это сотрудничество в абсолютной тайне» /36/.

Подобные акции, с одной стороны, еще более утверждали единовластие, показывая, что любые оппозиции бесперспективны, и теперь даже люди из ближайшего окружения Сталина не могли чувствовать себя в безопасности, а с другой стороны, политические процессы были организованы так, что «главный режиссер» оставался в тени, и внедрялась мысль, что шпионов, предателей и убийц судит сам народ. Сообщение о терактах, вредительстве и шпионаже представлялось официальной пропагандой так, чтобы вызвать у народа гневную реакцию. Так, отсутствие гласности, подлинной информированности, мощный пропагандистский аппарат облегчали задачу манипулирования сознанием миллионов людей.

С 1936 года репрессивная машина стала набирать

обороты, и жертвой ее мог стать любой, кто был не согласен со Сталиным или хотя бы подозревался в намерении совершить враждебное действие. Так, террор преследовал две цели: подчинить себе военную и гражданскую бюрократию, состоящую из молодых воспитанных в сталинском духе кадров и окончательно устранить всех «социально опасных элементов», что, как уже отмечалось, звучало весьма расплывчато. Террор и страх наказания использовался не только как инструмент уничтожения и запугивания действительных или воображаемых врагов и противников, но и как нормальный повседневно используемый инструмент управления массами и мог развязаться без какой-либо видимой причины и предварительной провокации, его жертвы совершенно невиновны даже с точки зрения того, кто этот террор осуществляет. В обиход был введен удобный юридический термин: социалистическая профилактика. Один из начальников Беломорстроя Л.Коган говорил: «Я верю, что лично вы ни в чем не виноваты. Но вы образованный человек, Вы, же должны понимать, что проводилась широкая социалистическая профилактика!» /37/.

25 сентября 1936 года из Сочи в Москву, в Политбюро пришла телеграмма-молния: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство представителей НКВД. Сталин. Жданов» /38/. Так, одним махом была решена судьба Г.Г.Ягоды, который будучи профессиональным

революционером, организовал истребление своих говарищей. Мощная бюрократическая машина постепенно засасывала его, являя тем самым пример растления личности, духовного перерождения. Его расстреляли не только как свидетеля, но и как непригодного для дальнейшего осуществления грандиозных преступных планов, для которых он уже не подходил. Вся семья Ягоды была репрессирована: мать Мария Гавриловна осуждена на 8 лет и через год умерла в лагере, жена расстреляна, пять его сестер и теща – сестра Я.М.Свердлова - были отправлены в различные лагеря сроком на 8 лет, даже жена заместителя Ягоды не смогла избежать наказания.

Таким образом, тоталитарный режим утверждался в результате кровопролитного усмирения общества. Однако для сталинского руководства пострадавшие являли собой потенциальную угрозу, готовые выступить против него в любой момент. Для уничтожения разом потенциальных противников режима, необходимо было провести большой террор.

На февральско-мартовском пленуме ЦК партии 1937 года Сталин выдвинул тезис о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет все более обостряться, поэтому «необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать. Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных» /39/, тем самым призывал к ужесточению мер в

отношении всех, недовольных существующим режимом. Это в очередной раз оправдывало учиненные в стране беззакония и служило началом проведению репрессий в массовых масштабах.

Важной составной частью механизма массовых репрессий стало создание соответствующих установок в советском нормотворчестве. Правовая подготовка к новому витку репрессий началась с циркуляра от 8 января 1937 года Наркома юстиции Н.Крыленко и Главного прокурора СССР А.Вышинского, в котором говорилось, что все дела по контрреволюционной преступной деятельности будут рассматриваться без участия обвинения и защиты, «ограничение допуска защиты может иметь место в исключительных случаях и, как правило, лишь в делах о контрреволюционных преступлениях» /40/. Вслед за циркуляром последовал ряд распоряжений, среди которых Постановление по докладу Н.Крыленко «О работе и задачах спецколлегии». Приведем цитату из этого документа: «Предатели народа, изменники родины, шпионы, диверсанты, вредители и убийцы, наемные слуги фашистов – троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и контрреволюционные буржуазно-националистические элементы также повысили свою активность в борьбе против социализма. На спецколлегии верховных, главных, краевых и областных судов возложена ответственнейшая задача жесточайшей борьбы с контрреволюцией, проводить линию беспощадной судебной репрессии, не допускать беспечности, благодушия и преступлений» /41/.

С введением внесудебных органов процедура обвинения значительно упростилась: сначала создание 10 июля 1934 года Особого Совещания, затем

организация по приказу НКВД СССР № 00192 от 25 мая 1935 года «троек» и приказа НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 года и № 00593 от 20 сентября 1937 года дела по спискам стали рассматриваться в республиках, краях, областях «двойками». Хотя просуществовали они не долго: «тройки» и «двойки» были упразднены во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и приказом НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 года /42/, но в годы массовых репрессий они потрудились «на славу».

По воспоминаниям бывшего чекиста М.П.Шрейдера, проработавшего на руководящих должностях НКВД до лета 1938 года, порядок работы областной тройки чаще всего был такой: составлялась повестка или так называемый «альбом», на каждой странице которого обозначались имя, огчество, фамилия, год рождения арестованного и преступление, в котором его обвиняли.

После этого начальник областного Управления НКВД писал на каждой странице красным карандашом букву «Р» и расписывался, что означало расстрел, в тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Обычно на следующий день страницы «альбома-повестки» подписывал первый секретарь областного комитета партии и председатель областного Совета. В 1937-1938 годах такая процедура внесудебной расправы получила широкое распространение и называлась «осуждение по альбому».

Кроме того, практиковалось «осуждение по списку», что еще более упрощало судебный процесс. С

середины 1937 года в областные и краевые Управления НКВД начали поступать официальные указания, какое количество лиц в данном регионе подлежит аресту и расстрелу /43/. Например, в Иркутской области должны были расстрелять 5 тысяч человек, о чем свидетельствует документ следующего содержания: «25 сентября 1938 года. Телеграмма Сталину и Ежову с просьбой о лимите по первой категории для Иркутской области» /44/. Это означало: местной тройке, а фактически единолично начальнику областного Управления НКВД, представлялось право без суда и следствия, на свое усмотрение лишить жизни 5 тысяч человек. Так называемый план, как и любой другой план, нельзя было не выполнить, более того перевыполнение его, как правило, поощрялось.

Репрессии лично санкционировались Сталиным. Вот один из таких документов, зачитанный на XXII съезде З.Т. Сердюком: «Тов. Сталину. Посылаю на утверждение четыре списка, подлежащих суду военной коллегии:

- 1) Список № 1 (общий) – 313;
- 2) Список № 2 (бывшие военные работники) – 200;
- 3) Список № 3 (бывшие работники НКВД) – 200;
- 4) Список № 4 (жены врагов народа) – 15.

Прошу санкции осудить всех по первой категории. Ежов». Первая категория означала расстрел, и во избежание этого слова, по телефону и в переписке применялась такая терминология. 12 декабря 1938 года Сталин и Молотов санкционировали к расстрелу 3167 человек. Только за период 1937-1938 годов Ежов послал Сталину 383 списка, содержащих тысячи имен тех лиц, приговоры которым заготавливались заранее, но требовалось его непосредственное утверждение /45/.

Если «тройки» и «двойки» просуществовали чуть более года, то Особое Совещание со временем получило неограниченные права. К примеру, 10 июня 1939 года прокурор А.Я.Вышинский счел необходимым обратиться к секретарю ЦК ВКП (б) И.В.Сталину и председателю СНК СССР В.М.Молотову с запиской «За последнее время через Особое Совещание проходит большое количество дел, причем в каждом заседании Особое Совещание рассматривает от 200 до 300 дел. При таком положении вещей не исключается возможность принятия ошибочных решений». Прокурор предлагал «установить такой порядок работы Особого Совещания, чтобы совещания созывались чаще и с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел». Интересна реакция главы правительства на эту записку: «Тов. Берия. Как быть?». Впоследствии оказалось, что 200 – 300 дел – это, отнюдь не предел, позднее Особое Совещание за одно заседание могло осудить и 789, и 872, и 980 человек /46/.

Целью проводимой политики было не только изолировать и уничтожить неугодных режиму людей, необходимо было сломить их волю, заставить дать ложные показания, назвать себя «врагами народа», что при соблюдении законных методов и форм было невозможно. Принцип презумпции невиновности был отброшен. Являясь главным действующим лицом подобных процессов, генеральный прокурор СССР А.Я.Вышинский подчеркнул, что суд не может установить объективную истину и цель его не поиск истины, а установление «вероятности» виновности. Объективные доказательства вины вообще не нужны,

если подсудимый признался. Естественно, такая формулировка нацеливала следователей на то, чтобы любыми способами добиться от арестованных признания своей «вины» /47/.

Начиная с 1937 года, органам НКВД было официально разрешено применять «физические меры воздействия». Оправдывая этот факт произвола, Сталин пояснял: «Известно, что все буржуазные службы контрразведки используют методы физического давления на представителей социалистического пролетариата и притом в наиболее гнусных формах. Возникает вопрос, почему служба социалистической контрразведки должна проявлять больше человечности к агентам буржуазии, смертельным врагам рабочего класса и трудящихся колхозников. ЦК ВКП (б) считает, что физическое давление должно и далее применяться против известных врагов народа, как оправданный и адекватный метод» /48/.

Режим террора, по словам Н.Бердяева, есть не только материальные действия – аресты, пытки, казни, но, прежде всего, действие психологическое. И вся система допросов рассчитана на морально-психологическое и физическое изматывание подсудимых. Следователи по «раскрытию» всевозможных враждебных центров начинали допросы, как правило, с применения физических мер воздействия, продолжавшихся до тех пор, пока подсудимые не соглашались с данными обвинениями. Зачастую протоколы допросов и очных ставок составлялись до признания арестованными своей вины, и нередко они были составлены в отсутствие допрашиваемых. Возможность

обжалования приговоров исключалась, а смертные приговоры исполнялись немедленно.

Итак, репрессии достигли своего апогея и коснулись теперь уже непосредственных проводников идей Октября, тех, кто, не жалея сил, веря в светлое будущее, строил социализм. Партийная гвардия была еще достаточно сильна, поэтому ее разгром был обязательным условием сохранения единовластия в стране. Хладнокровно-продуманная и глубоко-преступная акция была рассчитана на устранение из общественно-политической и культурной жизни страны людей творчески мыслящих, способных критически оценивать действительность и соотносить ее с идеалами социализма и поэтому в обстановке низкой общей культуры масс и их слабой политизации, они являлись главным препятствием на пути единоличной власти Сталина.

Понадобилось двадцать лет, чтобы «гидра революции» стала пожирать своих детей. «В СССР жертвами теперь являются те, кого мы и сами без колебаний повесили бы», - заметил 17 июня 1937 года один из руководителей «Русского общевойскового союза» А.А.Лампе в письме заместителю этой боевой белоэмигрантской организации П.А.Кусонскому. А в письме 13 августа 1937 года другому своему корреспонденту С.А.Волконской он добавлял: «20 лет они жили и своих не угробливали, а на вторые 20 лет именно с этого-то и начали. А взаимные угробливания и казни в своей среде есть нормальный конец всякой революции... разговоры об «изменах», «шпионажах в пользу одной державы» – это сплошной вздор» /49/. Единственное, что было неверным в их размышлениях то, что конец революции наступил не скоро.

Оставалась еще одна сила, авторитет которой в народе был очень высок, начиная со времен гражданской войны – это армия, но и в ее структурах начались репрессии. «Дело военных» – так называла мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной Армии. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, понимание необходимости перестройки армии – все это не давало уверенности в поддержке армией проводимого курса, направленного на укрепление авторитарного режима. Следовательно, необходимо было провести чистку в ее рядах и начать, конечно, с командного состава.

12 июня 1937 года вышел приказ Народного Комиссара СССР за № 96, где отмечалось, что «главным предателям и главарям отвратительной изменнической банды: Тухачевскому М.Н., Якиру И.Э., Уборевичу И.П., Корку А.И., Эйдеману Р.П., Фельдману Б.М., Примакову В.М. и Путне В.К. Верховный суд вынес справедливый приговор! Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, мерзкие предатели, так подло обманувшие свое правительство, народ, армию уничтожены. Бывший заместитель Народного Комиссара обороны Гамарник, предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил жизнь самоубийством... Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и тухачевские, якиры и уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски – служившие капитализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта. Народный комиссар обороны СССР маршал Советского Союза К.Ворошилов».

Впоследствии, в изданном 30 лет спустя, сборнике «Ян Гамарник» вышла статья «Товарищ в борьбе», где дана следующая характеристика: «Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника – это труд и ратный подвиг. От рядового коммуниста до крупного партийного руководителя – таков его путь. Ян Гамарник на любом посту работал с полной энергией. Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и останется в сердцах тех, кто знал его лично, в памяти всех трудящихся». И подпись: Климент Ефремович Ворошилов /50/.

По имеющимся данным и проведенным подсчетам, можно заключить, что в 1937-1938 годах погибло 45 % командного и политического состава армии и флота /51/. Пострадали и их семьи, в первую очередь, семьи расстрелянных.

В результате анализа учетных карточек, удалось выяснить, что после расстрела М.Н.Тухачевского через небольшие промежутки времени была репрессирована вся его большая семья, включая жен братьев и мужей сестер. Из мужчин из мест заключения не вернулся никто. Мать и жена Тухачевского сначала получили административную высылку в Астрахань. Затем их разъединили, так как родственникам не положено было находиться вместе, хотя, конечно, бывали и исключения. Жену Нину Евгеньевну отправили сначала в Потьминский женский лагерь, затем в 1941 году привезли в Москву и там расстреляли, дочь Светлана узнала об этом лишь в 1957 году. Мать Мавра Петровна в 1941 году была вывезена в Казахстан, где умерла в 1941 году. Старшая сестра Софья Николаевна после пребывания в Томском лагере жен «изменников Родины» получила высылку в Чимкент и там умерла,

две другие его сестры - Ольга Николаевна и Мария Николаевна также были направлены в Томский лагерь. Елизавета Николаевна и жены братьев Мария Викентьевна и Зинаида Федоровна были заключены в Акмолинский лагерь на максимальный срок 8 лет. Здесь же отбывали наказание сестры Я.Б. Гамарника - Фаина Борисовна и Зоя Борисовна. Жена И.Э.Якира Сара Лазаревна также получила 8 лет лагерей. Спустя год был арестован В.К.Блюхер, который, не смотря на пытки, не сломался и ничего не подписал; его жена Глафира Лукьянична и дочь Маша отбывали наказание в Карлаге. Дети, объявленные «врагами народа», также были отправлены в лагерь, но уже в 1951 году.

Для того чтобы «спектакли» удавались, их долго репетировали. Процесс Бухарина, например, готовился больше года. Несколько месяцев ушло на то, чтобы сломить волю обвиняемых. Правда, иногда были временные сбои. Так, в обвинительном заключении говорилось, что подсудимый Н.Н.Крестинский «вступил в изменническую связь с германской разведкой еще в 1921 году», но тот вдруг на суде неожиданно для всех дал отрицательный ответ. Пришлось сделать перерыв, к вечеру следующего дня подсудимый пришел в «норму» и признал «себя полностью ответственным за совершенные измену и предательство» /52/. В процессе изучения дела Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета. По заключению судмедэкспертизы: эти пятна – кровь, и получены они в результате избиения заключенного /53/.

После каждого заседания обвиняемым напоминали, что от полноты и точности изложения, согласованных

на следствии версий, зависит не только их дальнейшая судьба, но и жизнь родных. Возможно, что в результате беспрерывных допросов и обвинений страх за собственную жизнь, постепенно утрачивал всякий смысл, но чувство ответственности за судьбы своих близких заставляло подследственных подписывать протоколы допросов, признавая себя «врагами народа». Исключений практически не было. Хотя в истории известен такой факт - из воспоминаний сына первого секретаря ЦК КП (б) Узбекистана А.И.Икрамова: «Мне рассказывали о человеке, который не подписал ни одной бумаги, хотя на его глазах замучили жену и сына. Не могу я восхищаться его стойкостью. Видимо, человек еще до всего этого сошел с ума» /54/.

По сути, члены семей выступали здесь в качестве «судебных заложников». Однако надо отметить, что судьба подсудимых и членов их семей была решена еще до начала следственного процесса. Тут налицо был очередной обман: шантажируя обвиняемого и, добившись от него признания в чудовищных преступлениях, сфабрикованных сотрудниками НКВД, семья в конечном итоге также была обречена на репрессии независимо от исхода следствия.

Под оправдание неправых действий в отношении семьи репрессированных была подведена соответствующая законодательная база. Так, еще 8 июня 1934 года вышло постановление ВЦИК СССР «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине (сам термин «измена Родине» в советском законодательстве появился лишь в 1929 году. Скорее всего, это было

связано с тем, что народ подразумевал под словом «Родина» царское правительство и старый режим), где отмечалось, что «измена Родине, то есть действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи, его, государственной независимости и неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей уголовной мерой наказания - расстрелом с конфискацией всего имущества. Совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, - караются лишением свободы от 5 до 10 лет с конфискацией имущества» /55/.

20 июля 1934 года было принято дополнение к 58 статье о «членах семей изменников Родины», в котором официально узаконивалась возможность ареста данной категории населения. Соответствующий документ был принят, и теперь каждый должен был знать, что, получив обвинение в измене родине, он не только пострадает сам, но и его семья будет осуждена как ЧСИР. Считалось, что они не могли не знать о преступной деятельности главы семейства, но не донесли и потому должны быть наказаны. Если обвинен глава семьи, как ячейки общества, то наказание должны понести все ее составляющие. «Мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать» /56/. Данные слова Сталина являют собой

суть механизма действий властных структур в отношении всех причастных к судьбе репрессированного родных.

Идея наказания родных и близких была не нова, у нее глубокие исторические корни. Об этом свидетельствуют следующие факты из истории древнего Китая: если один из членов бао (поручительная единица) или лян (поручительное звено) совершал преступление, то остальные должны были донести на него, в противном случае их разрубали пополам. Позднее, согласно уголовному законодательству эпохи Цинь, вводился институт круговой поруки: за каждого человека отвечали шесть его родственников. Преступника казнили, а его родственников обращали в государственных рабов. Подобный факт был зафиксирован и в империи инков, где существовало положение о том, что в случае наиболее серьезных преступлений, предусматривалась казнь всех родственников виновного /57/. Расстрел царской семьи стал еще одним свидетельством расправы со всеми членами главы семьи. В этом смысле сталинская эпоха не изобрела ничего нового, а лишь использовала предшествующий опыт, усовершенствовав его и применив на практике теперь в период новейшей истории.

Согласно оперативного приказа НКВД СССР за № 00486 от 15 августа 1937 года, необходимо было «впредь всех жен избличенных изменников родины, правотроцкистских шпионов, арестовывать одновременно с мужьями». Данное положение действовало вплоть до принятия другого приказа НКВД СССР за № 00689 от 17 октября 1938 года, где «вопрос об аресте и репрессировании жен врагов

народа должен решаться в каждом отдельном случае начальником соответствующего органа НКВД, исходя из полученного агентурным путем материала, степени причастности их к контрреволюционной работе своих мужей, продолжительности совместного проживания и проч.» /58/. Политика репрессий в отношении ЧСИР продолжалась более года и проходила повсеместно, во всех регионах страны женщин арестовывали и направляли в специально созданные для них лагеря. По воспоминаниям Н.С.Хрущева, «комиссия, созданная после XX съезда партии, обнаружила записку Ежова Молотову, в которой перечислялись фамилии жен врагов народа, предлагалось выслать их из Москвы. Молотов наложил резолюцию «расстрелять». И они были расстреляны. Это же ужасная вещь: даже НКВД пишет, что их надо только выслать, следовательно, за ними нет никакого преступления» /59/.

В основном осужденные по статье «ЧСИР» получали срок от 3 до 8 лет лагерей, но в годы войны наиболее опасных из них расстреливали. Этот факт подтверждают как мемуары самих узниц, так и свидетельства их детей. К примеру, в результате переписки с сыном О.Д.Сосновской-Гержеван В.Сосновским, удалось установить, что жене бывшего председателя Совнаркома РСФСР С.И.Сырцовой-Поповой предъявили обвинение в организации террористического заговора жен расстрелянных врагов народа. Для подтверждения этого к ней применяли самые жестокие пытки, в результате которых был подписан протокол, где та призналась, что вместе с Н.В.Уборевич и О.Д.Сосновской-Гержеван возглавили группу для осуществления террористических актов против руководства партии и страны. Привезенные на Лубянку

члены так называемой группы в результате допросов также были сломлены и, получив необходимые признания, суд приговорил их к расстрелу. По этому делу проходили также жены Тухачевского и Гамарника. Их расстреляли в Орловском Централе в числе 164-х заключенных при приближении к Орлу немецких войск.

Репрессии коснулись и ближайшего окружения Сталина, их семьи отнюдь не стали исключением, их постигла та же участь, что и миллионы советских граждан.

Е.И.Калинину арестовали довольно банально: позвонили из ателье и пригласили приехать на примерку. После ареста в Свердловской пересыльной тюрьме, куда были отправлены многие москвички ЧСИР, она успокаивала: «Быть не может, чтобы нас скоро не выпустили. Убедили Сталина пробравшиеся в органы враги из иностранных разведок, что кругом измена, но он скоро разберется в этом. Партию не обманешь. Нет такого закона у коммунистов, чтоб жена, член партии, отвечала за мужа» /60/. Но на деле все оказалось далеко не так. Обвинения по делу Е.И.Калининой включали, чуть ли не половину Уголовного кодекса, в качестве наказания она получила 10 лет лагерей, причем должна была использоваться, только на общих тяжелых подконвойных работах. М.И.Калинин униженно просил Сталина освободить его жену, чтобы побыть с ней хотя бы перед смертью, и Сталин обещал сделать это после войны. Через месяц после войны пришла телеграмма об освобождении Екатерины Ивановны, ей выдали паспорт, по которому она не могла приехать не только в Москву, но и еще в 270 городов страны. Когда

Калинину дали возможность увидеть свою жену, он был уже смертельно болен.

Если М.И.Калинин на протяжении многих лет не переставал просить за жену, то В.М.Молотов, напротив, никогда при Сталине не вспоминал о своей жене, а его дочь, вступая в партию, на вопрос о родителях ответила, что отец у нее - Молотов, а матери у нее нет. У Кагановича одного брата расстреляли, другой застрелился сам, у Ворошилова арестовали родителей жены его сына, у Шверника расстреляли жившего с ними мужа его дочери Стаха Ганецкого.

Когда Берия с согласия Сталина арестовал жену его ближайшего помощника Поскребышева Брониславу Соломоновну, то на все просьбы мужа спасти ее, у Сталина, по словам дочери, Поскребышева Галины Александровны, был один ответ: «Это от меня не зависит. Я ничего не могу сделать. В НКВД разберутся». Главный аргумент состоял в том, что брат матери ездил за медицинским оборудованием за границу, за что и был расстрелян. Жену Поскребышева, мать двоих детей, продержали в тюрьме три года, а затем расстреляли. Несмотря на это, Поскребышев продолжал работать по 14-16 часов в сутки секретарем у Сталина и подавал документы, готовил справки, вызывал людей, отдавал распоряжения.

Сохранились переписные листы июля 1938 года, просмотренные Сталиным, где перечислялись члены семей руководящих работников. Остались следы его карандаша, вероятно, тех, кого он еще хотел взять на заметку:

Берия Нина Теймурадовна, грузинка, научный работник, сын Сергей, 14 лет.

Каганович Мария Марковна, дочь Майя и сын Юрий. Ворошилова Екатерина Давыдовна.

Жемчужина Полина Семеновна: дочери Светлана Вячеславовна

Молотова и Рита Ароновна Жемчужина.

Андреева – Дора Моисеевна Хазан, дочь Наталья Андреевна...» /61/.

Таким образом, во второй половине 30-х годов никто из граждан СССР, в том числе и высших руководителей партии и государства, не был застрахован от политических репрессий.

Процесс развития тоталитаризма характеризовался одинаковой направленностью во всех республиках, и Казахстан здесь не стал исключением. Из отчетного доклада ЦК КП (б) Казахстана «Разгром капиталистической агентуры и дальнейшее укрепление советского государства» на II съезде партии, состоявшемся 3 июля 1937 года: «Для подрыва военной и экономической мощи Советского Союза эти враги широко применяют методы вредительства и диверсии в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. По приказу своих иностранных хозяев троцкисты, бухаринцы, рыковцы и буржуазные националисты, в том числе и у нас в Казахстане, срывали работу промышленных предприятий, разрушали отдельные цеха, транспорт, заражали скот и делали все, чтобы создать голод и затруднения в стране и задержать дальнейший подъем и развитие народного хозяйства. Но эти презренные люди, эти чудовища, не смогли осуществить своих чудовищных замыслов, потому что десятки миллионов советских людей, любящих свою родину, дерутся на всех участках за новые победы, организуют и двигают вперед хозяйство и культуру,

потому что наша партия и наша разведка сумели вовремя разоблачить гнусные дела этих фашистских шпионов, террористов, вредителей и разгромить их» /62/.

30 июля 1937 года была разоблачена «национально-фашистская организация» и подвергнуто аресту более 400 человек, в том числе Рыскулов, Нурмаков, Ходжанов, Садвакасов, «которые вели переговоры, как с троцкистами, так и с правыми и являлись агентами японской разведки /63/.

В августе 1937 года на пленуме ЦК ВКП (б), обсуждая итоги директив февральско-мартовского пленума, органы НКВД Казахстана рапортовали о том, «что в ближайшее время будет выкорчевано все троцкистско-правое отродье, все их союзники, мы, чекисты Казахстана, на нашем участке в Казахстане сделаем все, чтобы это слово тов. Ежова было выполнено» /64/.

Из протокола III Пленума ЦК КП (б) Казахстана «О составе ЦК КП (б) К 26 октября 1937 года»: «Одобрить предложение бюро ЦК КП (б) К об исключении из состава членов ЦК КП (б) К как врагов народа и передаче дела на них в НКВД: Садвакасова Д., Сыргабекова Н., Таштитова К., Курамысова И., Нурмахамедова Х., Мусина А., Баймагамбетова Ж., Байдакова Б., Нурпеисова М., Тасбулатова С., Палий П.» /65/.

Сохранился документ с грифом «строго секретно» с планом на 8 областей Казахстана, предусматривающим арест 5 тысяч человек /66/. Давать показатели ниже установленных органами НКВД не рекомендовалось /67/, необходимо было разоблачить всех врагов советской власти, которые, «создавая различные

антисоветские националистические организации, ставили своей целью отторжение Казахстана от СССР и превращение его в колонию японского империализма» /68/.

В 1937-1938 годах практически весь цвет казахской интеллигенции был уничтожен. Жертвами репрессий оказались как проводники идей национальной независимости республики, так и истинные сторонники идей Октября. Получив клеймо «национал-фашистов», практически все они были приговорены к расстрелу. Это распространилось и на членов Союза писателей Казахстана. «Его руководители Муканов, Сейфуллин, Джансугуров, Токжанов, Майлин и другие не сделали необходимых выводов из указаний февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), в результате чего в СПК продолжает царить идиотская болезнь – политическая беспечность и притупление революционной бдительности. Между тем, такие болезни как зазнайство, отрыв от масс, которые граничат с вождизмом, кастовостью, творческим оскудением, характеризует самого Сейфуллина» /69/.

Вслед за своими мужьями арестовывались их жены и направлялись для отбытия наказания в Акмолинский лагерь. На 8 лет были осуждены: К.Кожанова – жена второго секретаря Казкрайкома, инструктора ЦК ВКП (б) по национальным вопросам С.Кожанова, Д.Жургенева – наркома культуры Казахстана Т.Жургенева, С.Назарова – заведующего печатным отделом Казрайкома З.Темирбекова, К.Майлина – писателя Б.Майлина, А.Рыскулова – жена зам. председателя СНК РСФСР Т.Рыскулова и другие (учетные карточки на них хранятся в архиве Центра правовой статистики и информации при прокуратуре

Карагандинской области).

В феврале 1938 года наркомом внутренних дел Казахстана стал С.Ф.Реденс, который и завершил аресты руководящего состава республики, в том числе и секретарей обкомов, горкомов и райкомов.

Отчетом о проделанной работе военного трибунала является справка следующего содержания: «Комиссару Государственной безопасности I ранга тов. Берия Л.П. За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года военной коллегией Верховного Суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено: к расстрелу 30 514 человек, к тюремному заключению 5 643 человека. Всего 36 157. В.Ульрих» /70/. Это, конечно, далеко не полный перечень дел военного трибунала. Людей лишали жизни, но не указывали, на каком юридическом основании это делалось. Такой нонсенс не могли допустить профессиональные юристы, но это было в духе партийно-номенклатурных работников, которыми были укомплектованы так называемые органы правосудия /71/. С отстранением от должности наркома внутренних дел Ежова закончился «большой террор». А.С.Яковлев, известный советский конструктор, встречавшийся со Сталиным, вспоминал его слова: «Ежов мерзавец, погубил много невинных людей. Мы его за это расстреляли» /72/.

Установить точное количество репрессированных практически невозможно. Ни один источник информации, включая органы суда, прокуратуры и КНБ не могут предоставить точные сведения о числе лиц, подвергшихся репрессиям, так как данные фальсифицировались в сторону уменьшения в соответствии с политической обстановкой и

соответствующими указаниями руководящих органов, к тому же менялись формы отчетности и известно, что часть документов, особенно за 1937-1938 годы, уничтожены в 1953-1955 годах.

13 мая 1937 года на пленуме Верховного Суда СССР А.Винокуров заявил, что в 1936 году по линии Наркомюста прошло 5 190 000 уголовных и гражданских дел, причем за контрреволюционные преступления рассматривалось 384 261 дело в отношении 850 000 человек, то есть 40,3 % /73/. Из общего числа осужденных по политическим мотивам 749 421 человек: в 20-е годы были приговорены к высшей мере 43 952 человека (5,9 %), в 30-е годы - 705 469 (94,1 %), причем, только на 1937-1938 годы пришлось 681 692 (91 %) /74/.

Всего в 20-30-х годах по политическим мотивам было осуждено более 3 миллионов человек. Следует отметить, что на 1937-1938 годы приходится 1 344 923 (43,7 %) осужденных «врагов народа», а на остальные - 1921-1936 и 1939-1940 годы - 1 735 651 (56,3 %) /75/.

Существует множество различных оценок исследователей, которые сделали попытки «посчитать» количество репрессированных в 1937-1938 годах. Основанную на архивных источниках статистику привел Д.А.Волгогонов: «по имеющимся материалам (списки делегатов съездов, партийные статистические отчеты, доклады с мест, данные архивов судебных органов, различные донесения Сталину, Молотову, Берии и т.д.), можно сделать осторожную оценку общего количества репрессированных в эти годы. По моим подсчетам, репрессиям подверглось порядка 4,5-5,5 миллионов человек». По данным Р.А.Медведева, эта цифра несколько выше - 5-7 миллионов человек,

так как «к жертвам нельзя относить только тех, кто сидел в лагерях или погиб. В принципе жертвой репрессий стал весь советский народ» /76/. В.Н.Земсков назвал эти цифры слишком преувеличенными и не соответствующими исторической правде. По его оценкам, ссылаясь на архивные данные, всего в СССР за 1937-1938 годы было репрессировано (с учетом тех, кто подвергался аресту, но не был осужден) около 2,5 млн. человек, в том числе 1 344 923 «врага народа». Причем, достигнув своего апогея, репрессии пошли на убыль: в 1939-1940 годах в общей сложности по политическим мотивам было осуждено 135 695 человек, то есть почти в 10 раз меньше, чем в 1937-1938 годах /77/.

По подсчетам Р.Конквеста, в 1938 году было арестовано не менее 5 % населения – каждый двадцатый. Если бы репрессии продолжались еще некоторое время, и каждый подсудимый назвал 2-3 сообщника, то новая волна поглотила бы 10-15 % населения, потом - 30-45 %. Существует много теорий относительно мотивов ослабления репрессивной политики. Многие исследователи задаются вопросом: почему массовый террор пошел на убыль? Скорее всего, террор достиг крайнего предела. Продолжать было невозможно экономически, политически и даже физически. Тюрмы и лагеря были переполнены. Но между тем, массовый террор выполнил свою задачу. Страна была подавлена, и миллионы людей были заключены в лагеря /78/.

Перед исследователями феномена ГУЛАГа до сих пор встает главный вопрос: в решении создания в 30-е годы системы лагерей первостепенное значение имел политический фактор, то есть преследовалась идея

наказания «неугодных» государству граждан, их изоляция от основной массы населения, или все же во главе стоял экономический аспект, ставивший задачу освоения отдаленных территорий посредством дешевой рабочей силы? Иначе говоря, лагерь для заключенных, или заключенные для лагеря?

На самом деле весьма трудно отделить одно от другого. В результате исследований напрашивается вывод, что ГУЛАГ преследовал как политические, так и экономические цели, но в силу различных причин (степень опасности заключенных, дислокация лагеря) на определенных этапах превалировал то политический оттенок, то экономический. Таким образом, подчиненная тоталитарному режиму лагерная система обеспечивала как политические, так и экономические потребности. С учетом вышесказанного можно заключить, что создание лагерей детерминировалось комплексом политико-идеологических и экономических предпосылок. В становлении и развитии тоталитарной системы существенная роль отводилась доктрине экономической модернизации, включающей нацеленность на сверхцентрализацию, главным образом в форме единоличной диктатуры. Для утверждения единовластия и укрепления командно-бюрократической системы в целях исключения любых оппозиций и инакомыслия были развернуты широкомасштабные политические репрессии, в свою очередь, свертывание гласности, демократии и информированности, а также отсутствие политической грамотности большинства населения страны сделало возможным проведение массового террора. Идеологическим обоснованием массовых репрессий стал постулат Сталина об обострении классовой

борьбы по мере строительства социализма. Жизнеспособность системы обеспечивалась аппаратом насилия и террора в отношении различных социальных групп, и в этом контексте социальные институты, в том числе семья, были подвергнуты в значительной мере целенаправленному разрушению. При этом под оправдание репрессивных мероприятий была подведена соответствующая нормативно-правовая база, дававшая основание для фальсификации любых процессуально-следственных действий. Логическим завершением формирования системы государственного принуждения к труду стало создание разветвленной экономики НКВД, получившей организационное оформление в лагерях концентрационного типа.

1.2. Организационно – нормативная основа образования Акмолинского женского лагеря НКВД

Организационная структура и материальная база мест лишения свободы после Октября 1917 года во многом определялась системой, сложившейся в царской России, но не соответствующей экономическим императивам режима. Министерство юстиции было переименовано в Наркомат юстиции (НКЮ), который в свою очередь образовал Центральный Карательный орган (ЦКО). Параллельно с деятельностью НКЮ складывалась и система Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК), предназначенная для содержания особо опасных преступников. Ставка была сделана и на Центральную

коллегию по делам пленных и беженцев (Ценгропленбеж), которая имела в своем ведении широкую сеть концентрационных лагерей для военнопленных первой мировой войны, а позднее для военнопленных гражданской войны /1/.

17 мая 1918 года вышло постановление ВЦИК СССР «О лагерях принудительных работ», где отмечалось, что содержание лагеря и администрации должно окупаться трудом заключенных. Официально существовало пять типов лагерей принудительных работ: лагерь особого назначения, концентрационные лагеря общего типа, производственные лагеря, лагеря для военнопленных и лагеря-распределители. По большому счету, они не отличались друг от друга ни по условиям содержания заключенных, ни по основаниям направления в них. В архивных документах встречаются наименования «трудовые концентрационные», «лагеря», «лагеря принудительных работ» без каких-либо различий. Хотя, по сути, концентрационные лагеря должны были содержать классовых врагов Советской власти, а лагеря принудительных работ делать акцент на использование труда уголовных заключенных. Фактически же грани между политическими и уголовными заключенными были расплывчатыми. Так, например, в разряд политических можно было попасть за проезд без билета в трамвае. Уголовное законодательство того времени не имело правовых актов, в которых обстоятельно формулировались бы конкретные виды особо опасных преступлений /2/.

В июле 1918 года ЦКО опубликовал «Временную инструкцию НКЮ», согласно которой необходимо было создать систему мест заключения, отвечающую

нотребностям временн. Эта система строилась на двух основных принципах: самоокупаемости и перевоспитания заключенных. Но на практике принятая инструкция не соответствовала положению дел в стране. ЦКО не мог обеспечить заключенных работой. Так, в 1918 году трудом было занято 2 % заключенных, Трудности состояли абсолютно во всем: в организации рабочих мест, нехватке инвентаря, отсутствии каналов сбыта, а в условиях безработицы найти нуждающихся в рабочей силе само по себе было проблемой. Таким образом, на самоокупаемость перейти не удалось, поэтому в 1921 году на первый план вышло перевоспитание заключенных, ЦКО был переименован в Центральный исправительно-трудовой отдел (ЦИТО) /3/.

В 1922 году вышел Уголовный кодекс, по которому не предусматривалось заключение в лагеря, и в течение следующего года все лагеря были ликвидированы, исключение составило Управление Северных лагерей. На смену лагерям пришли изоляторы специального назначения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии (сельскохозяйственные, ремонтные, фабричные и другие), трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей, трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи, колонии для психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных /4/.

Такая реорганизация коснулась всех республик, в том числе и Казахстана. В период с 1924 по 1930 годы в Казахстане в системе мест заключения функционировали: три изолятора специального назначения на о. Возрождения, Уральский и

Тортакульский; исправительно-трудовые дома: Актюбинский, Джетысуйский, Аулие-Атинский, Семипалатинский, Петропавловский, Кустанайский, Усть-Каменогорский, Кызыл-Ординский; трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей с двумя отделениями в Казалинске /5/.

После образования СССР 6 июля 1923 года было создано Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ), подчиненное СНК СССР. Это повлекло за собой ряд мероприятий, в том числе и перераспределение заключенных. 21 августа 1923 года в местах лишения свободы Московской губернии было определено, что женщины должны содержаться в Ногинской женской тюрьме (все женщины, состоящие под следствием, а также приговоренные к лишению свободы на срок не менее 6 месяцев) /6/. Важно отметить, что в архивных документах практически не встречаются сведения о женщинах-заключенных на ранних этапах становления лагерной системы. По статистике 20-х годов, по данным Солженицына, «на 1 женщину в заключение приходилось 6-7 мужчин, в 30-40 годы соотношение это немного выровнялось» /7/.

На основании постановления СНК СССР от 13 октября 1923 года Северные лагеря были ликвидированы, и на их базе организовалось Управление Соловецких лагерей принудительных работ особого назначения (УСЛОН). Создание лагерей противоречило Уголовному кодексу, и незаконность этой акции побудило назвать лагеря ОГПУ лагерями особого назначения, где предполагалось разместить 8 тысяч заключенных /8/. Именно они явились очагом будущего ГУЛАГа.

Прибывших на Соловки ждало веками налаженное

хозяйство. В связи с принятым решением об организации лагеря, древние здания находящегося там Соловецкого монастыря были превращены в груды развалин, монастырь, вернее сказать его остатки, оградили колючей проволокой и, таким образом, был образован Соловецкий лагерь /9/. Спустя несколько лет облик Соловецкого лагеря существенно изменился, он все больше превращался в новый вид общебытового исправительно-трудового лагеря. Изменился и его количественный состав: если в 1923 году там находилось 2 557 заключенных, то в 1927 году – 12 896 /10/.

В ИТК РСФСР от 1924 года в статье 51 «Работы заключенных, их цели, характер и организация» подчеркивалось, что «занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из мест заключения жить трудовой жизнью» /11/.

На протяжении всего своего существования ИТК РСФСР претерпевал дополнения и изменения. Например, 27 июня 1927 года вышло постановление ВЦИК и СНК «Об изменении статей 33 и 79 исправительно-трудового кодекса РСФСР», где предусматривалось, что, в первую очередь, труд заключенных обращается на удовлетворение потребности данного места заключения, после чего выполняются принятые местом заключения заказы /12/.

Необходимость использования труда заключенных теоретически обосновал Ф.Э.Дзержинский. Один из принципов выработанной карательной политики гласил: «Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может тратить на них больших

средств – они должны покрыть своим трудом расходы на них, ими должны заселять пустынные, бездорожные местности». Намечая круг первоочередных задач ОГПУ, Ф.Э.Дзержинский писал в 1923 году своему заместителю И.С.Уншлихту: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагерей с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно» /13/. Идея массового применения труда заключенных была выдвинута Н.Янсоном (заместитель наркома РКИ РСФСР) в 1928 году в письме Сталину /14/.

В 1928-1929 годах советская пенитенциарная система вступила в полосу кризиса и нуждалась в реформировании. Одной из главных причин необходимости ее перестройки являлась перегруженность мест заключения в 2-2,5 раза выше установленных норм. В 1929 году, по указанию Сталина был подготовлен план по развертыванию сети исправительно-трудовых лагерей. Важную роль в становлении лагерной системы сыграло Постановление СНК СССР от 11 июля 1929 года «Об использовании труда уголовно-заключенных», согласно которому создавались две параллельные структуры мест лишения свободы: в ведении ОГПУ и в ведении республиканских НКВД, которые должны были опираться на собственные, не пересекающиеся ресурсы /15/.

Первой подсистеме надлежало использовать в качестве рабочей силы тех, кого государство признало опасным. На ОГПУ возлагалась задача развития хозяйственной деятельности в наименее доступных для освоения и вместе с тем обладающих огромными

естественными богатствами окраинах Советского Союза посредством использования труда изолируемых опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест. Вопрос о перевоспитании здесь не ставился. В данном случае предпочтение отдавалось лагерям, так как лагерный пункт, представляющий собой огороженную колючей проволокой территорию, где находились бараки, был намного дешевле, чем строительство и содержание тюрьмы, да и организовать подобную зону можно было сравнительно быстро и практически в любых местах, а при необходимости перенести. Исправительно-трудовые лагеря должны были стать центрами колонизации «своих» районов /16/.

Вторая подсистема НКВД должна была использовать заключенных, признанных менее опасными, поэтому переброска их на большие расстояния делалась нерентабельной. Представлялось целесообразным организовывать работы в пределах территории их постоянного проживания. Поэтому места заключения для малоопасных (с точки зрения власти) нарушителей закона концентрировались преимущественно в густонаселенных районах. По отношению к заключенным этой подсистемы задача перевоспитания и трудового обучения не снималась /17/. Тем самым ОГПУ получило заметное преимущество в использовании труда заключенных, так как большесрочники работали, как правило, интенсивнее, надеясь на сокращение срока за хорошую работу и у них было время получить новые профессиональные навыки.

По А.И.Солженицыну, лагеря оправдывали себя как в политическом, так и экономическом смысле. Во-

первых, они были прекрасным местом, куда можно было отправлять миллионы – для испугу, тем самым политически они себя оправдывали. Во-вторых, набор в лагеря явно превосходил и политические нужды и соизмерялся с экономическими замыслами: для работ в отдаленных диких местностях, где много лет можно будет не строить жилья, школ, больниц, магазинов, для воздвижения великих строек социализма, когда для этого нет еще соответствующей экономической инфраструктуры. Лагеря были выгодны использованием рабского труда и его бесплатностью, но за покупку античного раба платили деньги, а за покупку лагерника – никто не платил /18/.

Для руководства лагерной системой 7 апреля 1930 года было издано «Положение об исправительно-трудовых лагерях», которое предусматривало «изоляция от общества особо социально-опасных правонарушителей, изъятых из трудового общежития в установленном законом порядке на срок, установленный судебным приговором или постановлением ОГПУ» /19/. Классификация заключенных производилась по трем категориям в зависимости от социального происхождения, пола и характера совершенного преступления; различались три вида режима: первоначальный, облегченный и льготный.

25 апреля 1930 года было организовано Управление лагерей ОГПУ (УЛАГ ОГПУ), менее чем через год получившее статус Главного Управления (ГУЛАГ ОГПУ), которое и курировало вновь созданные лагеря. ГУЛАГ мог быстро сконцентрировать большие массы неквалифицированной рабочей силы в нужном месте, практически не заботясь о бытовом обустройстве

людей. Форсированный рост лагерей с конца 1929 года свидетельствовал о том, что сталинский режим изменил акценты в карательной политике, сделав ставку на создание глобальной системы принудительного труда, сердцевиной которой стал ГУЛАГ, а движущей силой – ОГПУ. К 1930 году были сформированы Соловецкий, Вишерский, Северный, Дальневосточный, Сибирский, Среднеазиатский и Казахстанский лагеря.

Первенство по численности заключенных принадлежало Соловецкому лагерю: на 1 января 1930 года здесь содержалось 53 123 человека, за ним следовал Северный 20 276, затем – Дальневосточный – 9 200, Вишерский – 7 873, Казахстанский – 5000, Сибирский – 4 592 и последнее место занимал Среднеазиатский с лагконтингентом в 2 660 человек. Всего 102 724 заключенных, более половины, из которых находились на Соловках. Что касается продолжительности, то, надо сказать, дольше всех просуществовал Сибирский ИТЛ (1929-1960 годы), чуть меньше - Соловецкий (1923-1949), далее шел Среднеазиатский (1930-1943), Дальлаг (1929-1939), Вишерский (1929-1934), Северный (1929-1931) и, наконец, меньше всех – КазИТЛАГ (1930-1931) /20/.

КазИТЛАГ был образован согласно Постановлению СНК СССР «Об организации Казахского исправительно-трудового лагеря» от 13 мая 1930 года. Из архивных документов следует, что осенью 1930 года начал создаваться совхоз «Гигант» КазИТЛАГа ОГПУ, основным направлением хозяйственной деятельности которого было скотоводство и земледелие. Цели создания совхоза были указаны в одном из первых директивных документов:

«Организованный в 1931 году совхоз «Гигант» получает почетное задание — освоить громадный регион Центрального Казахстана». С 1 декабря 1931 года совхоз «Гигант» был передан в непосредственное подчинение ГУЛАГа ОГПУ /21/.

Если к 1 июня 1930 года численность заключенных КазИТЛАГа составляла 5 000, то ко времени его закрытия 15 апреля 1931 года количественный состав увеличился более чем втрое и насчитывал 15 500 /22/. В его состав входили осужденные по различным статьям, но нас интересуют в первую очередь политические заключенные.

Среди первых политзаключенных, отбывавших наказание в I отделении КазИТЛАГа, была группа из трех человек: Аранович Абрам Лазаревич, Школьник Лев Мордкович и Цейтлин Сима Исаковна. Дело № 965 возбуждено в связи с тем, что, находясь в ссылке, в ответ на отказ выдать им муку для личного пользования, они подняли дебош со словами: «Поднимайте восстание, освободите борцов за свободу от красных жандармов». Дело было отправлено в г. Алма-Аты, где вышло постановление о заключении этой группы в концлагерь на 3 года /23/.

В целом в лагерях заключенных, способных на протест и активное сопротивление, было довольно мало. А так как по 58 статье сидели в подавляющем большинстве лояльные к советской власти и преданные идеям социализма люди, они не могли по своим убеждениям противостоять организованному насилию и честно трудились за кусок хлеба и черпак баланды. Это было характерно как для 30-х, так и для 40-х годов, поэтому дело № 965, сохранившееся в архиве КНБ, не тронутое ни временем, ни

исследователями, являющееся ярким примером борьбы заключенного за свои права, вызвало у нас большой интерес.

Обвинение заключенным состояло в том, что по прибытии в I отделение КазИТЛАГа, Аранович заявил, что политзаключенные не могут быть приравнены к уголовникам и им должны быть созданы другие условия. Отказавшись от общих работ, политзаключенные не признавали принципа принудительного труда и соглашались работать не более 6 дней в неделю по 8 часов в день, с правом на свидание. Администрация лагеря была крайне возмущена поведением группы Арановича, хотя все требования, выдвинутые ею, были оговорены в «Положении об исправительно-трудовых лагерях». Аранович был обвинен в том, что вел постоянные беседы с заключенными о принудительном труде и угнетении рабочих и крестьян, убеждая, что все строительство в Советском Союзе происходит за счет невыносимых налогов на крестьянство, а кто этих налогов не платит, должен по законам коммунистов идти в лагеря бесплатно работать, так как Советская власть строит свое благополучие на заключенных. Сопоставляя экономическое состояние Европы и СССР, Аранович говорил заключенным о неизбежности буржуазного строя, и хотя в Советской прессе кричат об экономическом кризисе, охватившем Европу, но это только выдумки коммунистов. Все, что коммунисты создают, погибнет, потому что капитализм не пережил стадии развития /24/.

Данное обвинение было заслушано на судебном заседании коллегии ОГПУ от 14 декабря 1931 года, где постановили Арановича, Школьника, Цейтлин

перевести в штрафной изолятор сроком на шесть месяцев. Вероятно, столь незначительное наказание на такую критику в отношении советского строя, могло иметь место в начале 30-х годов, хотя, на наш взгляд, если бы это произошло позднее, Аранович, скорее всего, поплатился бы жизнью. К сожалению, проследить дальнейшую судьбу А.Л.Арановича нам не удалось, в архиве Прокуратуры нами была найдена учетная карточка на его имя, где есть запись, что в 1931 году его отправили в Северные лагеря.

Надо отметить, что вся мировая общественность относилась к методам применения принудительного труда как к варварским и приравнивала их к рабству. На Пленуме ЦК ВКП (б) Казахстана рассматривались материалы Международной конференции работниц, где в одном из докладов отмечалось, что принудительный труд есть и в Африке, и в Америке, причем активно шло не, только обсуждение, но и осуждение подобного явления. В противовес этому приводились факты успешного строительства социализма, где труд считался почетной обязанностью каждого свободного гражданина СССР. А что касается лагерей, то там идет процесс перевоспитания личности посредством труда, что по советским меркам вполне гуманно и естественно /25/.

Ссылаясь на определение, которое дал М.Восленский принудительному труду, суть которого состоит в том, что, во-первых, работать заставляют; во-вторых, условия труда и оплату безраздельно определяет заставляющий; в-третьих, уход с работы или отказ от нее не допускаются мерами физического принуждения /26/. Опираясь на такую оценку, можно сделать вывод о том, что не только труд заключенных,

но и остальной массы населения в СССР был принудительным.

В начале 30-х годов в Казахстане продолжался процесс реорганизации лагерной системы. Ресурсы Казахстанского ИТЛ оказались расплывенными по многим объектам, обслуживание которых не требовало централизованного руководства. Фактическим признанием неудачи было его расформирование в сентябре 1931 года. На смену ему пришли относительно компактные лагеря, имевшие определенную производственную специализацию. В свою очередь это привело к созданию соответствующих органов, которые курировали однопрофильные лагеря, разбросанные по всей стране. Окончательно эта система сформировалась к весне 1938 года, когда появились первые специализированные производственные отделения, на базе которых уже в 1941 году появились специализированные главки и управления. Такая структура имела место вплоть до 1953 года и, претерпевая некоторые корректировки, практически осталась неизменной. Если в 1932 году в стране насчитывалось 11 исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, то на начало 1940 года в его ведении находилось 53 лагеря и 425 исправительно-трудовых колоний /27/.

В течение 30-х годов в результате ряда экспериментов, было установлено, что труд заключенных оправдал себя, и ставилась задача максимального использования дешевой рабочей силы. Если в начале 20-х годов заключенные были обузой для бюджета государства, и попытки сделать места заключения самокупаемыми провалились, то с

началом ускоренной индустриализации советское правительство предприняло попытку радикально сократить расходы на места заключения и одновременно получить максимальную отдачу от труда заключенных там, где рабочих рук особенно не хватало. Основными сферами производственной деятельности в этот период являлись строительство крупнейших транспортных объектов и лесозаготовки. Лес был одной из главных экспортных статей, и занятые на лесоповале заключенные из обузы для бюджета превращались в добытчиков валюты, остро необходимой для выполнения пятилетних планов. Кроме того, все более заметное значение приобретали добыча полезных ископаемых, промышленное строительство, а также сельское хозяйство.

В целях создания крупной производственной базы для бурно развивающейся угольно-металлургической промышленности Центрального Казахстана: Карагандинского угольного бассейна, Дзезказганского и Балхашского медеплавильных комбинатов и обеспечения их дешевой рабочей силой, 19 декабря 1931 года было принято решение: «Первое отделение КазИТЛАГа совхоза «Гигант» сего числа реорганизовать в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ, именуемый сокращенно Карлаг». На отведенной под лагерь территории находилось несколько казахских аулов и семь поселков с европейским населением, объединявших 4 861 хозяйство с населением 21 979 человек /28/.

В 1930-1931 годах началось принудительное выселение, для чего были привлечены войска НКВД. После выселения местных жителей, пустующие земли заняли многочисленные колонны заключенных,

которых временно разместили в опустевших жилищах. Буквально на всей территории лагеря они строили бараки, скотопомещения, казармы для ВОХР, здания для начальствующего состава, железную дорогу. Для строительства зачастую использовали старые постройки, строго запрещалось брать саман из могильников, но этот запрет порой нарушали /29/.

Административно-хозяйственный центр находился в поселке Долинское, расположенном в 50 километрах юго-западнее Караганды и в 21 километре к западу от железнодорожной станции Карабас, так называемых «ворот» Карлага. Что касается Карабаса, то там была совершенно голая степь. Лишь к 1934 году были организованы три зоны – мужская, женская, детская. В Карабас приходили целые эшелоны с заключенными, которых под конвоем распределяли по зонам и точкам /30/.

Первоначально территория Карлага была разделена на 7 производственных участков с организацией в них самостоятельных отделений на основе хозрасчета /31/, а уже к началу 50-х годов он насчитывал более 200 лаготделений и пунктов /32/. Что касается численности заключенных, то по планам ГУЛАГа их должно было содержаться порядка 32 тысяч, но порой количество их возрастало до 75 тысяч человек /33/.

Нельзя сказать, что создание лагерной системы – это исключительное явление, присущее лишь для советской страны и лишь в эпоху сталинизма.. Характерно, что именно в это время, в 30-е годы, параллельно с советской системой лагерей, формировалась и нацистская. Из чего можно заключить, что создание лагерной системы является необходимым атрибутом государств с тоталитарными

режимами.

В середине 30-х годов в Германии насчитывалось 7 концентрационных лагерей. Но уже в 1939 году были учреждены «вспомогательные лагеря», так называемые трудовые, использующие даровую рабочую силу, и была создана система лагерей, насчитывающая более 60 видов: лагерь для перевоспитания, для интернирования, трудовые лагеря, каторжные, для пленных, для заложников и другие /34/.

По данным исследователей установлен следующий факт: на 15 января 1945 года число узников немецких концлагерей достигло 714 211 человек, из них 511 537 мужчин и 202 674 женщины /35/, что в процентном соотношении равно соответственно 72 % и 28 %. К сожалению, мы не располагаем численными данными о заключенных в СССР на январь 1945 года, но известно, что в июле 1944 года (то есть, здесь разница в полгода, что в данном случае не столь существенно) заключенные мужчины составляли 74 %, женщины – 26 % /36/. Это позволяет сделать вывод, что на данный период времени, соотношение мужчин и женщин в лагерях СССР и Германии было практически одинаковым, и женщины составляли чуть более четверти от общего числа лагерников. Нужно также отметить, что именно в годы войны в советских лагерях появилась тенденция к увеличению количества женщин, хотя к началу войны процентное соотношение мужчин и женщин составляло 93 % и 7 % соответственно /37/.

Что касается проблемы существования женских лагерей, то характерен такой пример: делегация английских женщин, находящаяся в СССР, весьма в то время редкое событие для страны, обратилась с

просьбой разрешить посещение женского лагеря (имеется в виду обычная женская зона). Но, ни управление внутренних дел, ни министр госбезопасности положительно этот вопрос решить не смогли. Лишь член Политбюро, предварительно переговорив со Сталиным, поставил свою подпись на разрешении. К приезду гостей лагерь готовили, чистили, прибирали и давали всевозможные инструкции. 70 % женщин, кто выглядел «несоответственно», вывели на работы вне лагеря. Английские женщины встретились с вполне «сознательными гражданами» и оставили запись в книге гостей, которую срочно изобрели: «На нас произвело большое впечатление, с какой непосредственностью люди подходили к нам. Везде чисто. Мы считаем, что это ценный эксперимент, который имеет успех» /38/. Отсюда, по сути, принцип перевоспитания посредством труда в лагерях приобретал некий легитимный характер в глазах отдельных представительниц мировой общественности.

Начавшаяся в 1937 году кампания по осуждению женщин ЧСИР, привела к необходимости создания специальных лагерей. Эта статья считалась особо опасной, и посылать женщин с такой статьей в общие лагеря не рекомендовалось. Вопрос об организации специальных мест заключения для данного контингента вставал неоднократно, причем менялись и рекомендации по поводу их размещения. Первоначально на заседании Политбюро ЦК был принят документ с грифом «строго секретно», где НКВД было предложено «всех жен осужденных изменников родины, членов право - троцкистской,

шпионско-диверсионной организации заключить в лагеря не менее чем на 5-8 лет» /39/. Местом организации этих лагерей должны были стать Нарымский край и Тургайский район Казахстана.

Совершенно неверно отождествлять категорию «ЧСИР» только с женами «изменников родины», так как она шире и включает также матерей, сестер, дочерей. Но в законодательных актах того времени, в названиях лагерей практически всегда употреблялся термин «жены изменников родины», который на самом деле подразумевал всех членов семьи осужденного. Более того, как показал фактический материал, нередко это были даже не жены, а вдовы.

После решения Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 августа 1937 года вышел оперативный приказ НКВД СССР за № 00486 /40/. В виду его информативной значимости, остановимся на нем подробнее. Подобного документа со столь подробным разъяснением рекомендаций относительно жен «изменников Родины» не было ни до, ни после его выхода. Он был принят за основу и со временем подвергся лишь небольшим изменениям, корректировкам и дополнениям. Здесь предусматривался весь процесс: начиная от ареста, включая пребывание в тюрьме, заведение следственных дел и объявления обвинительного приговора вплоть до отправления в лагерь.

Согласно приказу, механизм применения репрессивных мер к конкретной личности был следующий: первоначально предусматривался подготовительный этап, суть которого состоял в том, что в отношении определенной семьи должна была быть произведена тщательная проверка, и собраны

дополнительные установочные данные и компрометирующие материалы. Далее на их основании составлялись следующие документы: подробная общая справка на всю семью с обязательным указанием данных осужденного главы семьи с отметкой состава совершенного преступления, когда, кем и какому наказанию подвергнут; именной список состава семьи, подробные установочные данные на каждого члена семьи; компрометирующие материалы на жену осужденного; характеристики степени социальной опасности детей старше 15 летнего возраста; данные о наличии в семье престарелых и нуждающихся в уходе родителей, наличии тяжело или заразно больных, наличие детей, по своему физическому состоянию требующих ухода. Затем эти справки шли на рассмотрение соответствующих наркомов внутренних дел республик и начальников управлений НКВД краев и областей, которые выписывали санкции на арест ЧСИР.

По данным рассматриваемого документа обязательному аресту подлежали лица, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденными на момент ареста, а также жены, хотя и состоявшие с осужденным в разводе, но либо непосредственно причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, либо укрывавшие осужденного, либо знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти. Аресту не подлежали беременные; жены осужденных, имеющие грудных детей, тяжело или заразно больные, нуждающиеся в уходе; лица преклонного возраста и жены осужденных, разоблачившие своих мужей и

сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием для ареста мужей.

Одновременно с арестом производился тщательный обыск. При обыске изымались оружие, патроны, взрывчатые и химические вещества, военное снаряжение, множительные приборы (шапирографы, стеклографы, пишущие машинки и т.п.), контрреволюционная литература, переписка, иностранная валюта, драгоценные металлы в слитках, монетах и изделиях, личные документы и денежные документы. Все имущество, лично принадлежащее арестованным (за исключением необходимых белья, верхнего и нижнего платья, обуви и постельных принадлежностей, которые арестованные берут с собой) конфисковывалось. Квартиры арестованных опечатывались. В случаях, когда совместно с арестованными проживали их совершеннолетние дети, родители и другие родственники, то им, помимо их личных вещей должны оставаться в пользование необходимые: жилая площадь, мебель и домашняя утварь арестованных /41/.

Арест проходил весьма оперативно. К примеру, 20 декабря 1937 года начальник 3 отдела ГУГБ НКВД обратился с просьбой санкционировать арест жены участника антисоветской диверсионно-вредительской организации правых Патрунова, а уже 27 декабря за подписью зам наркома Внутренних Дел был выдан ордер на арест его жены А.Э.Каган, на следующий день арестованная была помещена в Бутырскую тюрьму, где была составлена анкета, а спустя еще несколько дней, было заведено дело и передано на рассмотрение Особого Сопещения при НКВД СССР.

Анализ фактического материала показал, что,

будучи по характеру и содержанию, незаконным и противоречащим действующей Конституции, положения данного приказа НКВД нарушались, то есть практическая реализация положений указанного юридического документа, в свою очередь, сталкивалась с невыполнением содержащихся в нем требований. «Беззаконие законов» порождало еще более масштабные антиправовые меры при их применении в конкретной действительности. Так, хотя в приказе было оговорено о неприкосновенности определенной категории лиц, но как в тюрьмах, так и впоследствии, в лагерях сидели как беременные, так и женщины с грудными детьми, о чем свидетельствуют как архивные источники, так и воспоминания самих женщин. По словам Р.М.Плисецкой (матери известной балерины Майи Плисецкой), при аресте она не отдала грудного ребенка и ее поместили в специальную камеру Бутырской тюрьмы, где было около ста матерей с грудными детьми /42/.

Указание на то, что оставшимся в квартире родственникам остаются необходимые вещи, также не всегда имело место: зачастую жилплощадь конфисковалась, права на собственность нарушались, начинались проблемы с учебой и работой. В каждом конкретном случае это было индивидуально, но объединяло одно: потери были как материальные, так и моральные. В сводном отчете по госбюджету имеется информация о суммах, изъятых при арестах в 1937 году и о суммах на содержание заключенных. У подследственных и арестованных было изъято денег и ценностей на сумму 26,4 миллиона рублей, а на содержание заключенных и ссыльных в том же году НКВД СССР открыл кредиты на сумму 27,2 миллиона

рублей. По существу, арестованные содержались на изъятые у них же ценности и деньги /43/. В конце 1937 года по всей Москве открылось множество магазинов с вывесками «Распродажа случайных вещей», заполненных мебелью, коврами, одеждой, сервизами, антиквариатом, картинами и другой утварью. Это было то, что осталось после раздачи конфискованных вещей сотрудникам НКВД. В освободившейся квартире появлялся новый хозяин, который пользовался всем, что в ней осталось от прежних жильцов. Таким образом, человек напрочь лишался прошлого, да, впрочем, и настоящего, а, не имея этого, он не имел прав и на будущее /44/.

После ареста и произведенного обыска, жены должны были конвоироваться в тюрьму, где на них заводились следственные дела и выносилось краткое обвинительное заключение. Далее дела направлялись на рассмотрение Особого Сопещения НКВД СССР.

В воспоминаниях арестанток подробно описаны впечатления от пребывания в различных тюрьмах страны. Из воспоминаний бывшей заключенной Г.Серебряковой: «Семипалатинская тюрьма, предназначенная для нескольких сот арестантов, вмещала в 1937 году более 4 тысяч. Бывшая часовня - этапная камера - походила на набитый до отказа грязный вокзал в годы гражданской войны. Люди лежали на полу голодные, пожираемые вшами. В камере на 17 человек находились 72 женщины. На железных койках, составленных вплотную, укладывались по три человека валетом. Лучшие, «комфортабельные» места считались под койками - там можно было лежать не только на боку, но и на спине. В проходах сидели и лежали женщины. Стоял

ни с чем несравнимый гул... Мои сокамерницы оказались казашками, русскими, украинками, еврейками, грузинками, татарками» /45/.

Мало чем отличалась и камера в Бутырской тюрьме: «Камера была размером 6 на 6 м, - писала в своих мемуарах бывшая узница Акмолинского лагеря Г.Степанова-Ключникова, - ее занимали сплошные голые деревянные нары. Говорили, что в такой камере раньше помещалось 5-10 человек, но в 1937 г., высокоурожайном на заключенных, в нее запикивали 75 человек. Одних уводили, других приводили, но это количество всегда оставалось неизменным» /46/.

Теперь дело оставалось за малым - провести следствие и вынести приговор, но в приказе НКВД СССР за № 00486 это уже было предусмотрено, то есть заранее спланировано и за Особое Собрание все решено. Таким образом, здесь даже не оговаривался момент невинности подсудимой. «Жены осужденных изменников Родины подлежат заключению в лагеря, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5-8 лет». На деле же учитывалась социальная опасность не жены, а мужа. Чаще женщины получали максимальный срок по этой статье - 8 лет, если ее мужа расстреляли. Если муж отбывал наказание в лагерях, то можно было получить и минимальный срок - 3 года. По наблюдениям К.Н.Поль, сроки определялись по возрасту: пожилым давали 3 года, женщинам среднего возраста - 5, кто помоложе - 8 лет /47/. «И по русскому обычаю, по свойствам русского характера, каждый, получивший пять лет, радуется, что не десять. Десять получит - радуется, что не двадцать пять, а двадцать пять получит - пляшет от радости, что не

расстреляли» /48/. Конечно, автор этих строк несколько утрирует, но все же они не лишены здравого смысла.

Обвинение выглядело следующим образом: «находясь в связи со своим мужем Игнаткиным, Мария Григорьевна Игнаткина, 1904 г.р., способствовала контрреволюционной деятельности своему мужу, чем совершила преступление, предусмотренное ст. ст. 17, 58-1а, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. 17.X.37 г.». Далее следовала выписка из протокола Особого Совещания при НКВД СССР: «Игнаткину Марию Григорьевну, как члена семьи изменника Родины, заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком на 8 лет. Считать срок с 10.X.37 г. Дело сдать в архив» /49/.

И последнее, что было предусмотрено в данной процедуре – это отправка в лагерь: «осужденных Особым Совещанием жен изменников Родины направлять для отбытия наказания в специальное отделение Темниковского исправительно-трудового лагеря, по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД СССР» /50/.

Первоначально все женщины, осужденные как ЧСИР, согласно оперативному приказу за № 00486, должны были отбывать наказание в Темниковском лагере поселка Явас Зубово-Полянского района Средневолжского края Мордовской АССР (в 400 км от Москвы). Он был образован 6 июня 1931 года на базе Северного лагеря особого назначения, и спустя 6 лет здесь организовали спецотделение для жен «изменников Родины». Но одно отделение не смогло разместить всех осужденных по этой статье, и в течение нескольких месяцев подобные отделения стали возникать и в других лагерях.

К сожалению, архивы не располагают

информацией, где находились такие лагеря, сколько в них содержалось заключенных, и чем они занимались.

По данным председателя Международного общества «Мемориал» А.Б.Рогинского, всего по приказу за № 00486 было арестовано 18 тысяч жен «изменников Родины» /51/. Ссылаясь на архивные источники, самые крупные спецотделения, созданные для ЧСИР, были в Темниковском, Сибирском и Карагандинском ИТЛ. В Карагандинском ИТЛ, в двух его спецотделениях – Акмолинском и Спасском, на 1 января 1939 года насчитывалось 6 187 ЧСИР, что составило третью часть от их общего количества /52/.

Акмолинское спецотделение Карлага НКВД было образовано на базе 26-го поселка трудпоселений на основании приказа НКВД СССР за № 00758 от 3 декабря 1937 года и приказа по Управлению Карлага НКВД за № 0043 от 16 декабря 1937 года /53/. Первый колышек 26 точки появился у озера Желонаш еще до лагерных призывов и колючей проволоки и напрямую был связан со сталинским призывом ликвидировать кулаков как класс. Многие раскулаченные оказались здесь в качестве спецпереселенцев. В 1936 году началось строительство бараков и формирование на этом месте детской колонии, в августе 1937 года переселенцы были размещены в других спецпоселках и началась подготовка к приему заключенных ЧСИР.

Официально это было Акмолинское спецотделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря, но фактически оно являлось самостоятельной хозяйственной единицей, так как имело свой расчетный счет, и все приказы и распоряжения исходили непосредственно из Москвы. На баланс Карлага Акмолинское отделение было принято лишь

15 октября 1939 года согласно приказа по Управлению Карлага НКВД за № 580, поэтому оно лишь формально с 1937 по 1939 год относилось к Карлагу. 29 декабря 1939 года на основании приказа ГУЛАГа НКВД СССР оно вошло в состав Карагандинского ИТЛ и было переименовано в 17-е Акмолинское отделение Карлага /54/. В некоторых официальных источниках с этого момента оно стало именоваться как ИТЛ «Р-17», где буква «Р» являлась шифром Карлага во всесоюзном масштабе, а цифра «17» – порядковым номером, но уже в рамках Карлага. Вне всяких сомнений, это отделение можно назвать лагерем, так как оно, во-первых, длительное время находилось в непосредственном подчинении ГУЛАГа, во-вторых, количество заключенных насчитывалось порядка 4,5 тысяч, в-третьих, оно было значительно отдалено от всех отделений Карлага, и даже этапы прибывали сюда не со станции Карабас, как в другие отделения, а с Акмолинской станции. В ряде документов руководство ГУЛАГа обращалось к начальнику Акмолинского спецотделения как к начальнику Акмолинского лагеря или ИТЛ «Р-17».

Статистический анализ учетных карточек позволил определить численный, национальный, социальный, профессиональный, возрастной состав, сроки заключения, а также географию мест прибытия заключенных ЧСИР в Акмолинский лагерь.

В результате исследований удалось выяснить, что за период с 1938 по 1946 годы в Акмолинском спецотделении находилось 4 482 женщины, осужденные как ЧСИР, а также 812 женщин, отбывавших наказание за период с 1941 по 1953 годы по другим политическим статьям.

Национальный состав осужденных продемонстрировал приоритетные направления политики государства по национальному вопросу. Всего в лагере находились ЧСИР 41 национальности. Из общего количества заключенных - 4 482 более половины составляли русские - 2 469 (55 %), далее по численности шли еврейки - 712 (16,5 %), украинки - 573 (12,7 %), немки - 109 (2,4 %), казашки - 93 (2 %), грузинки - 84 (1,8 %), польки - 71 (1,6 %), белоруски - 69 (1,5 %), татарки - 52 (1,1 %), армянки - 37 (0,8 %), кабардинки - 36 (0,8 %), азербайджанки - 28 (0,6 %), латышки - 23 (0,5 %), эстонки - 14 (0,3), оставшиеся национальности составляли менее 10 человек, без указанных национальностей 4 человека.

В целом по ГУЛАГу на 1940 год общее количество заключенных составляло 1 269 785, в том числе русских - 767 553 (60,4 %), украинцев - 179 951 (14,2%), белоруссов - 45 623 (3,6 %), татар - 26 175 (2 %), узбеков - 25 040 (1,9 %), казахов - 21 301 (1,6 %), евреев - 20 820 (1,6 %), немцев - 18 149 (1,4 %), поляков - 15 621 (1,2 %), грузин - 11 112 (0,8 %), армян - 10 858 (0,8 %), азербайджанцев - 10 599 (0,8 %), далее национальности, насчитывающие менее 10 тысяч заключенных, без указанных национальностей - 11 457 (0,8 %) /55/. В том и другом случае на первом месте стояли русские, далее в Акмолинском лагере шли еврейки, опережая украинскую нацию, потом украинки, немки, казашки, тогда как в целом по Союзу в лагерях больше насчитывалось белоруссов, татар и узбеков. Для наглядности выведено их процентное соотношение.

Из приведенных сведений напрашивается вывод, что национальный состав лагеря определил наиболее

стратегически значимые в политическом отношении регионы, в благонадежности которых сталинское руководство было заинтересовано, прежде всего – это центр и юг России, Украина, Поволжье, Казахстан, Кавказ, Прибалтика.

В результате анализа учетных карточек, составленных на ЧСИР, удалось установить, в тюрьмы каких городов они были направлены, их оказалось порядка 60, то есть в каждом крупном городе была своя тюрьма: Москва, Ленинград, Ростов, Иркутск, Краснодар, Киев, Свердловск, Алма-Ата, Чимкент, Тбилиси, Уфа, Семипалатинск и другие. Такая география показывает широту охвата и неукоснительного выполнения приказа за № 00486, а также еще раз доказывает мысль об усиленных репрессиях данного контингента в вышеперечисленных регионах.

Определено также социальное происхождение женщин до их ареста. Данный спецконтингент состоял из следующих социальных категорий: рабочих, служащих, крестьян, крестьян-бедняков, крестьян-середняков, кустарей, мещан, купцов (расположены в порядке убывания).

Проведенный анализ позволил составить списки женщин по профессиям. В основном это были машинистки, зоотехники, врачи, педагоги, музыканты, счетоводы, экономисты, продавцы, химики, ткачихи, портнихи и другие, немалую часть составили и те, кто не имел определенной профессии к моменту ареста и в графе «специальность» было написано «не имеет» или «без специальности». По воспоминаниям Г.Степановой-Ключниковой, тяжело приходилось женщинам с гуманитарным, музыкальным и другим

ненужным лагерю образованием, им приходилось выполнять самую тяжелую физическую работу, наиболее ценились строители, сметчики, агрономы, врачи /56/.

Анализ возрастного состава показал, что большинство женщин относилось к категории: от 30 до 40 лет – 48 %, от 20 до 30 – 29 %, от 40-50 - 13 %, 50-60 – 6 %, менее 20 лет – 3 %, более 60 – 1 %. Так, основная часть данного контингента находилась в самом работоспособном и способном к деторождению возрасте.

Сроки наказания были распределены следующим образом: максимальный срок 8 лет получили 2 891 человек (64,5 %), 5 лет лагерей – 1 430 (31,9 %), 3 года – 161 (3,6 %). Эти данные, безусловно, свидетельствуют о тенденции карательных органов НКВД к выполнению приказа за № 00486 по максимальной шкале наказания.

Важно отметить, что в процессе изучения официальных документов, имеющих в архивах, видно, что численность заключенных в различных сводках не всегда совпадает (хотя разница здесь не столь существенна). Сведения о них можно рассмотреть по годам, по отделениям, по половому признаку и, реже, по характеру преступлений. Так, в сводных отчетах по ГУЛАГу в целом приводится численность женщин-лагерниц без учета характера преступлений. Например, общее их количество в 1937 году составило по стране - 118 980, в том числе в Карлаге находилось 7 511 женщин. К 1939 году лагконтингент Карлага в целом увеличился до 26 698, из них женщин насчитывалось 17 099, что в процентном соотношении составило 64 % женщин

против 36 % мужчин. Такое количество женщин-лагерниц, в первую очередь, было связано с тем, что почти четверть всех заключенных составили ЧСИР, а во вторых, по распоряжению ГУЛАГа Карлаг, начиная с 1938 года, должен был стать женским лагерем, так как «в условиях сельскохозяйственного производства целый ряд работ может выполняться работниками третьей категории грудоспособности и даже инвалидами, а также женщинами» /57/. На 1939 год среди 42 лагерей НКВД Карлаг занимал девятое место по численности заключенных: 35 072 человек, что составляло около 3 % от общего количества лагерников /58/.

К сожалению, нет точных данных о количестве заключенных, отбывавших наказание в Карлаге за весь период существования с 1931 по 1959 годы, в том числе и осужденных по политическим статьям. Нет также сведений о численности женщин, отбывавших срок в различных отделениях лагеря. Это связано с необработанностью документов Карлага, что, в свою очередь, ведет к разногласиям в вопросах о численности заключенных как в целом, так и по отдельным статьям и по половым признакам, наиболее точное число осужденных могут дать лишь учетные карточки, учитывавшие всех «карлаговцев».

Контингент заключенных находился в постоянном движении, но одно было неизменно: численность их с каждым годом увеличивалась. Если в 1932 году количество их составило 10 400, то к 1934 – 24 148, в 1939 – 40 109 человек. Не оставляет сомнений, что, если на первых порах контингент Карлага представлял собой, в большинстве случаев, осужденных за бытовые преступления, то к концу 30-х годов, количество их

сократилось до 27 %, тогда как – за контрреволюционные увеличилось до 58 % /59/. Такой высокий процент заключенных по политическим статьям был связан с усилением репрессивных мероприятий и проведением большого террора, охватившего все слои населения.

Под оправдание незаконных действий была подведена законодательная база, где общие положения и конкретные составы преступления формулировались весьма расплывчато, в связи, с чем органы следствия и суда получали широкие полномочия для фальсификации любого дела. К примеру, статья 133 Конституции СССР 1936 года определяла, что «измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжелое преступление» /60/. Под эту статью, предусматривающую расстрел, мог попасть практически любой гражданин. Широко была распространена и такая статья, как подозрение в шпионаже, за которую был установлен срок от 5 до 8 лет лагерей. Человека могли обвинить в контрреволюционной деятельности, как совершившего преступление против советской власти. Но осуждение по статье «член семьи изменника Родины» было изначально не правовым даже исходя из советской правовой системы, так как норма об ответственности родственников за преступления ими не совершенные не была в 20-е - первой половине 30-х годов предусмотрена советским законодательством: в статье 6 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 1924 года отмечалось, что уголовное наказание применяется

лишь в отношении лиц, виновных в совершении преступления /61/. С середины 30-х годов положение существенно изменилось, был принят ряд законов, предусматривающих уголовную ответственность членов семей «изменников Родины».

В целом репрессивная деятельность опиралась на широкую нормативную базу, состоящую из постановлений ЦИКа, Президиума Верховного Совета и СНК СССР, а также приказов и распоряжений ОГПУ, НКВД, Наркомюста, Прокуратуры и других карательных органов. Были извращены общепризнанные принципы и нормы уголовного и административного процесса, им придавалась односторонне-карательная направленность, и поощрялись несправедливость, варварство и произвол властей. Нормативные акты не вписывались в заданные Конституцией параметры и не согласовывались с ее положениями.

Так, Конституция 1936 года предусматривала расширение демократических прав и свобод, включая свободу совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, но все это осталось на бумаге и носило лишь формальный характер, не гарантируя свободы мнений, убеждений, совести, личной свободы и защиты от произвола самого государства. Все недостойные звания «нового человека», должны были пройти длительное перевоспитание в лагерях. Держа за колючей проволокой постоянно несколько миллионов людей, система превратила их в созидательную силу общества.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АКМОЛИНСКОГО ЛАГЕРЯ

На протяжении всего существования советских лагерей в качестве основных средств исправления и перевоспитания заключенных в кодексе предусматривались режим, труд и культурно-воспитательная работа. Впервые это было закреплено в ИТК РСФСР 16 октября 1924 года. Принятый 1 августа 1933 года новый ИТК РСФСР, также подчеркивал значение труда и режима, но культурно-воспитательная работа была заменена политико-воспитательной /1/. Это были основные составляющие, которые определяли и до сих пор определяют суть пенитенциарной системы. В зависимости от исходивших сверху установок на первый план в работе ГУЛАГа выходили то задачи укрепления режима, то хозяйственные вопросы. И все же главным с чего начинался лагерь – это режим и от того, какой он был, зависела дальнейшая жизнь заключенных.

2.1. Режим и условия содержания заключенных

Режим содержания в лагерях предусматривал выполнение ряда функций. В первую очередь, это осуждение обществом тех, кто обвинялся в измене родине, что естественно распространялось и на членов их семей, которые объявлялись врагами народа и должны были отбывать наказание в лагерях. Тем самым они изолировались от общества и для них

создавались специальные условия жизни в местах заключения. Режим должен был создавать условия для исправительно-трудового воздействия на заключенных, куда входили трудовое перевоспитание, политико-воспитательная работа, материально-бытовое обеспечение и медико-санитарное обслуживание. Лагерный режим регламентировал правила поведения осужденных и деятельность администрации. Таким образом, основные требования режима предусматривали изоляцию, надзор и точное выполнение своих обязанностей как тех, кто надзирает, так и тех, за кем надзирают.

Как уже отмечалось, практически все женщины, осужденные по статье ЧСИР, после ареста содержались несколько месяцев в тюрьме, где сразу попадали под особый режим, предназначенный для «политически неблагонадежных». «Мы не простые преступники. Мы особо важные, государственные. И нас провожают в одиночный корпус, отгороженный высокой стеной и массой дозорных вышек даже от остальной обычной тюрьмы» /2/.

Именно для политических преступников были разработаны 22 заповеди майора Вайнштока, состоящие из трех частей: «заключенные обязаны», «заключенным разрешается», «заключенным запрещается». Заключенные обязаны были безоговорочно выполнять все распоряжения тюремной администрации, производить в установленные дни уборку камеры, выносить два раза в день нечистоты и т.д. Разрешалось переписываться (в принципе, а конкретно требовалось индивидуальное разрешение начальника тюрьмы) с ближайшими родственниками. Им можно было отправлять два письма в месяц и

столько же получать. Также разрешалось получать не более 50 рублей и на эти деньги выписывать продукты из тюремного ларька. Можно было пользоваться прогулкой, длительность которой устанавливалась начальником тюрьмы. Получать из тюремной библиотеки 2 книги на 10 дней. Но, естественно, не все тюрьмы выполняли данные распоряжения, а для оправдания действий тюремной администрации всегда можно было прикрыться третьим разделом, который запросто мог перечеркнуть два предыдущих. Последний раздел был разработан весьма досконально: запрещалось подходить к окну, садиться спиной к двери, делать пометки в книгах, перестукиваться с соседями, разговаривать с сокамерниками и т.д. В конце разъяснялось, каким наказаниям будут подвергнуты заключенные за нарушение этих запретов: лишение прогулки, библиотеки, ларька, переписки, заключение в карцер и даже предусматривалась отдача под суд. Документ был подписан начальником тюремного управления ГУГБ майором Вайнштоком, а в левом верхнем углу: «Утверждаю» Генеральный комиссар Госбезопасности Ежов» /3/.

Находясь в полном неведении о судьбах мужей и детей, женщины с нетерпением ждали приговора, а по существу хоть какой-то определенности. Из воспоминаний бывших узниц АЛЖИРа стало известно, что женщины по-разному узнавали о судьбе своего мужа, одним сообщали об этом в тюрьме, другим в лагере, а третьи – долгое время жили в надежде, что судьба не может быть так не милостлива к ним, и муж жив, и они обязательно встретятся. К примеру, К.Н.Поль так описывает известие о расстреле «изменников Родины»: «На пересыльном пункте

женщины, наконец, узнали о судьбах своих мужей, вернее, о судьбе, так как она была одна на всех. В камеру вошли два сотрудника НКВД и зачитали документ Военной Коллегии Верховного суда СССР о рассмотрении на закрытых заседаниях дела по обвинению в измене Родине и враждебной деятельности в отношении советского государства и народа к высшей мере наказания – расстрелу, и что приговор приведен в исполнение. Реакция была странная: все слушали с каким-то иступленным вниманием, иногда кто-то, услышав свою фамилию, тихо вскрикивал, но никто не плакал, не кричал, не бился в истерике. Это была немая сцена скорби, обреченности, удивления. Лишь после того, как сотрудники удалились, женщины стали приходить в себя: кто-то плакал, кто-то хватался за голову и бормотал какие-то слова, кто-то упал в обморок...» /4/.

Оплакивая судьбу своих мужей, женщины боролись за выживание ради своих детей. С нетерпением ожидали приговора. Не ведая, что такое лагерь, не имея лагерного опыта, они стремились попасть туда: во-первых, чтобы получить хоть какую-нибудь определенность; во-вторых, удовлетворить потребность что-то делать и занять себя; в-третьих, приносить пользу обществу, доказав тем самым, что они не враги народа; и, наконец, в-четвертых, получить возможность передвигаться и вдоволь дышать свежим воздухом. Этих причин было вполне достаточно, чтобы стремиться из тюрьмы в лагерь. Им еще предстояло познать все тяготы лагерной жизни. Первое пребывание в тюрьме было связано с надеждами на скорейшее освобождение и исправление этой ошибки, женщин удивляла нелепость и нелогичность своего

положения: арестовали, оторвали от полезных дел, кормят бесплатно, тратят на них средства и время – и ни в чем не обвиняют. Им было невдомек, что все происходящее с ними было уже узаконено. Вынесение приговора рассеивало иллюзии и заставляло готовиться к наказанию как к чему-то неизбежному.

В течение осени 1937 и на протяжении всего 1938 годов продолжались аресты ЧСИР по всей стране. Женщинам, осужденным по этой статье, выносили приговор, как в тюрьме, так и по прибытии в лагерь. Со всех концов страны поезда везли их в места лишения свободы. Если это было лето, то жара, кружка воды в сутки, скудность еды (пайка хлеба, баланда из хвостиков селедки), длительность пути в запертых «стольпинских» вагонах (название их сохранилось еще с царских времен) подрывало даже здоровых женщин, не говоря о больных. Если зима, то нередко случались обморожения, порой голова примерзала к нарам так, что к утру ее нельзя было оторвать от досок. В полу вагона находилось отверстие – отхожее место, через которое женщины могли сбросить весточку о себе, и уже позднее узнавали, что она дошла до адресата, благодаря случайным добрым людям.

Несмотря на невыносимые условия, женщины старались поддерживать друг друга, разобраться в случившемся. Единственной отдушиной была возможность общения друг с другом. В силу необходимости близкого общения постепенно складывались группы, объединяющиеся по схожести характеров и привычек. Боязнь пострадать от сексотов, которые были повсюду, в том числе и в пути, вынуждали к осторожности. Постоянно преследовал вопрос: «Что же все-таки произошло и кто повинен во

всем этом?». Для большинства политзаключенных этот вопрос не оставлял сомнений, но «вопреки всему из 76 путешественниц седьмого вагона по крайней мере двадцать с упорством маньяков твердят, что Сталин ничего не знает о творящихся беззакониях» /5/. И еще: «Страшен не лагерь. Он и должен быть строгим для преступников, Страшно другое: здесь – наказание без преступления. Неужели Сталин обо всем этом не знает? Неужели Сталин поверил, что все они враги? А вдруг действует над ним чья-то дьявольская рука?! А если все эти безжалостные расправы исходят от него самого?!» /6/. И если такие мысли были возможны в тюрьме, на этапе, то в лагере эти мифы были развенчаны, разум брал вверх, и ответ на вопрос о роли Сталина в судьбе заключенных уже не вызывал яростных споров, так как все становилось очевидным и убедительным по мере укомплектования лагеря новыми этапами.

Так, особый режим для политзаключенных начинал свое действие с момента ареста, тюремного заключения, этапирования и нашел свое продолжение в лагерях, и, в том числе в АЛЖИРе.

Начальником Акмолинского спецотделения был назначен А.И.Бредихин, который до этого занимал должность коменданта 26 спецпоселка и именно при нем комплектовался данный контингент /7/. Спустя год, согласно приказу по Карлагу НКВД от 27 декабря 1938 года за № 0068, он был назначен начальником 2-го Сарептского отделения, и с 1 января 1939 года начальником Акмолинского отделения стал С.В.Баринов, занимавший этот пост вплоть до 1953 года, за исключением небольшого отрезка времени с июня 1940 по июнь 1941 года, когда на его место был

назначен М.Т.Юзипенко, ставший позднее его заместителем. Свидетельством тому является приказ по Управлению Карлага за № 0040 от 28 июня 1941 года, согласно которому «начальник Промышленного отдела Управления тов. Баринов С.В. назначается на должность начальника Акмолинского отделения с окладом зарплаты одна тысяча триста (1 300) рублей в месяц с сохранением получения процентной надбавки за выслугу лет, с выплатой подъемных, с 29 июня 1941 года, а начальник Акмолинского отделения тов. Юзипенко М.Т. – на должность зам. нач. управления с окладом зарплаты 2 тысячи (2 000) рублей в месяц» /8/.

Для Акмолинского спецконтингента предусматривалась усиленная охрана, подчиненная непосредственно начальнику отделения. 7 января 1938 года вышло предписание начальника ГУЛАГа дивинтенданта Плинера за № 0/1158343, где четко разграничивались субординация и обязанности военизированной охраны, которая должна была «всемерно содействовать лагерной администрации в деле укрепления и поддержания режима среди заключенных, а также содействовать укреплению производственной дисциплины». Начальник военизированной охраны должен был отвечать за обучение и воспитание личного состава, за политико-моральное состояние, за организацию караульно-конвойной службы, за рациональное использование личного состава, за бытовое состояние военизированной охраны и осуществлять свое руководство через штаб и подчиненных ему командиров подразделений. Начальник управления лагеря, в свою очередь, должен следить за боеспособностью военохраны, за обеспеченностью ее

всем положенным оснащением, довольствием. за оборудованием объектов окарауливания техническими средствами (ограждением, освещением, связью и сигнализацией) и в отношении личного состава военохраны ему присваивались права командира полка» /9/.

Один из охранников Акмолинского отделения Г.М.Савчуков дал интервью, что позволило рассмотреть устройство лагерной жизни не с точки зрения администрации и бывших узниц, а с позиции рядового охранника, который в 1937 году демобилизовался из рядов Красной Армии и был направлен туда на работу. По его словам, охрана лагеря составляла дивизион порядка 200 человек, который располагался за зоной, в отдельной казарме и подчинялся непосредственно начальнику ВОХР. На территории лагеря работали надзиратели, их насчитывалось около 15 человек, и находились они в подчинении КВЧ. Лагерная администрация имела следующий состав: начальник лагеря (в чине майора), начальник особого или III отдела, зам. начальника по КВЧ, зам. начальника по ВОХР (командир взвода), зам. начальника надзорслужбы, зам. начальника внутренней службы (из заключенных) /10/.

По существовавшему положению штаты военизированной охраны лагерей до 1939 года исчислялись из 5 % к лагерному населению, позднее эта норма была повышена до 7 %, а после войны до 9 % и более /11/. С 1941 по 1944 год недокомплектованность охраны составила 15 %, их заменяли инвалиды войны и женщины. К 1944 году среди кадров ГУЛАГа насчитывалось 31 % женщин /12/. Следует сразу отметить, что практически никогда

штаты ВОХР не были укомплектованы полностью. Акмолинское отделение отнюдь не было исключением: на протяжении всего своего существования вохровцев всегда не хватало.

Особый режим, предусмотренный для государственных преступников, требовал усиленной охраны, строгого соблюдения дисциплины и субординации, неукоснительного выполнения приказов вышестоящих организаций. Об этом свидетельствует ряд приказов, объявленных по Карлагу НКВД и по Акмолинскому спецотделению в частности. Вот один из них, датируемый 17 февраля 1938 года: «Лагерь является не совхозом, не домом отдыха, а местом концентрации враждебных советскому строю опасных для общества элементов. Основной задачей лагеря является надежная изоляция этих элементов и лишение их всяческой возможности продолжать свою преступную деятельность. Выполнение этой задачи и строжайшее соблюдение требований режима является делом не только командования лагерной администрации и следственных органов, но и всех без исключения вольнонаемных. Всякая нелегальная связь с заключенными, всякое облегчение для них режима является нарушением служебного долга и прямой помощью враждебных советскому строю элементов, со всеми вытекающими отсюда последствиями» /13/. Нет необходимости расшифровывать этот приказ, суть которого сводится к тому, что любой не выполняющий конкретных режимных установок по отношению к врагам народа, может сам оказаться в их числе.

Итак, первые этапы стали прибывать в Акмолинское спецотделение в январе 1938 года: 10, 12, 26 – пришли этапы из Москвы, 11-12 – из Оренбурга,

14 - из Иркутска, 19 – из Ростова, 21 – из Калуги, 24 – из Орши, где их уже ждали бараки, усиленный конвой и полная изоляция на 3-8 и более лет. По данным К.Н.Поль, первоначально лагерь состоял из шести барачков и нескольких служебных домиков, так что вместимость его была достаточно ограничена. В течение нескольких месяцев бараки заполнились до отказа, хотя рассчитаны были на 250-300 человек, в них набивалось в два раза больше, то есть порядка 500-600 узниц. В основном бараки состояли из двухъярусных нар, реже из трех, нередко приходилось размещаться на полу. На высоте верхних нар находилось узкое продольное отверстие, заменявшее окно, заткнутое из-за отсутствия стекла ветошью. У входа отгораживалось помещение для длинного умывальника, и хотя озеро находилось рядом, с водой в лагере было тяжело: на стирку и купание выдавалось раз в неделю по ведру воды. В начале барака стоял стол для дневальных, которые дежурили посменно. В конце барака находилось небольшое помещение для человек десяти, где впоследствии были поселены лагерные специалисты. Сами бараки были расположены так, что входная дверь одного барака, была напротив входа в другой – так получалось несколько рядов. В каждом бараке назначалась староста, на которую накладывались весьма широкие обязанности: поддерживать в бараке установленный порядок, улаживать конфликты между обитательницами барака, проводить вечернюю поверку, получать и распределять задания на работу, осуществлять связь между заключенными и лагерным начальством.

Первая лагерная зима, по воспоминаниям «алжирок», была лютая, мороз достигал 40 градусов. И,

конечно, первое, что необходимо было сделать – это обогреть бараки. Кругом голая стена и полное отсутствие топлива, но рядом с лагерем находилось озеро, где рос камыш, ставший основным видом топлива на протяжении двух долгих лагерных зим.

3 января 1938 года вышел приказ по Карлагу НКВД, по которому было запрещено выходить «на внешнюю работу даже при наличии теплой одежды в дни ветров и морозов от 25 градусов ниже нуля, в дни морозов без ветра 30 градусов ниже нуля, не считая аварийных работ, но в этих случаях люди должны быть тепло одеты. Обеспечить все жилые и производственные помещения лагочек топливом и кипятком, поддерживая их бесперебойным запасом. Перед разводом давать карболовый вазелин для смазывания лица и рук» /14/. Данный приказ в Акмолинском отделении не выполнялся, так как женщины выходили рубить камыш даже в 40-градусный мороз, в результате чего получали обморожения. Так, во время проверки зам. начальника ГУЛАГа Леонюком Акмолинского спецотделения 2 февраля 1939 года было обнаружено, что во время больших морозов на работы были направлены полураздетые заключенные, в результате чего было обморожено 89 человек /15/.

Весной женщины стали привлекаться к труду, в связи с чем последовал ряд указаний ГУЛАГа, который предусматривал строжайшую изоляцию данного спецконтингента. Все эти документы с грифом «совершенно секретно» по существу дублировали друг друга, но основополагающее значение имел приказ заместителя НКВД СССР старшего майора Госбезопасности Жуковского за № 1171130 от 23 марта

1938 года, который устанавливал порядок использования спецконтингента на работах. Суть его состояла в том, что спецконтингент должен выводиться за зону только под конвоем, использование его в зоне по специальности может производиться беспрепятственно, но, ни в коем случае не допускается назначение его на руководящие должности. Расконвоирование отдельных заключенных спецконтингента допускается лишь с письменного разрешения начальника лагеря или отделения, категорически запрещается направление спецконтингента в командировки в города или населенные пункты /16/.

В ответ на это распоряжение руководства ГУЛАГа вышел приказ об ответственности начальников отделений за соблюдение режима в своем хозяйстве, где указывалось, что «начальник отделения полностью ответственен не только за ведение хозяйства, но и за точное соблюдение требований режима, установленных положениями и директивами центра» /17/.

28 марта 1938 года был издан приказ начальника Карлага Линина за № 30044 с тем же секретным грифом, адресованный всем начальникам отделений, в котором отмечалось, что в последнее время начальники отделений совершенно самоустранились от вопросов организации должного и разумного лагерного режима. Режимом занимаются все, кому не лень, даже бойцы ВОХР, особенно безобразно обстоит дело с использованием специалистов. Никому кроме начальников отделений не предоставлено право снятия заключенных с работы, а направление в ШИЗО может быть произведено только приказом начальника

Карлага. Для заключения в ШИЗО требуется соответствующее представление начальника отделения или постановление 3 отдела, подписанное непосредственно начальником Карлага /18/.

В сентябре 1938 года вышел еще ряд приказов по ГУЛАГу, а следом и по Карлагу, которые также предусматривали применение жестких мер к осужденным за контрреволюционную деятельность, а как уже отмечалось, данный контингент женщин относился именно к этому разряду заключенных.

27 сентября 1938 года в приказе по Карлагу за № 041 говорилось об обязательном проведении как утренних, так и вечерних проверок во избежание побегов, а также о проверке готовности бригад к работе на завтрашний день /19/.

На следующий день вышел приказ по Карлагу за № 042, в котором четко указывалось, что вопросы режима содержания заключенных должны быть поставлены во главу угла всей лагерной работы, для чего необходимо «немедленно законвоировать следующие категории осужденных, и, в первую очередь: за измену Родине», далее перечислялись другие категории особо опасных преступников. Всех законвоированных заключенных должны были содержать в нерабочие часы в огражденных проволокой и охраняемых помещениях /20/.

29 сентября 1938 года был издан приказ по Карлагу за № 043, где четко разграничивался режим содержания заключенных по различным категориям, в частности расшифровывалось понятие «строгая изоляция», примененное для женщин ЧСИР. Именно его основные положения были использованы в дальнейшей работе Акмолинского лагеря. Это было

связано с тем, что организация использования рабочей силы в лагере для хозяйства требовала, чтобы, сохраняя строгую изоляцию контрреволюционеров, правильно было организовано дело расконвоирования других категорий заключенных, и так были расставлены силы заключенных, чтобы существующие приказы НКВД и указания ГУЛАГа по режиму содержания осуществлялись полностью.

Для выполнения приказа необходимо было установить единую терминологию, согласно которой и производить расконвоирование. Все заключенные при направлении на работу делились на три категории: «на общих основаниях», что означало подконвойное общее содержание, «на бесконвойные работы» и «со строгой изоляцией», что предусматривало использование труда заключенных только в пределах огражденной и охраняемой ВОХР зоны. Что касается осужденных за террор, шпионаж, диверсию, измену Родине, участие в троцкистско-зиновьевских и правых организациях и группах и т.д., то есть представляющих особо опасный контингент, то их категорически запрещалось расконвоировать /21/.

Таким образом, вопросам режима на протяжении всего 1938 года уделялось первостепенное внимание. Это прежде всего было связано с тем, что в результате массовых политических репрессий, увеличилось количество заключенных в лагерях. Если в начале 30-х годов большинство было осуждено по бытовым статьям, то к концу 30-х годов осужденные по политическим мотивам составляли половину от общего числа заключенных. Так как считалось, что политические представляли особую угрозу для общества, их необходимо было содержать отдельно от

других категорий заключенных в условиях строго режима. Осужденные за государственные преступления, в том числе члены их семей, относились к категории наиболее опасных для общества.

Акмолинский лагерь, в свою очередь, продолжал комплектоваться все новыми и новыми этапами. Женщины размещались не только на нарах, но и под ними, занимая все свободное пространство на полу. К осени 1938 года Акмолинское спецотделение было переполнено вне всяких норм, размещать вновь прибывших было негде, необходимо было подготовить дополнительное место для приема ЧСИР. И таким местом стало Спасское спецотделение Карлага НКВД.

Начальником управления Карлага Лениным были отправлены телеграммы в Москву следующего содержания:

«Москва НКВД Жуковскому.

Приступил к приему Спасской колонии Основные мастерские необходимые нам разрушены Оборудование их станки автотранспорт отправке Ташкент и другим Прошу ассигновать фонды окончанию строительства Спасской колонии могу разместить 3 000 чел более опасного контингента. 19.IX.1938 г. Ленин»

«Москва ГУЛАГ Плинеру

Прошу вмешаться и не допустить разламывание электростанции весьма необходимой на месте настоять передаче Карлагу машины трактора фураж инвентарь железо оборудование швейные машины станки. 19.IX.1938 г. Ленин» /22/.

Не дождавшись ответа от руководства ГУЛАГа, 13 октября 1938 года Ленин издал приказ за № 0047 с грифом «совершенно секретно» о формировании

спецотделения № 2. На следующий день им были отправлены телеграммы с информацией в вышестоящие органы о переброске 3000 ЧСИР в Спасск /23/.

Первый этап прибыл в Спасск из Иркутска. Начальство Карлага вновь обратилось к своему руководству с просьбой подтверждения отправки ЧСИР в Спасское отделение:

«Москва ГУЛАГ Леонюк

Иркутским этапом вагонзаке Карлаг прибыло через Иркутскую тюрьму 35 женщин осужденных Особсовещанием как члены семей изменников Родины без наряда ГУЛАГа основании распоряжения 8 отдела УНКВД Иркутска из них Алдайской тюрьмы один Владивостокской тринадцать Александровской на Сахалине десять Николаевской на Амуре одиннадцать тчк Все прибывшие цинготные тчк Этим же этапом прибыло непосредственной адресовкой принять Акмолинске двадцать Иркутской тюрьмы тчк Направляю содержания Спасское спецотделение 17 октября 1938 года Никифоров» /24/.

Л.Литвиненко-Макарова вспоминала, как ее арестовали, и она три месяца провела в Хабаровской тюрьме. В камере, рассчитанной на 25 человек, фактически содержалось 137. В конце сентября была этапирована в Карлаг, по прибытии на пересылочный пункт Карабас огласили приговор. Все ЧСИР были сосредоточены в спецлагере бывшей Спасской детской колонии. Когда всех собрали, их оказалось порядка двух тысяч.

Итак, все осужденные по статье ЧСИР, должны были отбывать наказание только в специально отведенных для них отделениях с особым режимом

содержания. Об этом свидетельствует и такой факт, когда в Акмолинском отделении были выявлены различные заболевания и необходима была госпитализация, больным женщинам не могли оказать необходимую медицинскую помощь на месте, а перевод в другую больницу не был предусмотрен. Этот вопрос мог быть решен только на уровне высшего руководства НКВД: «Зам. нач.1 спецотдела капитану Госбезопасности Зубкину. Сообщаем, что находящиеся в Акмолинском спецотделении Карлага НКВД, ниженаименованные осужденные Особым Совещанием, как члены семей изменников родины: Аугустина Клавдия Васильевна, ребенок которой болен миомой; Орловская-Колгина Александра Григорьевна, психически больная и за своим ребенком Светланой, 11 месяцев, не ухаживает и не кормит, мечтает о смерти ребенка; Моксак Лидия Павловна больна паршой головы; Исаакова Екатерина Тимофеевна больна стригущим лишаем; Вилина Екатерина Тимофеевна - психически больна. Указанным заключенным требуется спецлечение, которое в условиях спецотделения осуществить невозможно. Просим Вашего указания, куда их отправить для лечения. Зам. нач. ГУЛАГа НКВД СССР ст. майор Госбезопасности Леонюк» /25/.

С осени 1938 года уже два отделения принимали ЧСИР. Судя по архивным документам, Спасское отделение было образовано в связи с переполненностью Акмолинского и проходило по приказам Карлага НКВД как спецотделение № 2. Но в отчетном документе за 1938 год, где определялась структура Карлага, об этом факте не упоминалось, вместе с тем, во исполнение приказа НКВД СССР от

10.X.1938 года за № 00672 вышел приказ по Карлагу за № 0068 от 27 декабря 1938 года с грифом «совершенно секретно» об организации в Карагандинском исправительно-трудовом лагере 5 районов: (Долинский, Сарептский, Чурубай-Нуринский, Бурминский, Коктункульский), 5 лагпунктов, не входящих в состав районов (Долинский, Карабасский, Спасский, Балхашский, СХОС), а также 1 отделение, не входящее в состав районов (Акмолинское спецотделение с центром в поселке № 26) /26/.

Ежегодно в каждом отделении Карлага составлялись штаты военизированной охраны соответственно количеству лагконтингента, в связи, с чем выводилось среднегодовое количество заключенных. Такие данные имеются как на Акмолинское – 4 200, так и на Спасское – 3 000 заключенных /27/. Но здесь надо учесть, что для удобства подсчета численности ВОХР, эти цифры были округлены.

Как только вопрос о размещении женщин был улажен, Акмолинское спецотделение было подвергнуто тщательным проверкам.

Первая серьезная проверка была проведена в январе 1939 года начальником 3 отдела Карлага НКВД капитаном Госбезопасности Лютым. По его данным, в Акмолинском спецотделении на начало 1939 года находилось 4 с лишним тысячи заключенных женщин. Помимо выявленных недостатков, выразившихся в плохом питании, нехватке воды, отсутствии постельных принадлежностей, одежды и обуви, было предложено пересмотреть существующее положение о спецотделении, которое, по словам проверяющего,

устарело и к тому же поднесано врагами (к тому времени Народный Комиссар Внутренних Дел Ежов и те, кто был выдвинут им на руководящие посты, были расстреляны). В заключении было отмечено, что управление Карлага очень мало обращает внимания на состояние этого отделения, считая как бы «пасынком», имея в виду его самостоятельный бюджет. Действительно, хотя Акмолинское спецотделение было изначально отделением Карлага, оно имело свой бюджет, утвержденный ГУЛАГом и было принято на баланс Карлага лишь на основании приказа Зам. Наркома Внутренних Дел от 11 сентября 1939 года и приказа по управлению Карлага от 15 октября 1939 года /28/.

Для устранения вышеперечисленных перебоев в снабжении, 31 января в Акмолинское отделение выехал начальник отдела снабжения Левандовский. По его наблюдениям, все оказалось не так уж плохо как с продуктами, так и с товарами первой необходимости. Из всего увиденного Левандовский сделал вывод, что необходимо укомплектовать штаты работников снабжения, так как начальник снабжения один на весь Карлаг и не может уследить за всем. К своей докладной записке он приложил примерное меню столовой на неделю, составленное зав. столовой и зав. производством Никитиным. Судя по представленному меню, рацион питания весьма разнообразен и напоминает хорошую столовую: здесь и щи с мясом, и плов, и галушки, и суп картофельный, и рагу из овощей, и различные соусы.

На самом деле питание заключенных было весьма скудным и однообразным. Это подтверждено как воспоминаниями женщин, так и в личной беседе с

ними. К примеру, в интервью А.Г.Енданова рассказывала: «Мне повезло, закончила кулинарные курсы и была определена поваром в столовую. На вопрос как кормили, могу ответить, что женщины постоянно ходили голодные, я как могла, помогала им, отдавала свою пайку...». Из мемуаров Г.Степановой-Ключниковой: «Чувство голода никогда не оставляло. Организм изнывал, просил белков, жиров, витаминов. Пайка черного хлеба, черпак баланды, примерно чайная чашка каши-размазни – вот неизменное наше питание из месяца в месяц, независимо от времени года» /29/. По воспоминаниям К.И.Мальцевой: «Кормили плохо: суп из свекольной ботвы да каша ячневая или пшенная. Если норму выполняли - 700 граммов хлеба, если нет - оставались без ужина» /30/. Из разговора с У.Майжоловой: «Норму я всегда перевыполняла, ведь я работала портнихой и эту работу хорошо знала, иногда давала вместо 100 % - все 300 %, а перевыполнившим план давали 900 граммов хлеба». Для заключенных занимающих руководящие должности и для ударников готовилась специальная пища на так называемой «итээровской плите».

В течение года среди заключенных лагеря образовалась своего рода каста, которая пользовалась особыми привилегиями, причем кастовость создавалась не по принципу социального положения их мужей, а по заслугам в условиях лагерной жизни.

Надо отметить, что особый режим, предназначавшийся для ЧСИР, действовал на протяжении полутора лет, вплоть до выхода приказа по ГУЛАГу за № 00577 от 21 мая 1939 года, на основании которого Акмолинское спецотделение должно было перейти на общий режим. На самом деле это

произошло значительно позже: понадобилось еще полгода, пока лагерь перешел к режиму на «общих основаниях» И, если в течении двух лет его существования, как спецотделения, в нем сохранялся особый режим, то в Спасском спецотделении отмечались некоторые послабления. Несмотря на целый ряд приказов, и распоряжений в отношении лагерного режима, в Спасском спецотделении режимные установки зачастую не выполнялись. Так, в зоне совместно со спецконтингентом размещались заключенные, осужденные за должностные и бытовые преступления. На территорию отделения также пропускались посторонние лица из местного населения, допуск которых был категорически воспрещен. Все эти факты свидетельствуют о том, что в Спасском отделении соответствующего нормативным требованиям лагерного режима не было /31/.

Весной 1939 года отделения Карлага вновь подверглись проверкам, в которых постоянно указывалось на невыполнение требований режима, и в первую очередь, это касалось осужденных за особо опасные преступления.

В июне 1939 года Управление Карлага совместно с 3-м отделом провело обследование состояния режима в лагподразделениях, в результате чего были обнаружены факты грубого его нарушения практически во всех отделениях лагеря. В первую очередь, была отмечена распыленность осужденных за особо опасные преступления по всем отделениям Карлага, а также отсутствие контроля за ними, широко развитое сожительство заключенных мужчин и женщин, проживание военизированной охраны в бараках вместе с заключенными. В итоге было

подчеркнуто, что состояние режима изоляции заключенных в лагере не только не улучшилось по сравнению с положением, выявленным инспекцией ГУЛАГа при обследовании в октябре 1938 года, но по ряду отделений даже ухудшилось /32/.

Данные о смертности ЧСИР Акмолинского спецотделения были весьма разноречивы. Приводились сведения о их высокой смертности. Вот, что пишет об этом К.В.Шубриков, инспектор культурно-воспитательной части лагеря с 1947 по 1953 годы: «Каждое утро старик из вольнонаемных расстилал палатку, складывал голые трупы «валетом», заворачивал, отвозил на подводе. Хоронили под номерами, бирочку к левой руке привяжут – и по сто человек в братскую могилу, на ней колышек – тоже под номером» /33/.

Позднее при строительстве Акмолинской птицефабрики, было найдено огромное количество останков заключенных, а так как на этом месте был АЛЖИР, то сразу был сделан вывод о их принадлежности ЧСИР. Но в 1947 году в Акмолинском отделении практически не осталось, ни одной осужденной по этой статье, и к этому времени лагерь совершенно потерял свое былое предназначение. В разговорах с бывшими узниками АЛЖИРа также не удалось подтвердить факта высокой смертности лагерниц. В результате анализа учетных карточек было установлено, что смертность среди ЧСИР, составляла 0,2 % от общего их числа. Сравнивая эти данные с общими показателями по ГУЛАГу, где на 1939 год приходилось 3,29 % смертных исходов, эта цифра гораздо ниже. В целом к 1939 году смертность была в 2 раза ниже, чем в 1937-1938 годах, когда

доходила до 5,5-5,7 %. В докладной записке руководства ГУЛАГа главные причиной снижения смертности называется улучшение их медицинского обслуживания, включая масштабное проведение прогнотозэпидемиологических мероприятий /34/.

Для того, чтобы упорядочить отчетность по режиму содержания заключенных, 11 июня 1939 года вышло распоряжение ГУЛАГа, адресованное всем начальникам лагерей, следующего содержания: «Информация, получаемая ГУЛАГом от начальников лагерей о состоянии режима и изоляции заключенных в лагерях, в большинстве случаев носит случайный характер, и сводится к простому перечислению фактов нарушений отдельными заключенными и вольнонаемными работниками, совершенно не отражая состояние лагеря в целом и проводимой работой по устранению имеющихся недочетов и укреплению режима содержания заключенных в ИТЛ НКВД. В целях упорядочения отчетности и отражения действительного положения в лагерях необходимо в дальнейшем один раз в три месяца предоставлять в отдел Режимы Управления Охраны ГУЛАГа подробную докладную записку о состоянии режима и изоляции заключенных в лагере, где должны быть освещены такие вопросы: общее состояние лагеря (изменения в дислокации лагерных подразделений (какие ликвидированы и какие вновь созданы), краткий анализ состава заключенных, жилищно-бытовые условия, санитарное состояние, питание, наличие штрафпунктов, карцеров и т. д.); режим содержания и изоляция заключенных (внутренний распорядок лагеря, система пропусков в лагере, раскоивоирование заключенных, порядок допуска заключенных на

административно-технические должности, производство обысков на лагпунктах и их результаты, свидания, посылки, передачи, переписка, пользование дельгами, анализ побегов, нарушение режима заключенных и преступность в лагере, краткий анализ дисциплинарной практики, порядок приема и направления жалоб и заявлений заключенных)» /35/.

Данный документ позволяет не только увидеть стремление руководства соблюдать режим содержания заключенных всеми лагерными подразделениями, но и еще раз уяснить, что входит в понятие лагерный режим, на основании которого можно определить его специфику в Акмолинском спецотделении.

Согласно приказу ГУЛАГа за № 00577 от 21.05.39 года и Карлага за № 029 от 13.06.39 года, заключенные ЧСИР должны были перейти на общий режим, ярлык «спец» снимался с Акмолинского спецотделения, а Спасское спецотделение подлежало ликвидации. Именно этот приказ положил начало переводу женщин на так называемый режим «на общих основаниях», после чего они могли быть направлены в различные отделения Карлага.

Большинство ЧСИР, начиная со второй половины 1939 года, были переведены в Долинское отделение (по результатам исследования почти треть от общего числа переведенных), далее в порядке уменьшения – Сарептский район, Каражар, Чурубай-Нура, Джартаc, Карабас, Бурма, СХОС, Джезказган. С осени 1939 года часть из них отбыла в другие лагеря ГУЛАГа, такие, как: Соликамбумстрой, Устьвымлаг, Севураллаг, Воркутлаг, Ухтинжемлаг, Бейбатлаг, Богуславлаг, Печерлаг, Новосибирск, Красноярск.

Такой поворот событий был связан, прежде всего со

сменной власти, когда Берия занял пост Наркома Внутренних Дел, и был взят курс на свертывание репрессий. Одной из причин тому послужила неэффективность труда заключенных. Так, на 1 марта 1939 года 250 000 заключенных оказались неспособными к труду, в течение 1938 года 8 % от их общего числа умерло, что, в первую очередь, было связано с низкокалорийным питанием. Норма питания 2 000 калорий в день, как отмечал Берия, рассчитана на сидящих в тюрьмах и неработающих, причем на деле такая норма отпускалась лишь на 65-70 %, в результате чего значительная часть рабсилы попадала в категорию бесполезных для производства людей. В связи с этим Берия отдал распоряжение утвердить новые нормы снабжения продовольствием, чтобы «физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве» /36/.

Со стороны могло показаться, что Берия делал это из гуманных побуждений. По словам самих женщин, это был своего рода рекламный фарс, чтобы прослыть честным и справедливым, Берия освободил из московских тюрем несколько заключенных, чьи дела еще не были закончены в бытность Ежова, а также некоторым женщинам, за которых хлопотали родственники, заменил лагеря ссылкой /37/.

Но, как уже отмечалось, переход на послабление режима проходил очень медленно и продлился вплоть до конца 1939 года. За этот период времени вышло несколько приказов ГУЛАГа и Карлага НКВД об изменении режима заключенных ЧСИР, где указывалось, что ряд начальников лагподразделений оставили режим содержания данного спецконтингента

прежним.

Так, 13 августа 1939 года, то есть спустя 2 месяца после выхода приказа № 029, был издан приказ № 0040, где категорически требовалось перевести ЧСИР на режим «на общих основаниях», предоставив им право переписки и получения посылок, чего они были до сих пор лишены, а также рекомендовалось специалистов, осужденных на срок до 5 лет, использовать по специальности, а свыше 5 лет только на общих подконвойных работах. 22 декабря 1939 года вышел приказ за № 0092, который отменял запрещение использовать специалистов, осужденных как ЧСИР сроком свыше 5 лет по специальности /38/.

На основании распоряжения Главного Управления лагерей НКВД СССР и приказа по Управлению Карлага от 29 декабря 1939 года за № 0097, Акмолинское спецотделение вошло в состав Карагандинского исправительно-трудового лагеря.

30 декабря 1939 года была проведена реорганизация Карлага, «так как произведенное в 1939 году районирование, по которому вся территория Карлага была разделена на 5 хозяйственных районов – оказалось совершенно непригодным для хозяйственного управления. Одной из отрицательных сторон была обширность территорий, входящих в состав района и существование между районами и фермами промежуточного звена лагпунктов, которые фактически были передатчиками распоряжений районов, а не руководителями производства. Фермы же и пахотные участки, где была сосредоточена вся хозяйственная работа, оказались беспризорными.

Согласно распоряжения заместителя Наркома Внутренних Дел Чернышева от 21 декабря 1939 года за

№ 8736, утверждалась реорганизация Управления лагеря. По новому делению создавалось две инстанции: Управление Карлага, которому подчинялись все отделения и отделения с непосредственно подчиненными им фермами и пахотными участками. Промежуточное звено – лагпункты – ликвидировались, а весь бухгалтерский учет и отчетность сосредотачивались в отделении. На фермах велся лишь первичный учет» /39/.

На 1 января 1940 года в Карлаге насчитывалось 20 отделений, среди которых 17- м являлось Акмолинское отделение (уже без «спец») с центром в поселке № 26 в составе молочной фермы, пахотного участка и швейной фабрики.

В связи со структурными изменениями Карлага 16 января 1940 года начальником Режима управления Карлага НКВД младшим лейтенантом Госбезопасности Довгаленко была составлена справка, где указывалось, что контроль за режимом содержания заключенных будет осуществляться согласно «Временной инструкции о режиме содержания заключенных ИТЛ НКВД СССР», объявленной приказом Зам. Наркома Внутренних Дел СССР комдива тов. Чернышева за № 00889 от 2 августа 1939 года.

Вопросами режима содержания занимался в лагере отдел Режима Управления, организованный по приказу Управления ГУЛАГа за № 035 от 27 июля 1939 года на основе циркуляра НКВД СССР за № 107 от 25 июня 1939 года. До объявления приказа № 00889 основным документом о режиме содержания заключенных в лагере являлось «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 2 апреля 1930 года.

В Карлаге вопросами режима содержания

заклученных занимались главным образом Учетно-распределительный отдел и военизированная охрана. Первый по части приема и освобождения заклученных из лагеря, учета их, использования на работе, наблюдения за правовым положением заклученных, учета побегов. С начала 1939 года розыск совершивших побег из лагеря был передан 3 отделу.

После того, как Акмолинское отделение влилось в состав Карлага, начальником Управления был проведен ряд проверок, выявивших следующие замечания: «Основная зона на протяжении трехсот метров имеет в вышину всего один метр с четвертью. Предупредительной зоны нет совершенно. Бровка заросла травой и бурьяном и имеет много ям, в которых заклученные при подходе к яме, могут легко укрываться от наблюдений часовых. Вечерняя проверка заклученных проводится только по баракам и возложена на старост заклученных. Дежурный по участку вечернюю проверку проводит ежедневно только в 2-3 бараках, охватывая 100-150 заклученных. При наличии в отделении 2 200 заклученных это может привести к тому, что возможный побег заклученного будет выявлен только через несколько дней. Обыски в бараках, где размещены заклученные, не производятся. Помещение ШИЗО проволокой не огорожено» /40/.

После выявленных недостатков, были перечислены меры, необходимые для предотвращения возможных побегов. Примечательно, что Акмолинское отделение было единственным структурным подразделением Карлага, откуда не было совершенно ни одного побега. Так, в справке о побегах из Карлага НКВД за 1940 год из лагеря бежало 390 заклученных (наибольшее количество из Самарского отделения 43, ЦПО, ДКО и

Спасска). Из Акмолинского отделения побегов не было /41/.

В своих воспоминаниях женщины мотивировали это тем, что бежать – значит признать свою вину, признаться в содеянном, исходя из этого, они считали, что должны «испить чашу наказания» до конца.

Итак, общий режим был распространен без исключения на все отделения Карлага, что предполагало следующий распорядок дня: подъем в 6 часов, утренняя поверка и развод по рабочим местам. Те, кто имел самостоятельную работу в зоне, шел самостоятельно, кто трудился за зоной, подходил к проходной, и конвоир сопровождал их до места работы. Те, кто был определен на сезонные работы, вместе со своими бригадирами и специалистами, выстраивались в шеренгу у проходной и двигались за зону под охраной стрелков. Обед привозили на место работы, ужинали в столовой. Отбой в 10 часов вечера. Днем передвижение было свободным, ночью ходить запрещалось.

Из записей М.Т.Юзипенко: «Хотя, добравшись после изнурительного труда до барака, порой у женщин не было сил даже поесть, а только желание лечь на нары и выспаться, но если по лагерю объявляли о какой-нибудь самодеятельности, концерте, то откуда, что бралось – все тут, же собирались» /42/.

28 сентября 1940 года вышел приказ заместителя Наркома Внутренних Дел Чернышева за № 877 о запрещении использовать заключенных на всех видах культурно-воспитательной работы, за исключением радистов, преподавателей и в кружках художественной самодеятельности /43/. Причем художественная самодеятельность должна быть во всех отделениях

лагеря. В отчете политотдела Карлага НКВД отмечалась хорошая работа кружков Акмолинского и Джартаасского отделений, спектакли «Крылья гнева» и «Без вины виноватый», поставленные в Акмолинске, заняли первое место среди всех отделений лагеря.

Несмотря на все вышеуказанные приказы, связанные с переходом Акмолинского отделения на общий режим, оставшаяся там, большая половина спецконтингента, в отличие от отправленных в другие отделения и лагеря, продолжала находиться в изоляции от других контингентов заключенных вплоть до осени 1940 года, когда сюда прибыл этап женщин-полячек, осужденных за НПГ (нелегальный переход границы). Следующие этапы прибыли после того, как началась Великая Отечественная война.

В первый день войны 22 июня 1941 года вышла Директива Народного Комиссара Внутренних Дел СССР и Прокурора СССР за № 221 о переводе охраны лагерей на военное положение /44/. В ответ на данное распоряжение вышел соответствующий приказ Карлага НКВД за № 0037 от 23 июня 1941 года, согласно которому необходимо было «прекратить использование на бесконвойных работах всех заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, перебежчиков, инородцев, а также бандитов, рецидивистов, польских и немецких националистов. В целях усиленной охраны сосредоточить эти контингенты в первую очередь в следующих отделениях: а) Акмолинском отделении. Пошивочную фабрику взять под охрану взвода ВОХР с выставлением поста в ночное время... Прекратить свидания заключенных и всякую переписку с волей» /45/.

Всего по данному приказу было перечислено 13 отделений, где необходимо было усилить охрану, но спецконтингент Акмолинского отделения продолжал оставаться самым опасным из всех категорий заключенных, так как по степени опасности был назван одним из первых среди всех отделений Карлага.

В связи с решением организовать Спасский лагерь для военнопленных, возникла необходимость переброски заключенных из Спасска в Акмолинское отделение, так как там численность заключенных заметно поубавилась, и оно было единственным отделением, которое могло принять дополнительное количество людей. Свидетельством тому, явилась телеграмма от 26 июня 1941 года адресованная в Москву о переброске вагонов для 3 500 заключенных инвалидов в Акмолинский лагерь /46/.

26 июня 1941 года в Акмолинское отделение прибыл большой этап мужчин и женщин, осужденных за контрреволюционные преступления, из Старобельлага.

5 и 12 июля 1941 года сюда прибыл еще один этап заключенных из Спасска, численность которого намного превышала предыдущий. В основном он состоял из мужчин, осужденных также по политическим мотивам. В результате анализа их учетных карточек, удалось установить, что многие по приезду в лагерь умерли, причем есть такие, которые умерли в день приезда, другие - спустя несколько дней, месяцев, так как почти на всех карточках стоит штамп «умер» и дата смерти. По словам Н.Богданец: «Они были очень истощены и многие умирали сразу по приезду» /47/. Из воспоминаний М.Крутько: «Привезли мужчин из Спасского лагеря, многие умерли» /48/. По

наблюдениям Ф.Зибенайхер: «Среди привезенных было очень много инвалидов. Кто совершенно не мог работать, сидели в бараках, получали 300 граммов хлеба, остальные работали в поле. Многие умирали» /49/.

В годы войны в Акмолинское отделение прибыли этапы осужденных не только по политическим мотивам, но и за бытовые преступления, причем как женщин, так и мужчин. Вопреки предположениям женщин, осужденных как ЧСИР, которым казалось, что с началом войны в лагеря будет поступать меньше новых заключенных, в отделение прибывали «простые работницы, крестьянки, получившие срок за опоздание на работу, за незначительные бытовые преступления» /50/.

В условиях военного времени осужденные не могли отказаться от работы, так как специальная инструкция от 1942 года разрешала начальнику конвоя, при отказе осужденных приступить к работе, после двукратного предупреждения применять оружие, в первое время отмечались случаи злоупотребления этим, и заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел Круглов вскоре был вынужден издать приказ, обязывающий по всем таким фактам проводить служебное расследование с привлечением виновных в злоупотреблении к уголовной и административной ответственности /51/. Но в Акмолинском отделении случаев применения оружия не отмечалось.

Итак, Акмолинское отделение в начале 40-х годов стало смешанным и все более походило на другие отделения Карлага. К ноябрю 1943 году общее количество заключенных составило 3 341, из них – 2 108 женщин и 1 233 мужчин, причем за

контрреволюционные преступления – 2 271, за бытовые – 1 013, то есть, третью часть от их общей численности составили неполитические осужденные /52/.

За годы войны численный состав заключенных отделения оставался практически неизменным. Хотя многие из привезенных умирали, но за счет вновь прибывших численность оставалась прежней. Так, на 1 июня 1944 года общее количество заключенных в Акмолинском отделении насчитывалось 3 562, то есть за 7 месяцев их численность увеличилась на 221 человека /53/.

Многие женщины, осужденные как ЧСИР, в годы войны писали заявления с просьбой отправить их на фронт, но со столь опасной статьей на фронт не брали, и о войне они могли узнавать из радиосводок, а порой из газет, часть информации черпалась из писем. Питание во время войны заметно ухудшилось, и лишь с окончанием войны нормы питания приблизились к довоенным /54/.

На протяжении всего пребывания ЧСИР в Акмолинском отделении их бытовые условия были тяжелые. С 27 января по 3 февраля 1946 года зам. нач. САНУ Управления Дьяченко произвел обследование санитарно-бытовых условий содержания заключенных Акмолинского отделения, в результате чего отметил низкую температуру в бараках, недостаток в постельных принадлежностях и одежде, малое количество умывальников, отсутствие кипяченой воды, грязь и антисанитарию в столовой и на кухне и т.д. /55/, то есть наблюдается та же картина, что и в 1939 году. Весной и летом Акмолинское отделение постоянно проверялось зам. нач. Управления Карлага

Слюсаренко, который также обнаружил огромное количество недостатков в режиме содержания заключенных, обвинив начальника отделения Барина и его заместителя по лагерю Воротынцева в том, что «все нарушения и безобразия являются результатом их недостаточного внимания к этим важнейшим вопросам и отсутствия контроля над работой лагсектора, несмотря на неоднократные указания Центра и Управления Карлага» /56/.

Как показывают архивные материалы, в результате проверки Акмолинского отделения спустя 3 года начальником Управления Карлага МВД Маевским, ситуация не только не улучшилась, но еще более ухудшилась /57/.

Акмолинское отделение официально просуществовало до июня 1953 года. Во исполнение Постановления Совета Министров СССР № 1225-492 от 8 мая 1953 года и приказа Министра Юстиции СССР № 045 от 14 мая 1953 года, оно в составе еще 6 отделений Карлага было передано Министерству Сельского Хозяйства и Заготовок /58/.

Таким образом, на протяжении всего существования Акмолинского лагеря жен «изменников родины» режим содержания в нем постоянно менялся в зависимости от времени, ситуации и наличия в нем другого контингента. С первого дня пребывания в лагере для женщин был предназначен особый режим, основные требования которого находили свою реализацию в строго регламентированном внутреннем распорядке дня. Это заключалось в первую очередь в постоянном конвоировании, запрещении свободного передвижения по зоне, ежедневных поверках, обысках, без права переписки, чтения, запрета на ведение

записей, особенно стихов. За любую провинность можно было попасть в карцер.

Если и наблюдались время от времени какие-либо нарушения лагерного режима, как со стороны администрации, так и самими заключенными, то, надо, отметить, что в целом в Акмолинском лагере сохранялся тот режим, который изначально предусматривался для особо опасного контингента и был первоначально более ужесточенным, когда там находились только ЧСИР, а, получив некоторое послабление согласно приказа ГУЛАГа за № 00577 от 21 мая 1939 года, отменявшего особый режим в отношении политзаключенных, он вновь был усилен с началом Великой Отечественной войны. Но, независимо от установленного режима, главной обязанностью женщин на протяжении всего существования лагеря являлся труд, и зачастую им приходилось работать в неимоверно тяжелых условиях.

2.2. Организация труда в лагере

Партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде пафос созидания. Для заключенных инициировались всевозможные почины, трудовые вахты, салюты, а также ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое, судя по отчетам лагерного начальства, охватывало до 95 % заключенных.

Вплоть до осени 1937 года в пропагандистской литературе, служебной переписке и даже в официальных документах заключенных чаще называли «лесорубами», «ударниками», «стахановцами»,

последний термин вообще активно использовался в официальной лексике середины 30-х годов. Для хорошо работающих заключенных в лагерях оборудовали «стахановские бараки», на кухнях – «стахановские котлы» и т.д. Еще в 1936 году на железнодорожных станциях можно было наблюдать такую картину: едет эшелон с заключенными, а на вагонах знамена, лозунги о стахановском движении, портреты вождей: Сталина, Кагановича и других, плакат с надписью: «Мы, стахановцы, едем на ударную стройку», и здесь же часовые с винтовками и решетки на окнах. В сентябре 1937 года культурно-воспитательный отдел ГУЛАГа дал развернутые указания - заключенных стахановцами не называть, поскольку это явная политическая ошибка /1/.

Так как первые этапы женщин прибыли в Акмолинское отделение в январе 1938 года, их называли не иначе, как осужденные, заключенные, а порой и просто товарищи женщины, но суть от этого не менялась: в ходу были все те же лозунги, прославляющие государство и «вождя всех времен и народов». «Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь» и ему подобные лозунги украшали здания лагеря (информация получена в процессе интервьюирования бывших узниц лагеря).

Большинство женщин, социализация которых проходила в годы строительства нового общества, относились к категории тех людей, чья юность прошла под лозунгом «Даешь коммунизм!». Ментальность женщин, сформированная под пропагандой постулата «от каждого по способностям, каждому по труду», была направлена на то, чтобы быть полезными обществу и все свои силы направить на выполнение и

перевыполнение пятилетних планов. Приученные за двадцать лет советской власти к напряженному ритму работы, они уже не могли бездействовать и, находясь в тюремном заключении, стремились к какой-либо деятельности, чтобы занять себя, как-то забыться, и быть полезными государству, то есть срабатывал тот же стереотип, что и на воле.

Первое, что пришлось сделать женщинам, прибывшим зимой в лагерь, это отопить бараки. В течение двух зим камыш являлся основным видом топлива, лишь с 1941 года, в результате образования лесозаготовительного участка, топить печи стали деревом. Дневальные сутками подкладывали камыш в печь, но он давал так мало тепла, что температура в бараках не превышала 6-8 градусов. Из него же женщины вязали маты, служившие им матрацами. Вспоминая лагерную жизнь, многие бывшие узницы отмечали, что самой тяжелой работой была рубка камыша. Ранним утром, независимо от того, какой мороз стоял на улице, практически все заключенные отправлялись на его заготовку. По распоряжению старост бараков (такие же заключенные, но приехавшие раньше), женщины выстраивались в колонны по 200 человек и направлялись, вооруженные серпами и лопатами, к озеру. Замыкал шествие усиленный конвой с собаками. Разбившись на бригады по 10 человек, надо было заготовить не менее 40 снопов. Для выполнения этой нормы работа делилась на несколько приемов: более сильные должны были жать, другие делать пресла, третьи связывать снопы, четвертые относить снопы в кучи. Работа на озере занимала целый день. Обеспечив бараки топливом на несколько дней, отогревшись, забравшись на нары,

которые уже не казались жесткими, женщины погружались в глубокий сон /2/.

В течение нескольких месяцев лагерь не работал. Заготовка камыша, поддержание порядка в бараках, обеспечение водой, ежедневные утренние и вечерние поверки являлись неотъемлемыми атрибутами дня, и единственным занятием было налаживание быта: подготовка элементарных условий для проживания (выживания) и забота о вновь прибывших. Администрация также занималась размещением многочисленных этапов, поэтому о каком-либо производстве не могло быть и речи. А уже весной 1938 года, когда Акмолинское спецотделение было достаточно укомплектовано, хотя этапы еще продолжали приходить, необходимо было наладить производство. Теперь задачей первостепенной важности стало не только оправдать содержание лагеря, но и начать выпускать продукцию, нужную для региона.

По мнению ГУЛАГа, руководство Карлага не максимально задействовало потенциал рабочей силы. Свидетельством тому является телеграмма следующего содержания: «Использование Карлаге рабочих непосредственно производстве снизилось. В ноябре 53,2 % против октября 64,1 %, потери неработающей группе достигли 26 %, что составило 8 300 человек. Это объяснено избытком рабсилы, свертыванием сельхозработ, но главным образом тем, что руководство лагеря не занимается повседневно этим делом Предлагаю немедленно наметить провести мероприятия максимальному увеличению числа занятых производстве Докладывать запиской раз в декаду 1 января 1938 года п/и Плинер» /3/.

Самым главным в работе Карлага на 1938 год было то, что он должен был перейти исключительно на женский труд, причем сделать это еще к 1 января 1938 года. На этот счет на протяжении всего года выходили директивы ГУЛАГа о том, что «большинство начальников отделений не придают этому важному мероприятию серьезного значения и не приводят свои соображения по внедрению женского труда в лагере» /4/.

Работа в данном направлении проводилась с отдельно взятыми отделениями, но заменить весь лагерный контингент оказалось невозможным. Управлением Карлага был составлен ряд обращений во все отделения. К примеру, 3 июня 1938 года такой приказ был направлен начальнику Самаркандского отделения: «Мы неоднократно предупреждали Вас, что ГУЛАГ категорически поставил вопрос о том, что мы обязаны дать этим летом 10 000 человек в другие лагеря. ГУЛАГ нас, а мы Вас предупреждали строго подумать и подготовить замену трудоспособной части мужского контингента женщинами. Сейчас Москва требует дать безоговорочно 3 000 человек в первой половине июня. Мы это обязаны выполнить. Предупреждаю, что задание это весьма серьезное, и выполнить Вы должны. Зам. нач. управления Карлага НКВД капитан Госбезопасности Бабкевич» /5/.

Заслуживает внимание и такой факт, что Карлаг получил наряд на отправку в другие лагеря особо опасного контингента и завоз заключенных, осужденных по бытовым статьям, так как, согласно директивам ГУЛАГа, совместное использование заключенных по политическим и бытовым статьям запрещалось. «20 января мы просили для обеспечения

посевной компании завезти в первом квартале три тысячи осужденных за бытовые преступления, в том числе и специалистов для сельского хозяйства и укомплектования курсов. На 1 марта вместо 3 тысяч прибыло только 1 760 человек, на наш вторичный запрос тов. Леонюк № 64367 сообщил, что направит еще одну тысячу, однако, до сих пор нарядов не имеем. Уже к концу марта, в связи с приближением весенних работ и развертыванием подготовительных к посевной, Карлаг излишней силы иметь не будет, и в апреле-мае намечается недокомплект против планов 5-6 тысяч человек. Не завоз контингента бытовиков в Карлаг ставит лагерь в крайне тяжелое положение». Данная ситуация имела место и в 1941 году. Все эти мероприятия имели серьезные последствия: на тот момент, когда практически все лагерное население Карлага было охвачено трудом, встала другая проблема – согласно акту на 28 марта 1945 года, в лагере имелось всего 39,2 % полноценной рабочей силы. Физическое состояние лагконтингента определялось следующими показателями:

- 1 категория - 5 575 человек, или 10,35 %;
 - 2 категория - 15 527 человек, или 28,28 %;
 - 3 категория - 21 607 человек, или 40,2%;
 - 3 категория - 5 458 человек, или 10,15 %;
 - 4 категория - 5 615 человек, или 10,45 %.
- Итого: 53 782 человека, или 100 % /6/.

Единственным отделением, где использовался только женский труд и был представлен лишь один контингент – особо опасный - было Акмолинское спецотделение.

За достаточно короткий срок, в глухой степи, вдали от населенных пунктов, женщины сумели создать такое

производство, которое не только обеспечивало их одеждой и питанием (причем из продуктов в отделение завозили лишь сахар и рис, остальное все производилось на месте), но и вышло по производственным показателям на первое место среди всех (22) отделений Карлага /7/.

Имея за плечами богатый опыт организаторской работы (среди заключенных было немало тех, кто занимал прежде руководящие посты), женщины приступили к изучению контингента. Для начала решено было сформировать конструкторское бюро, которому предстояло запроектировать швейную фабрику, кирпичный завод, электростанцию, котельную, баню, столовую с кухней и кинотеатр для вольнонаемных вне зоны лагеря. Все свои соображения женщины передали начальнику спецотделения Бредихину. Спустя несколько дней их вызвали из бараков в здание правления охраны для того, чтобы выслушать их мнение об использовании женщин в производственных процессах лагеря. Для этого приехала специальная комиссия из ГУЛАГа.

М.Л. Анцис вспоминала, что видеть перед собой тех, кто определил нас в лагерь, было невозможно, а от нас ждали соображений насчет работы. Видя наше состояние, начальник Карлага Линин и заявил: «Нам понятно ваше волнение. Можем сообщить вам невеселые вести. Мужья ваши расстреляны, как враги народа. Дети ваши в детских домах, от вас отказались. Советская власть их воспитает настоящими людьми, преданными советской власти. А вам придется организовать жизнь свою в этой степи. Вам придется работать, но без вредительства». Диалог между осужденными и членами комиссии продолжался два

часа. С последним вопросом член комиссии обратился к М.Л.Анцис о реальности строительства швейной фабрики и подвозки сырья и топлива по проселочной дороге на расстоянии 45 километров от Акмолинска. На это был дан ответ, что после того, как сюда привезли в пургу при 45-градусном морозе тысячи матерей и малюток, работа фабрики представляется возможной» /8/.

В результате было получено разрешение на строительство швейной фабрики. Это была обычная практика для НКВД - приступать к работе не имея ни технического проекта, ни экономического обоснования. Именно поэтому, позднее появились проблемы, связанные с ликвидацией фабрики, построенной без учета возможностей получения сырья и вывоза готовой продукции. Судя по вышеприведенному документу, согласившись с доводами заключенных о реальности построения в данных условиях фабрики, было решено начать производство. Первое, что необходимо было сделать – это занять заключенных трудом, а так как контингент был женский, то швейное производство рассматривалось как самое удачное решение.

Группа по проектированию была скомплектована из квалифицированных работников: набрали экономистов, нормировщиков из разных отраслей промышленности, но большинство из них не были знакомы со спецификой швейного производства. Технологов, ранее работавших в швейной отрасли, не нашлось, но времени на раздумье не было, так как были получены контрольные цифры на 1938 год, где уже во втором квартале должны быть организованы производственные цеха. На первых порах они

размещались в бараках: к примеру, пошивочный - в 32 бараке, закройный – в 42-м /9/.

Следующим этапом был подбор начальников, бригадиров в цеха: сложность состояла в том, что умеющих шить было много, а организаторов швейного дела – единицы. Одной из них была М.Ф.Поликарпова, потомственная ивановская ткачиха, до ареста работавшая зам. директора текстильной фабрики. Начальниками цехов стали А.А.Журавлева, М.И.Цикерман, А.П.Павлова, А.Стекол, П.Марголина, О.Зверева. Начальник планового отдела Е.М.Генкина сумела создать хороший коллектив плановиков-нормировщиков /10/.

Еще до завершения проекта новой фабрики, началось поступление вагонов сырья и оборудования. Для этого необходимо было подобрать работников на должности зав. складом сырья, готовой продукции, зав. техническим складом, а также механиков для монтажа оборудования. В списках отдела кадров лагеря были нужные специалисты, но они уже были заняты на других участках лагеря. Зав. складом сырья назначили Л.В.Солнцеву, в прошлом инженера-экономиста в текстильной промышленности, зав. техническим складом стала Л.Неватовская. Их обеих страшил ответственная работа, но фраза: «Вы коммунистки и должны пойти туда, куда вас приглашают» подействовала безотказно. Особую сложность представлял поиск механиков по комплектованию оборудования фабрики. В отделе кадров выявили учетную карточку О.Ф.Мелик, окончившую швейный институт по механическому отделению, на которую возложили руководство по оборудованию фабрики. Далее была набрана группа механиков из молодых

инженеров, многие из которых только что окончили институт. Ими были: Л.Марева, Л.Каменская, Л.Степанова, Л.Кравченко, Н.Енукидзе, Л.Шор. Работа по оборудованию фабрики занимала весь световой день /11/.

Для проектирования технологического проекта фабрики запросили документацию технологических процессов других фабрик ГУЛАГа, причем использовали только новейшую технологию. В результате переписки с руководством фабрики на Украине, все материалы были получены, что значительно облегчило дальнейшую работу. Для утверждения проекта фабрики приехала комиссия из ГУЛАГа. Первое, что комиссия решила – изменить размер окон, уменьшив световую площадь, затем подвергли критике водяное отопление, предложив печное, высказались иротив запасного выхода, предусмотренного на случай пожара. Женщин упрекали во вредительстве и преднамеренном срыве строительства фабрики, подчеркивая, что это не обычная фабрика, а для заключенных. Борьба за отстаивание проекта длилась три дня. Через пять дней приехали специалисты из ГУЛАГа. Выслушав всех, приняли предложения и подписали проект. Стройматериалы для будущей фабрики поступали регулярно, и к осени был закончен план изготовления самана, необходимого для строительства ее здания /12/.

Группа инженеров-строителей организовала выработку кирпича и, выявив наличие сырья, сделала расчеты строительства кирпичного завода, который возглавила О.Матренина. Во главе бригады строителей встала инженер-строитель Р.Шведчикова, ее помощницами стали Л.Золотова и В.Зайцева. Для

получения самана месили голыми ногами глину с камышом, набивали этой сырой массой деревянные формы, с трудом волокли их, вытряхивали еще сырые саманы весом в 16 килограммов на площадку для просушки. Когда те высыхали, другая бригада каменщиков выкладывала стены. Никакой механизации не было, все приходилось делать вручную /13/.

Для вовлечения женщин слабого здоровья в производство, было решено организовать цех строчевышивальных изделий. В работе приняли участие не только те, кто приобрел в лагере эту профессию, но и все желающие. Этот почин был поддержан, и было решено организовать выставку. Для начала была отведена небольшая комната для выставочных работ, куда нескольких дней поступали образцы вышивок. Данная акция превзошла все ожидания, об этом сообщалось ГУЛАГу, который уже через месяц представил план на 4 квартал 1938 года на 150 человек. В течение 2 месяцев 3 квартала шло укомплектование цеха рабочей силой, подготовлены технологические процессы по всему ассортименту, для утверждения в высшей инстанции изготовлены образцы изделий. Но для данного производства не было, ни сырья, ни вспомогательных материалов, поэтому от швейного производства начали использовать остатки и различные лоскутки. Из отходов, никуда непригодных, шили мягкие игрушки, для чего использовались совсем мелкие лоскутки и опилки. Так было налажено безотходное производство /14/.

Имеющиеся среди женщин химики подсказали, как окрашивать нитки, используя шелуху от лука, цветы шафрана и т.д. Художники Степанова, Покровская,

Исаева, Ситрина создавали различные рисунки. Далее был объявлен конкурс на лучшие рисунки и вышивки. Конкурс захватил практически всех женщин, они вышивали после работы до поздней ночи. Так, в условиях лагерной жизни, женщины с огромным энтузиазмом взялись выполнять заказы для торгующих организаций таких городов, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Новосибирск и других /15/.

Строчевышивальное производство было запущено лишь во 2 квартале 1939 года, о чем свидетельствует следующая справка, составленная начальником отдела промпредприятий ГУЛАГа НКВД за № 862467 от 28 июня 1939 года: «сообщаем, что Акмолинское спецотделение Карлага НКВД в 1939 году приступило к организации строчевышивального производства. Переходящих остатков ткани на первое января 1939 года не имелось, поэтому первый квартал был, целиком потерян, и строчевышивальное производство находилось в простое. С получением ткани по фондам первого квартала Акмолинское спецотделение во втором квартале полностью развернуло производство. В данное время по последним отчетным сводкам, за первую декаду июня месяца пуск строчевышивальных изделий увеличился до 109 тысяч рублей» /16/.

К осени 1938 года накопилось достаточно материала для организации выставки, но в условиях лагерного режима, такое мероприятие было недопустимо. Женщинам удалось убедить начальника лагеря Бредихина устроить выставку художественных работ в Октябрьские праздники, но необходимо было получить разрешение начальника III части Мишина, который настороженно отнесся к данному мероприятию: а вдруг выставка – это только предлог

для организации демонстрации заключенных в праздничные дни. В результате длительных переговоров удалось добиться желаемого, чему предшествовала тщательная подготовительная работа. Несколько барачков были превращены в выставочные залы, на стенах которых были развешаны вещи, сделанные руками огромного количества женщин; вложивших в свою работу большой труд и высокохудожественное мастерство (некоторые работы сохранились в музее поселка Акмол). Это был единственный случай, когда у женщин действительно был праздник /17/.

Все праздники женщины должны были встречать трудовыми успехами, накануне подводились итоги соцсоревнований. В качестве примера приведем приказ по Карлагу ОГПУ за № 67 от 8 марта 1933 года, где отмечалось, что «Международный женский день 8 Марта для лагерниц-женщин не должен и не может пройти неотмеченным. Многие лагерницы Карлага на основе перековки себя, на основе честного и добросовестного отношения к труду, полного разрыва со своим плохим наследием прошлого – тесно вошли в производство, активно участвуя в хозяйственной жизни лагеря» /18/. Данный приказ оставался в силе и в последующие годы работы Карлага.

В праздники женщин закрывали в бараках во избежание демонстраций и митингов. Так случилось и накануне Первомайских праздников: во второй половине дня 30 апреля 1938 года всех женщин закрыли в бараках, и был объявлен приказ, что в течение двух дней 1 и 2 мая нельзя выходить из барачков, соблюдать полную тишину и в столовую ходить только под конвоем. «В праздничные дни, -

писала в своих мемуарах Г.Степанова-Ключникова, - нас запирали в бараках, не разрешая даже ходить по зоне. Эти дни праздновал конвой. И все же после работы вечер был наш. Ворота лагеря запирались. Охрана маячила лишь на вышках, отстоящих довольно далеко. Мы были одни, и в полутемном бараке начинался литературный вечер. Усталые, измотанные тяжелой работой «алжирки» размещались на нарах вокруг рассказчицы и замирали» /19/.

Главной отраслью хозяйства на протяжении всего существования Акмолинского отделения оставалось швейное производство. По словам зам. начальника отделения М.Т.Юзипенко, на фабрике работало 3,5 тысячи заключенных /20/, по архивным данным их насчитывалось чуть более 1 тысячи /21/. Весь предвоенный период фабрика налаживала производственный процесс, и параллельно с этим шло строительство новой фабрики за зоной, которую требовалось огородить. Эти проблемы отражены в переписке между управлением Карлага и администрацией Акмолинского отделения. Приказ по Управлению Карлага за № 448 от 10 сентября 1940 года предусматривал обеспечение ограждения зоны лагеря столбами. Спустя 10 дней начальник строительного отдела Карлага Бредихин сделал запрос начальнику Акмолинского отделения Юзипенко о необходимом количестве столбов, на что был получен незамедлительный ответ о том, что отделению требуется 1 000 штук столбов длиной 3,5 метра, диаметром 14 см /22/.

Данная переписка не дала никаких положительных результатов, дело закончилось тем, что заместитель начальника Управления Карлага НКВД лейтенант

Госбезопасности Картавых прислал Юзипенко радиogramму следующего содержания: «Получение леса, необходимого для ограждения фабрики, в текущем году не предполагается. Примите меры необходимое количество столбов достать на месте (в Акмолинске) или же через облплан в ближайших лесничествах. В случае невозможности приобретения леса на ограду, швейную фабрику пускайте в эксплуатацию без ограды. Обеспечьте охрану заключенных, последних выводите на работу под конвоем. Возле фабрики установите пост. Повторяю, из-за ограждения фабрика простаивать не должна» /23/.

11 ноября 1940 года, согласно приказа по Управлению Карлага за № 611, швейная фабрика, несмотря на то, что не имела ограждения, и там еще оставался ряд недоделок, была пущена в эксплуатацию. В целях уточнения выявленных дефектов, для более тщательного просмотра и быстрой ликвидации их было решено организовать вторичную комиссию по приему фабрики. 26 ноября 1940 года члены комиссии выехали в Акмолинское отделение для проведения следующих работ: проверка здания фабрики с точки зрения его готовности, составление подробного акта, в который должны быть внесены все недоделки, принятие мер по их ликвидации /24/.

4 января 1941 года начала действовать прядильно-ткацкая фабрика в Спасске согласно распоряжению ГУЛАГа НКВД об организации варежек с программой 1 млн. пар в год. Особо оговаривалось, что необходимо в данном случае уделять внимание не только производственному процессу, но и «вопросу культурно-воспитательной работы и развертыванию трудового воспитания» /25/.

После того, как Акмолинское отделение было переведено на общий режим, стало возможным применение приказа Карлага НКВД за № 045 от 28 сентября 1938 года, где помимо ряда дисциплинарных взысканий, который сводился к следующим видам наказания: предупреждение, выговор, арест до 5 суток с выводом на работу, арест до 5 суток без вывода на работу, ходатайство о законвоировании, лишение зачета рабочих дней до 3 месяцев, лишение выдачи премвознаграждений за 1 месяц, лишение права отправки и получения писем, а для особой категории на 3 месяца, предусматривались поощрения, такие как благодарность на поверках, благодарность в приказаниях, представление к денежным наградам, представление к значку ударника, ходатайство перед Управлением о денежных наградах, повышение премвознаграждений с учетом лимита, продвижение по должности, расконвоирование, ходатайство перед Управлением о восстановлении рабочих трудодней до 3 месяцев, увеличение получения личных денег до 40 рублей в месяц» /26/. За повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины женщинам вручались грамоты, приуроченные к различным праздникам.

В Акмолинском отделении женщины наказывались за трудовые нарушения и получали как предупреждения, так и заключение в карцер на 3-5 суток, но это случалось гораздо реже нежели поощрения, которые в большинстве случаев выражались в виде премирования. 4 февраля 1941 года был издан приказ по Карлагу за № 47 «О премировании работниц Акмолинской швейной фабрики», где отмечалось, что «в 1940 году на Акмолинской фабрике

проведена большая работа по поднятию производительности труда, экономии метража и улучшению качества продукции, в результате чего фабрика имеет накопления 3 600 тысяч рублей. Такой результат получился благодаря тому, что значительная часть заключенных из руководящего состава фабрики и отдельные рядовые работницы систематически боролись за эти показатели. Выпускаемая продукция, особенно вышивальная, отмечена торгующими организациями как продукция высокого качества. Немало работниц наряду с высоким качеством выпускаемой продукции давали систематически норму выработки 150-200 % и выше. Начальники цехов бригадиры и звеньевые вели систематическую работу за высокую производительность» /27/.

Далее были перечислены те женщины, которые получили вознаграждения: первой группе ударниц за высокую производительность труда объявлялась благодарность с занесением в личное дело и премия внеочередным свиданием и деньгами в размере 15-35 рублей, второй за хорошие производственные показатели – благодарность с занесением в личное дело, третьей за проведение общественной работы с одновременным сочетанием хороших производственных показателей – благодарность с занесением в личное дело и разрешение послать внеочередное письмо.

Это не являлось исключением, итоги работы швейной фабрики подводились ежеквартально, и практически всегда отмечались ее высокие показатели. Спустя 2 месяца вышел приказ за № 19, но уже не по Карлагу в целом, а по Акмолинскому отделению Карлага НКВД «О премировании работников

швейновышивальной фабрики за перевыполнение плана первого квартала» следующего содержания: «Швейная фабрика выпустила за I квартал продукцию на 6,8 млн. руб., что составило 108 % к намеченной программе. Несмотря на некоторые трудности, имевшие место в первом квартале, фабрика досрочно выполнила план 30 апреля. Это явилось результатом умелой организационной работы руководителей фабрики и начальников цехов, оперативности и инициативы бригадиров, развернутого трудсоревнования и включения в борьбу за план всего коллектива фабрики». За досрочное выполнение и перевыполнение плана I квартала была объявлена благодарность работникам фабрики с занесением в личное дело, разрешением внеочередного письма и денежного вознаграждения в размере 35-15 рублей /28/.

Но, надо отметить, что бывали перебои с сырьем, в результате чего необходимо было перестраивать производство, выпускать внеплаиовую продукцию, меняя ассортимент. К примеру, в сентябре 1940 года вату приходилось покупать с большими трудностями у местных торговых организаций. Вместо детского зимнего пальто, полупальто, вещдоловствия были изготовлены летние изделия в большем количестве, чем по плану. В виду того, что вата начала поступать не с начала года, а поступила с разных мест одновременно, получилось скопление, и на 5 апреля на Акмолинской фабрике было в наличии 290 тонн. Всего на 16 мая сверхнормативные остатки сырья составили в сумме 1 977 тыс. рублей, в том числе ваты - 1 676 тыс. рублей и фурнитуры - 282 тыс. рублей. Из-за отсутствия пуговиц и пряжек систематически не отоваривалась готовая продукция, в цехах

скапливались остатки незавершенной продукции, это, в свою очередь, нарушало финансовое положение фабрики. Так, например, на 1 апреля лежало в цехах 5 000 готовых брюк, на 5 мая – 12 тыс. единиц. Продукция была готова к отгрузке, но без пуговиц. Большое количество изделий скопилось вследствие весеннего разлива реки Ишим, с 12 апреля по 25 мая, отделение было совершенно оторвано от города. Чтобы провести майскую разгрузку, отделению пришлось пойти на ремонт дороги. Всего за 5 месяцев было выпущено продукции на 13 106 тыс. рублей /29/.

Вопрос об обеспечении лесом был решен позднее, когда 23 июля 1941 года было принято решение об организации в составе 17 Акмолинского отделения лесозаготовительного участка, для чего был заключен договор с Акмолинским ОБЛЛЕСЗАГом на заготовку и отпуск для нужд Карлага 6 000 куб. м. леса. Осенью 1941 года Карлаг приступил к «обеспечению себя лесом», поставив в известность начальство ГУЛАГа: «Акмолинский Обллесзаг разрешает Карлагу заготовить в его лесах местного значения до 18 тыс. куб. м. лесоматериалов. До войны, хотя и с перебоями, лагерь получал лес по нарядам ГУЛАГа с лесных лагерей. В настоящее время перспектив на получение леса по нарядам ГУЛАГа нет. Учитывая острую нужду в лесоматериалах, прошу разрешить заготавливать лес силами лагеря в указанном Обллесзаге» /30/.

С началом Великой Отечественной войны фабрика перешла на пошив военного обмундирования. В сентябре 1941 года был получен заказ на пошив вещдоловствия для Спасского завода-лагеря, и ассортимент швейных изделий существенно изменился /31/.

При НКВД СССР 18 февраля 1942 года в системе ГУЛАГа был создан специальный отдел военной продукции, на который было возложено организационное и оперативно-техническое руководство предприятиями лагерной системы /32/.

В 1942 году, когда швейное производство было достаточно налажено и бесперебойно выполняло практически все военные заказы, было решено передать оборудование фабрики в Барнаул, что означало ее закрытие. В результате ее проверки начальником отдела легкой промышленности ГУЛАГа Аникиным были сделаны следующие выводы о работе фабрики: «К выпуску планового пошива обмундирования для Красной Армии Акмолинская фабрика подготовлена. Лабораторией фабрики сделаны все необходимые лекала. Следует отметить хорошую лабораторию фабрики, которая экономно расходует ткань. Качество продукции на фабрике хорошее. Широко развернуто трудсоревнование и высокая производительность труда. Но фабрика на протяжении 2 квартала работала с перебоями из-за отсутствия тканей. В данное время фабрика работает в одну смену с неполной нагрузкой. Фабрика расположена в 45 километрах от железной дороги, сырье доставляется автотранспортом по проселочной дороге, а в осенние, зимние и летние месяцы – бездорожье. Фабрика ежедневно потребляет до 2 тонн сырья, для переброски его с Акмолинской базы потребуется 120 кг горючего в день, это в условиях военного времени невозможно. В связи с удаленностью швейной фабрики от текстильной базы и линии железной дороги, трудностями доставки тканей, ваты и других материалов, считаю, что швейную фабрику в

Акмолинском отделении надо ликвидировать, швейное оборудование перебросить на другие предприятия, находящиеся в непосредственной близости к текстильным базам или фабрикам, площадь швейной фабрики полностью занять под строчевышивальное и прядильно-вязальное производство. Этот вопрос мною будет окончательно поставлен перед руководством ГУЛАГа для окончательного решения» /33/.

Под давлением Аникина начальник Акмолинского отделения Баринов и директор фабрики Анцис согласились с его доводами ликвидировать швейное производство и занять все помещение строчевышивальным, за что получили взыскание от начальника Карлага НКВД Журавлева за то, что «без ведома руководства Управления Карлага совместно с представителем ГУЛАГа НКВД тов. Аникиным поставили вопрос в Акмолинском облсовете и обкоме партии о ликвидации фабрики и вывозе оборудования в то время, когда Акмолинская фабрика на основании указаний директивных органов имеет задание на пошивку обмундирования для Красной Армии. В связи с чем директору Акмолинской швейной фабрики Анцис за самовольную постановку вопроса о ликвидации фабрики объявить выговор, начальнику Акмолинского отделения тов. Баринову указать на распущенность работников вверенного ему аппарата и на необходимость усиленного контроля и руководства над ними, прекратить вредные разговоры о ликвидации фабрики и принять меры к выполнению возложенных на нее задач» /34/.

Несмотря на серьезные доводы со стороны Аникина, начальник Журавлев неоднократно обращался к руководству ГУЛАГа, доказывая

необходимость продолжения работы фабрики и приводя следующие доводы: «Акмолинская швейная фабрика, пущенная в эксплуатацию во вновь выстроенном специальном помещении в 1940 году, оснащенная 218 швейными машинами и имеющая до 1 000 квалифицированных работников, является для близлежащих областей единственной фабрикой, удовлетворяющей потребность местного рынка в готовых швейных изделиях. Командированный в Карлаг начальник отдела легкой промышленности ПТО УИТК ГУЛАГа без согласования со мной поставил вопрос перед Акмолинским обкомом партии и облисполкомом о ликвидации швейной фабрики, прислав на мое имя свои предложения, что вызвало категорический протест. Кроме рынка, фабрика снабжала и полностью может обеспечить потребность нашего и близлежащих лагерей (Джезказганского и Актюбинского) в вещевом обмундировании, освободив этим самым завоз из отдаленных фабрик. Мотивирует трудностями переброски сырья и готовых изделий. Прошу Вас отклонить предложение тов. Аникина и дать указание УИТК полностью обеспечить фабрику тканями и материалами для бесперебойного выполнения плана» /35/.

Не дождавшись ответа ГУЛАГа, начальник Управления Карлага Журавлев и секретарь Акмолинского обкома партии Кунаев 16 ноября 1942 года отправили Берии телеграмму следующего содержания: «Акмолинской области течение нескольких предвоенных лет Карлагом построена хорошо оборудованная швейная фабрика. Предприятие на сегодняшний день вполне налаженное, способное любой момент выполнять большие производственные

задачи тчк Данный момент выполняет военные заказы фронту тчк Неизвестным нам причинам распоряжением Вашего заместителя Круглова предложено Карлагу 75 процентов действующего оборудования демонтировать приступить переброске его Барнаул тчк Если надо ГУЛАГу расширить Барнаульскую швейную фабрику то оборудование, безусловно, можно найти среди эвакуированного тчк. Настоятельно прошу интересах дела сохранения действующего предприятия отменить приказ ГУЛАГа впредь получения Ваших указаний демонтировать оборудование запретили» /36/.

Возможно, что именно это обращение к Берии стало переломным моментом в этой борьбе. На наш взгляд, надо было быть достаточно смелым человеком, чтобы отстаивать интересы лагеря, не соглашаясь с разнарядками ГУЛАГа, выдвигая при этом серьезные доводы и причины неправомерности решений вышестоящих организаций. Доказательством тому служит и обращение к начальнику планового отдела НКВД СССР Ванштейну о неправильном и формальном планировании различных отраслей производства Карлага без учета реальных возможностей их выполнения, что, несомненно, ухудшает финансовое состояние лагеря и не отражает действительного положения вещей. В качестве примера была приведена все та же Акмолинская фабрика, где выработка варежек производилась вручную силами активированных инвалидов. 5 декабря 1942 года пришла разнарядка на 1 квартал 1943 года по выпуску 100 тысяч пар, а по прошествии месяца – на 200 тысяч пар, а сырье было рассчитано только на 100 тысяч пар, причем шерсть необходимо было приобрести в

Акмолинске в конце февраля. Фактически было изготовлено на 12 февраля 40 500 пар /37/.

Итак, Акмолинскую фабрику удалось отстоять, и женщины продолжали заниматься своим привычным трудом. Швейное производство являлось основным направлением в хозяйственной деятельности Акмолинского отделения. Нельзя сказать, что это было самое трудоемкое лагерное производство, так как оно являлось исключительно женским занятием и по сравнению с другими отраслями лагерной экономики находилось в более выгодном положении: во-первых, труд швей был частично механизирован; во-вторых, работа не зависела от погодных условий и женщины находились в помещении; в-третьих, они могли видеть результаты своего труда, причем сами носили вещи, произведенные на фабрике.

По воспоминаниям самих узниц, эта работа занимала весь световой день, при малом освещении портилось зрение, монотонный труд переходил в хроническую усталость. Но шла война, и они хорошо понимали, что, перевыполняя план, помогают бойцам фронта, они делают одно общее дело.

Надо отметить, что в годы войны эксплуатация труда заключенных значительно усилилась. В целом по ГУЛАГу во время войны были снижены нормы питания и возросли нормы выработки: если в 1941 году выработка на один человеко-день составляла 9 руб. 50 коп., то в 1944 году – 21 руб. /38/.

Значительное место в лагере занимало также многоотраслевое сельское хозяйство, так как, будучи одним из отделений Карлага, оно обязано было произвести огромный объем сельскохозяйственной продукции.

Для организации многоотраслевого сельского хозяйства были созданы плановый отдел, опытная станция, которую возглавляла сначала Богомолова, а затем А.Зайцева, замечательный ученый и специалист. Под их руководством шла серьезная кропотливая работа по отбору семян, по селекции. Через лагерное начальство шла интенсивная переписка с различными институтами и станциями, от которых получали необходимые образцы семян.

Весной 1938 года стали готовить почву для создания огорода. Бригадиром полеводческих работ была назначена Г. Руденко – агроном по образованию.

Из воспоминаний К.Мальцевой: «Для начала на 18 гектарах перепахали землю для посадки овощей, причем все делалось вручную с помощью лопат. Я была бригадиром по поливу, вставала в 4 утра, когда все еще спали, а возвращалась поздно вечером. Работали на огороде по 14-15 часов без выходных. Когда поспевали овощи, тайно носили в барак морковь, помидоры, раздавали их детям, больным женщинам» /39/. «Если во время обыска обнаруживалось, - отмечала У.Майжолова, - что кто-то принес в барак что-нибудь из продуктов питания, наказание было неизбежно. Одна из заключенных спрятала в волосах луковицу - ее нашли, а виновную посадили в карцер».

Для сохранения овощей проводилась большая работа по засолке огурцов и помидоров. В сводке о ходе засола овощей по Карлагу на 30 августа 1944 года, Акмолинское отделение должно было засолить 75 тонн огурцов и 49 тонн помидоров, на самом деле засолено – 18,5 тонн огурцов и 2,7 тонн помидоров /40/. Спустя месяц, здесь было засолено 40,2 тонны огурцов и 64,9 тонн помидоров /41/. Некоторые овощи

подвергались сушке и таким образом заготавливались на зиму. Согласно сводке по сушке овощей на 20 сентября 1944 года из 39 намеченных тонн было высушено 2,9 тонны /42/.

Развернув огородничество, начались работы по мелиорации. На всех полях были прорыты канавы, по которым шла вода, подаваемая насосной станцией. Была построена малая электростанция.

При подведении итогов по управлению Карлага за 1943 год приказом за № 48 отмечено, что «Акмолинский огород Акмолинского отделения, звено Костаковой: с площади 2 га получен урожай поздней капусты 970 центнеров с гектара при плане 400. Звено организовано осенью 1941 года. Состав звена 7 человек; звено Сарьмулдаевой: с площади 1,5 га получен урожай моркови 920 ц / га при плане 260 ц / га. Звено организовано осенью 1941 года в количестве 7 человек» /43/, далее перечислены еще ряд бригад других отделений, признанных по Карлагу передовыми.

С каждым годом увеличивалась площадь под посевные культуры (пшеница, ячмень, овес, просо). По словам бывшего заместителя начальника отделения М.Т.Юзипенко, если в первые годы участок не превышал 500 га, то позднее посевная площадь увеличилась до 10 тысяч гектаров /44/.

И, наконец, в 1944 году Акмолинское отделение заняло 1 место по Карлагу, выполнив план весеннего сева на 135 % при отличном качестве работы за 9 дней при плане в 13 дней, тогда, как общий план весеннего сева в целом по Карлагу составил 103,3 % /45/.

Были в отделении свои мельницы, пекарни, пункты хлебораздачи, овощехранилища, то есть все

необходимое для переработки полученной сельскохозяйственной продукции.

Наряду с полеводством и огородничеством отводились земли под бахчевые культуры, где выращивались арбузы и дыни. Весь урожай уходил за пределы зоны, все это предназначалось не для заключенных и не отражалось на их рационе питания: Женщины занимались также садоводством: выращивали яблони, груши, сливы, вишни. В теплицах росли цветы, вдоль барачков, женщины посадили тополя.

Одновременно с подъемом целинных земель была развернута работа по животноводству, строились фермы для коров, молодняка, помещения для быков-производителей, конюшни, свинофермы, гусефермы, инкубаторы для кур, ветеринарная лечебница. Главным зоотехником была назначена П.Усыченко, коневодством руководила Е.Савельева, гусефермой заведовала Е.Весник, ветврачом была К.Деткова /46/.

Но в животноводстве было не все так гладко, как в зерновом хозяйстве и огородничестве. В результате проверки молочной фермы 27 ноября 1940 года комиссией Управления лагеря, в составе начальника отдела животноводства Хлатина, зам. нач. ветотдела Василец, зоотехническая и ветеринарная работа по сохранению поголовья скота признана крайне неудовлетворительной: из-за сырости, недостатка вентиляции, низкой температуры в помещениях, а также нарушения сроков пойки и вскармливания телят прокисшим молоком стада относятся к категории средней и ниже средней упитанности /47/. Понадобилось еще некоторое время для того, чтобы выправить указанные недостатки и оставить

животноводство на должный уровень. Это единственный документ, обнаруженный нами в архиве, который констатирует явные нарушения в производственной деятельности отделения.

Именно на плечи ЧСИР легла вся тяжесть обустройства лагеря и строительства всех важных объектов. Как показывает анализ, в этот период показатели во всем многоотраслевом хозяйстве были довольно высокими, продукция практически всегда выпускалась на 100 %, а порой и на все 300 %. Вряд ли им давали заниженные нормы. Напротив, видя такие показатели, начальство ГУЛАГа, ориентируясь на «передовых» заключенных, старалось завысить старые нормы. Срок отбывания наказания ЧСИР в лагерях совпал с годами Великой Отечественной войны, и как истинные патриоты, женщины также вооружились лозунгом «Все для фронта, все для победы!», выпуская продукцию, необходимую для фронта.

«Когда я возила тачку, - рассказывала во время нашей беседы М.Л.Даниленко, - или поднимала саманы, или работала на огороде, все делала с полной отдачей сил. Хорошо помню, как смеялись надо мной женщины-бытовички: «На кой ляд тебе так надо надрываться? Тебе государство что дало? Брось, посиди. Сама не знаю, почему мы так выкладывались. Но иначе мы не могли».

«Что это вы надсаживаетесь, как ишаки? - вспоминала Г.Колдомасова. - Амнистия ведь вам не маячит! На что я отвечала: «Как привыкли работать, так и работаем». Мы всегда оставались теми же советскими женщинами, какими были» /48/.

Это был именно тот контингент, который целый день напряженно работал и подходил творчески к

любой работе. Это был именно тот лагерь, где производительность труда была сравнительно высокой. К примеру, в Темниковском лагере, «ежедневно выводили на работу, состоящую из бессмысленной переноски камней из одного конца лагеря в другой или переноске песка на дырявых, сломанных носилках, который весь высыпался по дороге. Все это делалось только для того, чтобы занять женщин хоть какой-то работой» /49/. Но нередко случалось и такое, когда «в течение нескольких месяцев зимой женщины долбили в мерзлой почве канавы для спуска талых вод. Старались выработать норму. Это был тяжелый труд. Земля, как цемент. Дыхание застывает в воздухе. Плечи и поясница болят от напряжения. Но мы работаем честно. А весной, когда земля оттаяла, пустили трактор, и он за час провел канаву такую же, как звено в шесть человек копало два месяца» /50/. В Томском лагере жен «изменников Родины», по воспоминаниям А.М.Бухариной-Лариной, женщины вообще не привлекались к труду и целый день сидели на нарах, изнывая от бездеятельности и неясности всего происходящего /51/. Из личной беседы с председателем общества «Мемориал» Б.П.Трениным удалось выяснить, что лагерь просуществовал чуть больше года и содержащийся в нем контингент не был вовлечен ни в какие производственные процессы, а после его расформирования ЧСИР были переведены в другие лагеря, где их использовали на самых различных работах. Из вышесказанного следует, что производственная деятельность в Акмолинском лагере носила многофункциональный характер, и заключенные не только обеспечивали себя, но и выполняли различные государственные задачи:

занимались швейным делом, животноводством, выращиванием зерновых и бахчевых культур, овощей, фруктов, постройкой промышленных и подсобных помещений и т.д.

Любой без вины осужденный человек, находясь в противоестественных его природе местах заключения, униженный, переживший потрясение ареста, разлуку с семьей, не может работать и творить в полную силу своих возможностей. Абсолютная самоотдача возможна лишь в крайне редких исключительных случаях. Производительность свободного труда намного выше, и простор для творческой деятельности гораздо шире. Конечно, если бы женщины продолжили работать на прежних своих местах, что и до ареста, то принесли бы гораздо больше пользы для государства. Но, тем не менее, женщины, осужденные по 58 статье, в нашем случае ЧСИР Акмолинского лагеря, сумели так наладить лагерное производство, практически начав с нуля, что согласно приказу, по Управлению Карлага НКВД за № 09 от 13 февраля 1946 года, «Акмолинское отделение по производственным показателям прошлого хозяйственного года вышло на одно из первых мест по Карлагу» /52/. Этот документ подведет итог производственной деятельности Акмолинского отделения за 1938-1946 годы, когда там работали в основном женщины, костяк которых составляли ЧСИР.

ГЛАВА 3. ЧСИР - ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ «ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»

3.1. Дети – жертвы политических репрессий

Репрессивная политика распространялась как на взрослых членов семей «изменников родины», так и на детей. После ареста родителей государство брало на себя функцию главного воспитателя, так как утверждалось, что только оно сможет воспитать достойных членов социалистического общества.

Подробное описание процедуры, как поступать с детьми репрессированных родителей, содержится в указанный выше оперативный приказ НКВД СССР за № 00486. Вторая его, большая часть, была посвящена детям. По сведениям председателя Международного общества «Мемориал» А.Б.Рогинского, всего по данному приказу было «изъято» около 25 тысяч детей /1/.

Одним из важных вопросов о судьбах детей репрессированных родителей, было их размещение. Все дети делились на возрастные категории: так, детей в возрасте от 1-1,5 лет и до 3 полных лет отправляли в детские дома и ясли Наркомздравов республик по месту жительства осужденных; детей в возрасте от 3 полных лет и до 15 - в детские дома Наркомпросов других республик, краев и областей и вне Москвы, Ленинград, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов; в отношении детей старше 15 лет вопрос решался индивидуально, в зависимости от возраста, возможностей самостоятельного существования собственным трудом или возможностей проживания и проживания родственников; грудные дети направлялись

вместе с их осужденными магерями в лагеря, мину тюремное заключение, откуда по достижению возраста 1 1,5 лет передавались в детские дома и ясл Наркомздравов республик. Дети в возрасте от 3 до 15 лет принимались на государственное обеспечение. В случае если оставшихся сирот желали взять другие родственники (не репрессированные) на свое полное иждивение, этому нельзя было препятствовать /2/.

Далее подробно расписывалась подготовка к приему распределению детей в детские дома, где специально оборудовались: приемно-распределительные пункты, куда доставлялись дети после ареста их матерей и откуда распределялись затем по детским домам; помещения для содержания социально опасных детей до решения Особого Совецания; детские приемники отделов трудовых колоний НКВД. В свою очередь, начальник органов НКВД совместно с заведующими ОблОНО должны были произвести проверку персонала домов лиц. Политически неустойчивых и антисоветских настроенных увольняли. Взамен уволенных персонал домов доукомплектовывали проверенным, политически надежным составом, способным осуществлять учебно-воспитательную работу с прибывающими к ним детьми. Начальники органов НКВД также определяли, в каких детских домах и яслях Наркомздравов можно было разместить детей до 3-летнего возраста, и обеспечивали тем самым, немедленный и безотказный прием этих детей /3/.

Наркомы внутренних дел республик и начальники управлений НКВД краев и областей сообщали по телеграфу заместителю начальника АХУ НКВД СССР Шнейерсону именные списки детей, матери которых подверглись аресту, с таким расчетом, чтобы в один и

тот же дом не попали дети, связанные между собой родством или знакомством. Распределение детей по детским домам должен был производить заместитель начальника АХУ НКВД СССР. Он сообщал по телеграфу, каких детей и в какой дом направить, копия телеграммы посылалась начальнику соответствующего детского дома, для которого эта телеграмма являлась основанием к приему детей. Каждый принятый ребенок записывался в специальную книгу, а его документы (свидетельство о рождении и ученические документы) запечатывались в отдельный конверт. Затем дети группировались по местам назначения и в сопровождении специально подобранных работников отправлялись группами по детским домам Наркомпросов. Учет детей осужденных и размещенных в детских домах учитывался АХУ НКВД СССР. Дети старше 15-летнего возраста и осужденные социально опасные дети учитывались 8 отделом ГУГБ НКВД СССР. Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагалось на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей. О ходе операции, всех эксцессах и происшествиях должны были донести трехдневными сводками по телеграфу Народному Комиссару Внутренних Дел Генеральному комиссару Госбезопасности Ежову /4/.

Спустя несколько месяцев, 7 января 1938 года вышел Циркуляр Народного комиссара Внутренних Дел № 4, устанавливающий порядок опеки родственникам детей, родители которых репрессированы, суть которого сводилась к следующему: «Начальник УНКВД самостоятельно

разрешает выдачу детей, о чем ставит в известность начальника НКВД по месту проживания ребенка (в детдоме), который дает указание зав. детдомом о выдаче ребенка на опеку. После выдачи ребенка, УНКВД проверяет опекуна по отделам УГБ, на предмет выявления о нем компрометирующих данных. Помимо первичной проверки, УНКВД должно установить систематическую проверку за состоянием воспитания детей опекунами, настроениями детей, их поведением и знакомствами, а также тем влиянием, которое оказывают на детей лица, взявшие детей на опеку. Зам. народного комиссара внутренних дел СССР комкор М. Фриновский» /5/.

Еще одним дополнением к приказу НКВД СССР № 00486 явился циркуляр НКВД СССР № 106 от 20 мая 1938 года о размещении детей репрессированных родителей старше 15 лет, по которому такие дети делились на три группы: в первую входили дети от 15 до 17 лет, не внушающие своим поведением социальной опасности, не проявляющие антисоветских реваншистских настроений и при наличии родственников, могущие быть переданными последним на полное иждивение, во вторую – дети того же возраста, которых следует помещать в детские дома в пределах области, края, республики, за исключением мест, где были репрессированы их родители, дав им возможность окончить среднее учебное заведение, в третью – дети репрессированных родителей старше 15 лет, не учащиеся, которые подлежат трудоустройству на предприятиях, за исключением предприятий и учреждений оборонного значения. Социально опасные, проявляющие антисоветские и террористические настроения и действия, должны предаваться суду на

общих основаниях и направляться в лагеря по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД. Доказывать социальную опасность детей, чьи родители обвинялись в измене родине, практически не приходилось, без особых на то объяснений, их относили к третьей группе и по достижению 15-летнего возраста, определяли в лагеря. Достаточно было назвать имена их родителей, и они автоматически зачислялись в разряд социально опасных.

В силу своей молодости большинство жен «изменников родины» имело детей дошкольного и младшего школьного возраста. Если женщины заранее не оформили после ареста мужа документы по опекунству над детьми, дети их обречены были на проживание в детских домах.

Из воспоминаний Г.Колдомасовой: «Когда в 5 утра раздался звонок, я поняла, что это за мной. Двое военных предъявив ордер на мой арест, сообщили, что детей забирают в детдом. Я поспешила вынуть из шкатулки документ, по которому брат моего мужа брал в случае чего опекунство над детьми. Заготовить такой документ мне посоветовала женщина, стоявшая со мной однажды в тюремной очереди на передачу. Рано утром приехал брат мужа, а я уехала в поджидавшей меня машине, так и не простившись с детьми, боясь их разбудить. Нелегкое было детство у моих детей. Если малышами они росли просто сиротами без отца и матери, то школьниками стали понимать, что должны стыдиться своих родителей и даже их ненавидеть – ведь «дедушка Сталин» никогда не ошибается» /6/.

Порой у женщин случались психические расстройства. Из воспоминаний Г.Степановой-Ключниковой: «Когда пришли арестовывать Верочку

(фамилии не помню), ей приказали собрать свои и детские вещи. Пятилетний сынишка уцепился за нее, уверенная, что их не разлучат, Верочка собрала два чемодана. В одном из них были ее вещи, в другом вещи ребенка. На Лубянке ей объявили, что мальчик будет отправлен в спецприемник. Ребенок ухватился за шею матери и кричал, что никуда без нее не пойдет. Их пытались растащить, но бесполезно. Тогда применили испытанный способ – стали бить револьвером по локтям. Обезумевших от горя и боли мать и сына втолкнули в разные камеры. Потом оказалось, что их чемоданы перепутали. Когда через два года была разрешена переписка, Верочка получила извещение, что ее мальчик умер. Несчастливая не перенесла удара. Рассудок ее помутился. Тихонько сидела она на нарах, перебирала детские рубашонки, штанишки и разговаривала с ними, как с живым ребенком» /7/.

Это был далеко не единственный случай, когда женщины в лагере получали извещение о смерти своих детей. Из разговора с А.Г.Ендановой: «Меня отправили в Акмолинск, а детей – в детские дома. Им было 4 и 6 лет. Вскоре мальчик умер от воспаления легких, а потом девочка – написали, что свинка».

Запрещение переписки с родными и близкими было настолько мучительным, что, по воспоминаниям К.Н.Поль, группа женщин обратилась к заместителю начальника по политической части Мишину с просьбой послать домой весточку о себе. За эту услугу женщины брали обязательства перевыполнять нормы на любых работах. Разрешение было получено. Радость в лагере была неопишуемая. Письма срочно были написаны, осталось только дожидаться ответов с воли. А ответов все не было. Позднее стало известно, что письма из

лагеря даже не выходили, а просто сжигались в конторе /8/. Этот факт подтвержден и в воспоминаниях М.Л.Анцис.

Находясь в полной изоляции, женщины, спустя два года, получили право переписки. Г.Степанова-Ключникова позже вспоминала, как весь лагерь взволновало необычайное событие, когда одна из «алжирок» получила письмо. Настоящее письмо с маркой и почтовым штемпелем, где на конверте детским почерком было написано «Город Акмолинск. Тюрьма для мам». Восьмилетняя девочка писала, что после ареста папы и мамы ее тоже арестовали и посадили в детский дом. Она спрашивала, когда вернется мама и возьмет ее к себе. Сначала женщинам разрешалось посылать два письма в год, позднее — четыре /9/.

Согласно предписанию заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР майора Госбезопасности Добрынина за № 25 от 19 января 1940 года, получение передач (посылок) разрешалось всем заключенным, независимо от характера совершенного преступления, без ограничений, за исключением заключенных, содержащихся в ШИЗО и в центральном штрафном лагпункте /10/. После выхода этого документа отправление и получение писем не имело ограничений, и начиная с 1940 года, женщины, наконец, могли узнать о судьбах своих детей, большинство из которых были определены в детские дома.

Из рассказа дочери И.Н.Шубриковой Искры Шубриковой-Вальциферт: «Все делалось в детдоме по команде. Ставили в столовой на столы раскаленный борщ, к которому дети не могли притронуться, через несколько минут убирали и ставили такую же

раскаленную кашу, к которой дети тоже не успевали притронуться, как звучала команда и ее убирали, оставалась только пайка хлеба, ее нужно было успеть съесть, потому что на выходе проверяли и отбирали все, что оставалось у детей» /11/.

У Ягоды, был маленький сын Гарик, который послал своей бабушке в Томский лагерь два письма: «Дорогая бабушка, милая бабушка! Ты у меня осталась одна на свете, и я у тебя один. Если я не умру, когда вырасту большой, а ты станешь совсем старенькая, я буду работать и тебя кормить. Твой Гарик». Второе письмо еще короче: «Дорогая бабушка, опять я не умер. Это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук» /12/.

«Что такое детский дом, - отмечала А.Ф.Мосина, - никому не советую знать. Утром по несколько человек брали в особую комнату, где избивали ремнем с металлической пряжкой. Над девочками издевались ночью. Это был специальный дом по уничтожению в детях человеческой личности. Это был детдом для особо опасных детей врагов народа в городе Шерешово Беловежской пуци» /13/.

Хотелось бы привести еще одно воспоминание дочери А.В.Волынской, отец которой был арестован в 1937 году и в феврале 1938 года расстрелян, мать – Лиходзиевская Эмилия Иосифовна, арестована в апреле 1938 года, как ЧСИР. «После ареста матери меня отвезли в спецдетдом для детей политических заключенных, впоследствии - в детдом № 1 Новоукраинка Кировоградской области. Здесь было все: голод, холод, вши, но, главное, гонения: «Вы дети врагов народа». 1941 год – война, оккупация. Директор сбежала, завуч собрала старших 40 человек на 400

малышей и сказала, что война когда-нибудь кончится, надо работать и спасать маленьких, так как все работники уехали. Мы работали в поле, ремонтировали дома, потом меня и еще троих девочек оформили прачками /14/. Эта история была не исключением: репрессии, голод, война – все это находило отражение в судьбах детей.

Что касается детей, достигших 15-летнего возраста, то согласно циркуляру НКВД СССР за № 106 от 20 мая 1938 года, любой ребенок этого возраста мог быть признан социально опасным. Такая участь, в первую очередь, не миновала детей, имена родителей которых были широко известны в стране. К примеру, дочь маршала М.Н.Тухачевского – Светлана после ареста матери была отправлена в Верх-Исетский детдом, где окончила школу, а затем поступила в Свердловский институт, но через год была арестована и вместе с подругами В.Уборевич и В.Гамарник была отправлена в лагерь на Печору. Пострадали и дети братьев Тухачевского, 14-летний сын И.Э.Якира также отбывал наказание в лагере, 15-летняя дочь В.К.Блохера – Маша была отправлена в Акмолинский лагерь. Аналогично подходу к использованию труда узниц было решено создать целую сеть трудколоний для несовершеннолетних.

В соответствии с приказом НКВД СССР за № 609 от 10. IX. 39 года, все осужденные несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, отбывающие наказание в исправительно-трудовых лагерях и колониях ОИТК УНКВД-НКВД, подлежали переводу в трудколонии для несовершеннолетних. Массовый вывод несовершеннолетних из лагерей и ИТК планировалось осуществить в марте-апреле 1940 года. Для передачи

несовершеннолетних в систему ОТК необходимо было провести подготовительную работу о том, что в трудколони они получают определенную производственную квалификацию и будут находиться на положении воспитанников, а не заключенных /15/.

Если эти дети, чьи отцы были расстреляны, отбывали наказание в лагерях, то есть свидетельства тому, что немало детей, которые, как и их отцы, было расстреляно. Еще в 1935 году был арестован младший сын М.Н.Рютина - Виссарион и расстрелян в 1937 году. Старшего, Василия, расстреляли в 1939 году. Из семьи Рютиных осталась лишь дочь – Любовь Мартемьяновна, отбывавшая наказание в Карлаге и до середины 50-х годов проживавшая в Караганде /16/.

В 1935 году арестован, а в 1938 году расстрелян старший сын Л.Б.Каменева – 33-летний авиационный инженер Александр. Младший сын – школьник Юрий был в два раза моложе, ему исполнилось только 16, он также был причислен к «врагам народа» и расстрелян. Их мать – Ольга Давыдовна – расстреляна в 1941 году. Погибли и младший брат Каменева Николай со своей женой. Сын Александра, почти не знавший деда, едва закончив школу, также был репрессирован: в 1951 году посажен в тюрьму, затем отправлен в ссылку, освобожден в 1953 году /17/. Так расправились с семьями тех, кто посмел создать оппозицию, и был не согласен с руководством партии. Многие из детей были осуждены в 1951 году на 5 лет, но затем после смерти Сталина, освободились в 1953-м.

Согласно распоряжениям ГУЛАГа, родственники не должны были находиться в одном лагере, это касалось как матери и дочери, так и сестер. Хотя на самом деле были и исключения: мать и дочь Блюхер и Енукидзе,

сестры Тухачевские, Гамарник, Ягода и другие, отбывавшие наказание в Акмолинском лагере (по данным учетных карточек).

Дети, достигшие 4-х летнего возраста, попадали в основном в детские дома, а затем в лагеря и в ссылку. Но если дети были грудными, то по желанию матери, они могли быть отправлены вместе с ней. В постановлении СНК СССР от 7 апреля 1930 года отмечалось, что «вместе с заключенными женщинами могут быть принимаемы в лагеря дети только в возрасте до 2 лет, которые помещаются с матерями» /18/. Спустя три года вышло Постановление ВЦИК и СНК от 1 августа 1933 года «Об утверждении исправительно-трудового кодекса РСФСР», где содержалось следующее изменение: «женщины, лишённые свободы, могут иметь при себе детей в возрасте до 4 лет. Для этих детей обязательно организуются ясли» /19/. Несколько позднее – 10 ноября 1934 года вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении статьи 46 исправительно-трудового кодекса РСФСР», по которому «женщины, лишённые свободы могут иметь при себе детей в возрасте до 4 лет. Равным образом допускается пребывание детей указанного возраста вместе с отцом, лишённым свободы, в тех, случаях, когда дети не имеют матери» /20/.

«Трудно передать чувства, охватившие нас по прибытию в лагерь, - вспоминала К.И.Мальцева, - безумное отчаяние, острая душевная боль, страх за детей. Но себе внушала: я должна сохранить сынов, выжить несмотря ни на что... Тяготы лагерной жизни как-то немного скрашивало присутствие наших детей» /21/.

Хотя беременные женщины и женщины, имеющие грудных детей по 5 пункту оперативного приказа № 00486, не подлежали аресту, то уже в пункте 17, после вынесения приговора, они должны были направляться в лагерь, минуя тюрьму. На деле же не действовал ни пункт 5, ни пункт 17, и как мы уже отмечали, в тюрьме находились и беременные женщины и женщины с грудными детьми /22/.

Обычно, на первых порах, в лагерях, куда прибывали беременные и кормящие женщины, для них отводили либо отгороженные помещения в общих бараках, либо, по возможности, выделялся специальный («мамский») барак. В случае рождения ребенка, ему выписывался детский паек, а матери – «мамский». От работы женщин освобождали только непосредственно перед родами и после. Днем матерей под конвоем приводили к детям для кормления, затем снова уводили на работу /23/.

Администрация лагерей, согласно предписаниям ГУЛАГа, должна была создать необходимые условия для содержания женщин с детьми. В свою очередь, начальник Управления Карлага Линин требовал от начальников отделений улучшения условий содержания женщин и их малолетних детей, так как в результате проверок обнаружилось, что «женщины с детьми находятся в крайне неудовлетворительных санитарных условиях, дети худосочные, бледные. Не всегда доставляются доброкачественные молоко и крупы, за детской кухней хозяйственного и санитарного надзора нет, врачи посещают детей довольно редко. Все это говорит за отсутствием внимания с Вашей стороны этому делу и невыполнение моих директив по содержанию женщин с грудными детьми» /24/.

В первых этапах, прибывших в Акмолинское отделение зимой, также находились матери с грудными детьми, но далеко не все из них выдержали этап и довели детей живыми в лагерь. «В соседнем с нашим вагоном в этапе находились 24 человека матерей с грудными детьми – жены партийных и советских работников Донбасса, - вспоминала М.Л. Анцис, - 24 малютки заставляли каждую из нас в большом напряжении следить за их благополучием в дороге. Сами голодные, раздетые, мы собираем кусочки сахара, которые выдаются нам на день, чтобы обеспечить хоть сладостью кипяток для детей... Прибыв в Акмолинск, предстояло еще добраться до лагеря. Опять встала забота не о себе, а как быть с теми, которые совершенно раздеты, разуты, а главное – как быть с матерями и малютками. Начальник лагеря успокоил нас, что матерей с детьми повезут в закрытых машинах» /25/. Женщины, опираясь на помощь своих сокамерниц, делали все, чтобы спасти своих детей, начальство лагеря выделило для них специальный барак. Первоначально женщины, имеющие детей, не работали, и для того, чтобы их использовать в производственной деятельности, необходимо было построить детский сад.

В «целях более нормального воспитания детей и укрепления порядка по их обслуживанию» был издан приказ по Управлению Карлага НКВД за № 276 от 13 августа 1937 года, распространявшийся на все его отделения. Основные положения его сводились к следующему: всех детей ясельного возраста, а также грудных, находящихся на искусственном питании, необходимо было содержать исключительно под наблюдением ясельной obsługi, не допуская

произвольного посещения их матерями. Свидание матерей с детьми устанавливались в выходной день. Матери, кормящие детей грудью, являлись в ясли в часы, установленные врачом. В детские спальни матерей не допускали. Подача детей для кормления и принятие их обратно в спальни производились исключительно нянями. Категорически воспрещалось матерям входить в детский стационар (изолятор). Кормление грудью госпитализируемых детей производилось в дежурной комнате под наблюдением медсестры. Для матерей, имевших детей в возрасте до 8 месяцев и кормивших грудью через 3 часа, предоставлялись легкие сельскохозяйственные работы. Для ослабленных матерей, кормивших грудью, по заключению лечащего врача снижалась норма выработки на 25 %. Все матери, нарушившие распорядок путем несоблюдения режима и хулиганских выпадов по отношению к обслуживающему персоналу яслей и лагерной администрации, а также уклонившихся от нормального кормления грудью, привлекались к ответственности вплоть до лишения права материнства на время нахождения в лагере /26/.

Данный приказ лег в основу деятельности детских учреждений и имел место на протяжении долгих лет. Опираясь на него, лагерная администрация могла при необходимости не допустить свидания матери и ребенка, особенно в случае, когда ребенок находился на искусственном вскармливании и мать, считалось, ему практически не нужна, а тех, кого не устраивал данный распорядок, вообще могли лишить материнских прав. Такие ограничения не могли не отразиться на психике матери, которая постоянно

переживала за жизнь своего ребенка, зная, в каких условиях он находится.

В 1941 году начальником санотдела ГУЛАГа НКВД СССР Лойдиным была разработана инструкция, определяющая структуру детских учреждений лагерей, которая была отправлена во все отделения ИТЛ.

«1. Ясли – детское учреждение, обслуживающее детей вольнонаемного состава младшего возраста от 1 месяца до 3 лет, матери которых работают на производстве или в учреждении. В задачу детских яслей входит организация правильного развития и воспитания детей, внедрение в быт семьи санитарных и культурных навыков по уходу за детьми и их воспитанию.

2. Дом младенца – детское учреждение закрытого типа с круглосуточным пребыванием детей в возрасте от 0 до 4 лет. В задачу должны входить организация правильного физического развития и общественного воспитания детей, родители которых отбывают срок заключения.

3. Детсад – детское дошкольное учреждение, обслуживающее детей в возрасте от 3 до 7 лет включительно, матери которых работают на производстве или в учреждении. В задачу детского сада входит воспитание детей, имеющее целью обеспечить им нормальное развитие и коммунистическое воспитание.

4. Детская консультация – амбулаторное лечебно-профилактическое учреждение, в задачу которого входит оказание врачебно-медицинской помощи, проведение среди детей и матерей профилактической и санитарно-просветительской работы.

5. Молочная кухня – самостоятельное хозяйственное учреждение, в задачу которого входит изготовление и

отпуск диетического питания для детей раннего возраста» /27/.

Данная инструкция предусматривала раздельное размещение детей вольнонаемных и заключенных, причем для детей заключенных предназначались лишь дома младенца. На 1 марта в системе ГУЛАГа действовало 90 домов младенца (4 595 детей, матери которых были заключенными) /28/. В годы войны в Карлаге насчитывалось 5 домов младенца на 807 мест. Если судить по нормам, то питание детей в них должно быть удовлетворительным, о чем свидетельствуют следующие данные, рассчитанные на детей до 3 лет в день (в граммах): хлеб ржаной – 150, хлеб пшеничный – 250, крупа разная – 40, мясо – 40, рыба – 20, жиры животные – 25, молоко – 350, фрукты сухие – 8, овощи – 250, картофель – 300, чай натуральный – 0,1, сахар – 40, мука картофельная – 5, творог – 10, сметана – 10, соль – 10» /29/.

Но здесь приводится одна небольшая оговорка: «выдается при наличии собственных ресурсов», то есть, если лагерь не имеет сельскохозяйственного профиля, то уже минус молочные продукты, мясо, жиры, овощи, а что остается? Если в качестве примера взять Карлаг, то все эти продукты в лагере были, но выдавались ли они в таком ассортименте? Вряд ли. Надо учесть, что время было военным, не хватало медперсонала, нянечек, санитарные условия в результате рейдовых проверок в большинстве случаев были признаны неудовлетворительными, да и для того, чтобы ребенок родился здоровым, необходимо было, чтобы его мать была здорова, а если к тому же это были дети «врагов народа», то отношение к ним сразу становилось негативным. Этих причин было вполне

достаточно для разного рода заболеваний, которые нередко заканчивались смертельным исходом.

В справке иачальника санотдела Владимирова было отмечено, что за 1943 год в целом по Карлагу умерло 226 детей. Основные причины смертности, по его мнению, сводились к следующим: во-первых, дети, прибывшие с внешним этапом, в основном большинстве – дистрофики, гипотрофики и больные туберкулезом. Так, из 91 ребенка, прибывших из других лагерей и тюрем, умерло 57 детей (62 %); во-вторых, недостаточное по калорийности питание беременных и матерей. 1 926 родилось до 3 кг. Всего 20 % матерей могут кормить детей грудным молоком; в-третьих, гриппозная инфекция дала тяжелые осложнения; в-четвертых, умерло от туберкулеза легких в основном из числа этапированных. Смертность дают в основном два детских дома – Чурубай-Нурунский и ЛСО, получающие этапных детей и детей новорожденных. Самарский дом младенца не имеет ни одной смертности за 1943 год, Бидаикский – 18, Акмолинский – 6 /30/.

Среднемес. кол. всего умерло за год среднемес. год. смертн. в %

1941 год – 1001 чел.	202	1,68 %
1942 год – 805 чел.	314	3,24 %
1943 год – 733 чел.	216	2,57 %
1944 год – 837 чел. /31/.	182	1,81 %»

Но, несмотря на тяжелые условия содержания детей, в лагерях наблюдается относительно высокая рождаемость. Бывшая узница Х.Волович, отсидевшая в лагерях в общей сложности 15 лет, попав туда, когда ей шел 21-й год, так объясняла свое состояние: «Женщина и в лагере оставалась женщиной, и ей порой до безумия хотелось любви, нежности и ласки. И хотелось ребенка – существа самого родного и близкого, за которого не жаль было бы отдать жизнь» /32/.

Это, естественно, могло происходить в общих лагерях, где была хоть какая-то возможность для встреч женщин с мужчинами. Совсем иначе обстояло дело в женских лагерях, и на вопрос, вступали ли женщины в отношения с мужчинами, все опрошенные женщины давали отрицательный ответ. Тем не менее, произведенный анализ архивных документов позволяет сделать следующий вывод: женщины, находясь в Акмолинском лагере, рожали детей. Во-первых, приезжало немало беременных женщин, во-вторых, с 1941 года в лагерь стали прибывать первые этапы мужчин и, в-третьих, нельзя забывать, что ВОХР также составляли мужчины.

Разумеется, не стоит искать причины и строить догадки на этот счет, так как сегодня трудно сказать было это добровольно или в принудительном порядке. Наверняка было то и другое.

Для выяснения численности рождаемости детей мы брали даты начала и конца срока пребывания в Акмолинском лагере. К примеру, если женщина прибыла в лагерь 10. X. 38 г., а убыла 10. X. 45 г., а ребенок родился 16. 08. 43 г., то, это означало, что женщина забеременела именно в лагере. Количество таких случаев составило всего одиннадцать. Подобные

исследования были проведены и с женщинами, осужденными как ЧСИР и распределенными в 1939 году по другим отделениям Карлага, где число родивших составило 36 человек. Всех детей, родившихся в лагере, ожидали дома младенца.

К детям, родившимся от женщин-политзаключенных, было особое отношение: их сразу же причисляли к «врагам народа». Остается лишь удивляться, как можно было выжить в таких условиях. Долгое время работавшая в детских домах младенца Е. Гинзбург так описывала лагерную жизнь детей: «Они все время лежат на своих койках, никто их на руки не берет, хоть лопни от крика. Одни пищат жалобно, уже не рассчитывая на то, что кто-нибудь отзовется. Другие орут отчаянно и дерзко, активно отстаивают себя, а некоторые уже не кричат. Только стонут, как взрослые. Запрещено брать на руки. Только менять мокрые пеленки, если их, конечно, хватает... Лагерь на все накладывал свой отпечаток, детям было понятно и доступно только то, что связывало их с лагерным баракком. Они не знали, что такое дом, не знали слов «папа» и «бабушка». Если на доске рисовали дом, они дружно кричали: «барак», если нарисованный дом обносился традиционным забором, они его называли зоной» /33/.

В Акмолинском доме младенца положение с детьми обстояло несколько лучше, потому что няни и врачи были из своих политических, для которых свойственна была повышенная ответственность в любом деле, тем более, что им доверили судьбы детей женщин, с которыми они вместе жили и делили одинаковую участь жить и выжить в ужасающих лагерных условиях.

После того, как детям исполнялось 4 года, их отправляли в детские дома. Адрес детдома матери обычно не сообщался, поэтому после освобождения ей не всегда удавалось разыскать своего ребенка, но, что касается Акмолинского лагеря, то женщины знали, что их дети направляются в Осакаровский детский дом. Это подтверждает и М.Т.Юзипенко: «В Акмолинском лагере находилось 400 детей, но вся беда в том, что когда ребенок достигал четырехлетнего возраста, его отправляли в Осакаровский детский дом /34/. Бывшая узница лагеря К.И.Мальцева вспоминала: «Тяготы лагерной жизни как-то немного скрашивало присутствие наших детей. Но матери с ужасом ожидали, что придет время разлуки с ребятишками» /35/.

Женщины с нетерпением ожидали освобождения, чтобы забрать своих детей и отдать им все тепло, которое накопилось за годы заключения. Но это было свойственно в основном для женщин, осужденных за политические преступления, с уголовницами дело обстояло иначе. «Для мамок с грудными детьми (только, конечно, не для Пятьдесят Восьмой), - писал А.И.Солженицын, - выходили частые амнистии или просто распоряжения о досрочном освобождении. Чаще всего под эти распоряжения попадали мелкие уголовницы и приклатненные, которые на эти-то льготы и рассчитывали. И как только такие мамки получали в ближайшем райцентре паспорт и железнодорожный билет, - своего ребенка, уже не ставшего нужным, они частенько оставляли на вокзальной скамье, на первом крыльце... На ташкентском вокзале мне пришлось провести ночь недалеко от группы эков, ехавших из лагеря. Их было

десятка три, они занимали целый угол зала, вели себя шумно, с полублатной развязанностью, как истинные дети ГУЛАГа, знающие почему жизнь и презирающие здесь всех вольных. Мужчины играли в карты, а мамки о чем-то голосисто спорили, - и вдруг одна мамка крикнула истошней других, вскочила, размахнула своего ребенка за ноги и слышно стукнула его головой о каменный пол. Весь вольный зал ахнул, застонал: мать! Как может мать? Они не понимали, что была то не мать, а мамка» /36/.

Итак, бывшие узницы лагерей, которые на протяжении многих лет не видели своих детей, прилагали немалые усилия, чтобы отыскать их и начать вместе с ними новую жизнь. Но далеко не все смогли воссоединиться со своими семьями. Мало того, дети в детских домах воспитывались в духе ненависти к своим родителям. С ними постоянно проводилась соответствующая работа: в течение ряда лет, если и не могли добиться полного отказа ребенка от родителей, то внушить им мысль, что их родители являются «врагами народа» и за это осуждены государством, зачастую удавалось.

«Дочь от меня отказалась, и мне никогда к ней не вернуться, если меня не реабилитируют», - писала в заявлении К.В.Генералова /37/. И таких примеров было гораздо больше, нежели, тех, когда матери удавалось забрать своего ребенка, но опять, же их отношения желали оставлять лучшего. Зачастую опека матери, которую они получали, была им чужда. К примеру, Т.Г.Мордвинкиной-Ягоде с трудом удалось разыскать свою единственную дочь Виолу и взять к себе. Но та не только не проявила радости, а даже более того, относилась к матери с открытой неприязнью. В свою

очередь мать стремилась наверстать упущенное время и сделать все возможное для сближения с дочерью. «Виолка совершенно была не приспособлена к жизни, - рассказывает Е.Б.Кузнецова, - она ничего не умела делать: ни обслужить себя, ни готовить, ни даже общаться с людьми. Все за нее делала мать. Виолка не хотела жить с матерью и ее сестрой Фридой Григорьевной, и Таисия Григорьевна «выбила» ей однокомнатную квартиру. Затем – поступление в институт, но ничто не могло изменить ее отношение к матери. Перебравшись в Ленинград, получив комнату в коммуналке, она решила перевезти к себе мать, но только для того, чтобы претендовать на большую жилплощадь. По дороге Таисия Григорьевна умерла».

Вот, что вспоминает дочь К.Кожановой Зибя: «После ареста отца меня и подобных мне исключили из пионеров, так как мы, дети «врагов народа», не имели права носить пионерские галстуки. Наши сверстники стали сторониться нас. Мы были, как белые вороны. Подобное происходило и среди комсомольцев. Но все это было цветочками. Спустя некоторое время арестовали и маму, а нас, детей, отправили в детдом. Но родственники, узнав о случившемся, выкрали меня и моего брата Арыстана из детского дома и увезли в родной аул моего отца. Спасибо людям за то, что жалели нас и не дали погибнуть!» /38/.

Дочь С.Назаровой Клара, узнав, что ее мать находится в АЛЖИРе, во что бы то ни стало, решила приехать туда и остаться с ней, и ей это удалось. А 8-летний брат Жанарт, по ее воспоминаниям, попав в Сайрамский детский дом, сбежал оттуда вместе со своим старшим товарищем. Они заблудились и,

совершенно выбившихся из сил мальчишек, обнаружил в степи старик Шотбаев, который впоследствии усыновил Жанарта и дал ему свою фамилию. Нашлось, кому взять и второго беглеца. Так мальчишки стали жить в дунганском селе на территории Киргизии. Жанарт вырос, отслужил в армии, женился, родились дети. Однажды к нему приехал товарищ по службе в армии и пригласил к себе в гости в Алма-Ату. Когда они зашли в квартиру, мама узнала Жанарта и бросилась ему на шею. До этой встречи прошло 36 лет /39/.

Совсем иначе сложилась жизнь у семьи, вернее, у оставшихся членов семьи Н.И.Бухарина. Из мемуаров А.М.Бухариной-Лариной: «Расставшись с сыном, когда ему исполнился год, я увидела его через 19 лет, 20-летним юношей, летом 1956 года, он приехал к нам в поселок Тисуль Кемеровской области. Сначала его взяли к себе родственники, потом он был определен в детский дом, где ему выдали паспорт на имя Гусмана Юрия Борисовича» /40/. К этому времени у А.М.Бухариной-Лариной уже сложилась новая семья, состоявшая из мужа и двоих детей - 10 и 6 лет. Сын Н.И.Бухарина Юра до встречи с матерью даже не знал, чей он сын, Анна Михайловна не торопилась называть фамилию его отца, но стоило ей сказать, что его звали Николай Иванович, к удивлению матери, он сам назвал фамилию своего отца.

Это всего лишь несколько примеров воссоединения семей, а сколько тех, кто так и не нашел своих детей, оставаясь в полном неведении, живы ли они, тех, кто получил свидетельство о смерти детей, тех, кто после лагеря не смог создать новую семью и родить детей. Их большинство. Из воспоминаний Т.Шаховой: «Наверное, процентов 80 из выживших так и не сумели

объединиться с детьми. Эта страшная трагедия, незаживающая психологическая травма оставалась у многих из нас до последних дней жизни. Обида, горечь... Молодые, здоровые женщины должны были нести такую страшную кару всю жизнь. За что?» /41/.

Таким образом, женщины, осужденные как ЧСИР, всю жизнь должны были нести гройное наказание: за мужа, за себя и за детей. Дети – ЧСИР находились на особом счету у государства, в которых оно видело своих потенциальных врагов. Они не имели доступа к определенным видам профессии, им вменялось в вину причастность к «врагам народа», что отражалось на отношении к ним окружающих, как взрослых, так и сверстников. Воспитанники «детских домов», как правило, не были приспособлены к жизни в обществе. Чувство протеста и неподчинения общепринятым правилам пресекалось и наказывалось, воспитание детей в атмосфере насилия, лжи и доноительства формировало рабскую психологию, что накладывало отпечаток на менталитет, поведение, образ жизни и мысли широких слоев населения. Это, безусловно, оказало влияние на формирование всех последующих поколений советских людей: раздвоение массового сознания, двойной стандарт, пренебрежительное отношение к личности как субъекту исторического действия.

Как отмечает М.Т.Баймаханов «за редким исключением, у граждан обнаруживается неверие в торжество справедливости и законности, обреченность и безысходность в случае нарушения прав и свобод. Даже когда последние грубо попираются, люди порой предпочитают просто пережить это, смириться в ожидании лучших перемен» /42/. Далеко не каждый

мог понять и разобраться в случившемся, ведь все тогда было поставлено «с ног на голову», белое заменено черным и наоборот.

Нам, живущим сегодня, порой трудно понять, как дети могли ненавидеть своих без вины виноватых родителей, и с высоты лет нам кажется, что разобраться во всем этом было несложно, но тогда каждодневная пропаганда сделала свое дело, искалечив судьбы матерей и их детей. Вырванный из общественной жизни целый пласт женщин, заключение их в лагеря, разлука с семьей, подорванное здоровье снизило процент деторождения, что отразилось на демографической ситуации по стране в целом. Отбыв наказание в лагерях, женщины по-прежнему оставались отчужденными от общества, потому что большинство оставшихся на воле не могли принять их в свои ряды из-за боязни быть репрессированными, а многие верили в справедливость их наказания. Таким образом, освободившись из лагерей, они продолжали нести на себе клеймо «врагов народа» еще долгие годы, пока не начался процесс реабилитации пострадавших от политических репрессий.

3.2. К о н е ц с р о к а . Р е а б и л и т а ц и я

Женщины в лагере, считая дни до своего освобождения, верили, что после отбытия наказания их ждет новая жизнь. Большинство женщин в своих воспоминаниях отмечали, что в лагере, осужденные по одной статье, находились в равном положении друг перед другом, вместе переживали несправедливость приговора и думали, что хуже уже не бывает, но настоящие проблемы их ожидали после освобождения.

Более того, даже процесс освобождения был затянут, и принес массу проблем. Освобождение женщин из лагерей происходило не какой-то единовременной акцией, а поэтапно. И зависело это не только от сроков наказания, но и от соответствующих директив НКВД СССР.

Согласно Постановлению СНК СССР от 7 апреля 1930 года, по истечении назначенного срока наказания, заключенный освобождался немедленно распоряжением администрации лагеря без специального об этом запроса и ожидания постановления суда или Объединенного Государственного Политического Управления об освобождении. Это распоряжение действовало на протяжении многих лет.

22 июня 1941 года вышла Директива НКВД СССР и Прокурора СССР за № 221, по которой необходимо было «прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников» /1/. Данный приказ получил свое распространение и на женщин ЧСИР, где они по степени опасности уравнивались с бандитами и рецидивистами, и те из них, которые получили минимальный срок - 3 года, если он не истек к началу войны, должны были оставаться в лагерях.

29 апреля 1942 года во изменение Директивы № 221 вышла Директива за № 185, где указывалось: «заключенных, отбывших срок наказания, задержанных в лагерях, тюрьмах и колониях, согласно директиве № 221 от 22 июня 1941 года, из-под стражи освободить, за исключением осужденных за измену, террор, шпионаж, диверсию, троцкистов, правых и

бандитов, объявив последним, что они оставлены под стражей до окончания войны. Всех отбывших сроки наказания заключенных оставлять для работы в лагерях НКВД на положении вольнонаемных без права выезда с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря» /2/. 11 ноября 1942 года в дополнение к Директиве № 185 вышло Указание НКВД и Прокурора СССР за № 494/121 с.с., согласно которому «заключенным, освобождаемым в порядке Директивы за № 185 с оставлением на работах в лагерях и колониях НКВД по вольному найму, паспортов на руки не выдавать, ограничиваясь выдачей соответствующей справки лагеря (колонии)» /3/. В целом насчитывалось около 60 тысяч заключенных, у которых закончился срок, но они были вынуждены остаться в лагере на положении вольнонаемных /4/.

Указ от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» освободил от наказания огромное количество заключенных, а также сократил наполовину остающийся срок лицам, осужденным на срок свыше трех лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности, бандитизм, фальшивомонетничество, умышленное убийство, разбой /5/. И вновь долгожданная амнистия обошла стороной осужденных за политические преступления, хотя срок наказания у большинства женщин, получивших максимальный срок – 8 лет, истек, они должны были оставаться на местах до особого распоряжения.

И, наконец, 24 июня 1946 года вышел Приказ Министра Внутренних Дел Союза ССР, Министра Госбезопасности Союза ССР и Генерального

Прокурора Союза ССР № 00585/00251/107 с. с. «об отмене Директив НКВД СССР и Прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 года и № 185 от 29 апреля 1942 года и всех последующих к нему дополнений по задержке освобождения из мест заключения некоторых категорий заключенных. Лиц, отбывших наказание и прикрепленных для работы к лагерю на положении вольнонаемных, освободить от работы, применив к ним режимные ограничения согласно положению о паспортах. Объявить этим лицам под расписку в личном деле, что им разрешено проживать в любом районе СССР, кроме режимных местностей, при выезде выдавать соответствующие документы и проездные билеты. Освобождение заключенных, отбывших срок наказания, но задержанных в исправительно-трудовых лагерях до окончания войны на положении заключенных и вольнонаемных, - производить постепенно и закончить к 1 октября 1946 года. Впредь осужденных освобождать из мест заключения МВД СССР в день истечения установленного для них срока наказания» /6/.

В учетных карточках на заключенных не наблюдалось никакого нарушения закона: если женщина, получившая 8 лет лагерей, к примеру, была осуждена 7.X.37 г., то в тот же день, спустя 8 лет, она считалась освобожденной и в карточку заносилась соответствующая запись 7.X.45 г. На самом деле ее оставляли в лагере, а освобождение проявлялось лишь в том, что женщина по окончании официального срока поселялась по другую сторону колючей проволоки. Хотя и в качестве вольнонаемной, она продолжала работать на прежнем месте, ожидая своего полного освобождения.

Что касается вопроса о досрочном освобождении заключенных, то он так же обошел стороной женщин, осужденных по 58 статье. Хотя в истории советского государства и права известны документы о досрочном освобождении женщин. К примеру, 5 марта 1923 года вышел Декрет ВЦИК СССР об условно-досрочном освобождении женщин ко дню празднования интернационального дня работницы. Спустя год, 22 февраля 1924 года вышел еще один Декрет ЦИК, в котором отмечалось: «Убедившись на основании опыта прошлого года, что освобожденные в силу амнистии из заключения, случайно или по нужде совершившие преступления, работницы и крестьянки возвращаются к честному труду, Президиум ЦИК Союза СССР постановляет и в нынешнем году: условно освободить из-под стражи тех крестьянок и работниц, которые, отбыв ко дню женского праздника половину и более срока наказания, не внушают опасений в смысле возможности совершения ими новых преступлений» /7/.

Таким было положение дел в 20-е годы, когда имели место фразы о совершении преступления по нужде или случайно и освобождения по амнистии. Но в 30-е годы, когда репрессивная машина набрала свои обороты, таких формулировок и причин для освобождения просто не могло быть. Например, когда на Президиуме Верховного Совета СССР встал вопрос о досрочном освобождении заключенных, Сталин внес свою корректировку: «Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо. Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. Нельзя ли повернуть дело по

другому, чтобы они оставались на работе... Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставляли бы людей оставаться на месте». Это предложение было принято как руководство к действию. Указом от 25 августа 1938 года «О лагерях НКВД» было решено, что «осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбывать установленный судом срок полностью» /8/.

Это положение было закреплено приказом за № 0169 от 15 июня 1939 года, во исполнение которого были разосланы телеграммы следующего содержания:

«первое тчк немедленно прекратить практику зачета рабочих дней за сроки отбывания наказания и отменить систему условно-досрочного освобождения осужденных в ИТЛ зпт колониях и тюрьмах НКВД

второе тчк основным стимулом для повышения производительности труда установить улучшение снабжения и питания хороших производственников дающих высокие показатели производительности труда денежное премирование свидание с близкими родственниками облегчение лагерного режима

третье тчк по отношению к отдельным заключенным отличникам производства дающим за длительное время в лагерях высокие показатели труда допускать их условно-досрочное освобождение решением коллегии НКВД СССР или Особого Сопевания НКВД по особому ходатайству начальника лагеря или начальника политотдела лагеря

четвертое тчк по отношению к прогульщикам отказникам от работы дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения усиления лагерного режима карцер перевод в худшие бытовые

условия другие меры дисциплинарного воздействия
Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР
Комиссар Госбезопасности I ранга
/Берия/» /9/.

Как раз на тот момент, когда женщины, осужденные как ЧСИР, заполнили лагеря, вышли распоряжения о запрещении досрочного освобождения всех категорий заключенных, за исключением тех случаев, когда за них могли ходатайствовать либо начальник лагеря, либо начальник 3 отдела.

Так, в Акмолинском отделении помимо отмены особого режима со второй половины 1939 года, произошло еще одно значительное событие: замена оставшегося срока наказания ссылкой. По наблюдениям Г.Степановой-Ключниковой, всего было организовано несколько этапов: в первом ушли 3 женщины, во втором – 5, в третьей – 4. Вероятно, это были те женщины, за которых просили родственники. Это была лишь мизерная часть от общего количества заключенных, но, тем не менее, для каждого конкретного человека, попавшего в поле зрения Берии, такое изменение в их жизни стало большой радостью. В их числе оказались Г.Степанова-Ключникова, В.Герценберг, О.Никитина, М.Анцис и другие /10/.

М.Анцис, возглавлявшая работу по строительству швейной фабрики, должна была продолжить срок наказания на поселении в Красноярске. Из воспоминаний дочери М.Анцис В.Шевченко: «Маме заменили заключение ссылкой в Красноярск. Там она чуть не умерла с голоду, гам же умерла жена Рихарда Зорге. Она списалась с Бариновым, и ей разрешили вернуться назад и взять меня к себе» /11/. По приезду в лагерь М.Анцис продолжила работу на фабрике в

качестве ее директора.

Из воспоминаний дочери Г.Семеновой: «Лагерное начальство ценило маму и поддерживало ходатайство о ее досрочном освобождении. И вот в 1944 году через шесть, а не восемь лет ее освободили. Это был единственный случай освобождения без какого-либо вмешательства влиятельных лиц. Еще год она проработала в Караганде, копила деньги на дорогу, на всякий случай. В 1945 году вернулась в Москву. Мама жила в Москве нелегально. Академик Радионов помог маме купить чистый паспорт, прописал на своей даче под Москвой, и мама устроилась в проектный институт старшим инженером. Чуть ли не до 70 лет работала в реферативном журнале, писала сложнейшие работы (химические процессы и аппараты) с трех языков: английского, французского, немецкого. Кроме того, давала уроки музыки детям. Бабушка нам говорила: «Лучше бы вы умерли, ну разве это жизнь!» Она помнила жизнь до революции. Мы ее не понимали, другой жизни просто не знали. Мама ушла из жизни в 1993 году, в возрасте 89 лет» /12/. Это один из примеров удачно сложившейся послелагерной жизни.

Проблема досрочного освобождения была проанализирована А.И.Солженицыным, писавшим, что «обратный выпуск 1939 года – случай из истории Органов невероятный! Но впрочем, этот антипоток был невелик, около одного-двух процентов» /13/.

По архивным данным, общая численность заключенных в начале 1939 года превысила 2 млн. чел., в следствии ослабления репрессивной политики количество заключенных снизилось. Всего за 1939 год из ГУЛАГа было освобождено 327,4 тыс.чел. (223,6 тыс. – из лагерей, 103.8 тыс.- из колоний), но эти

цифры мало о чем говорят, так как нет сведений о том, как среди них процент досрочно освобожденных «врагов народа» /14/.

Анализ учетных карточек показал, что 596 женщинам лагерь был заменен ссылкой, то есть 13 % от общего числа заключенных, причем неотбытый срок варьирует от 1 года до 6 лет. По всей вероятности такие перемены связаны с назначением на пост наркома внутренних дел Л.П.Берия, который свое вступление в новую должность ознаменовал широким демократическим жестом.

Женщины, попав в одну и ту же подневольную систему жизни, вели себя по-разному: каждая в соответствии со своим воспитанием, характером, средой, в которой она жила до ареста – кто с яростью, кто со сдержанным достоинством, кто с наивным ожиданием /15/. «Мы не верили в приговор, - вспоминала Г.Колдомасова, - переживали его как бы поэтапно и каждый год осаждали заместителя начальника по политической части Мишина вопросом: «Когда же нас отпустят?» И он отвечал: «Амнистия ожидается на будущий год». Когда же прошло четыре года, и мы стали упрекать Мишина в обмане, он ответил: «Срок есть срок. Половину отсидели, осталось уже не много»/16/.

Многие писали письма с просьбой пересмотреть дело и вынести справедливый вердикт. Письма, одинаковые по содержанию, посылались в различные инстанции, причем написаны они были как в начале срока, так и в конце его.

«Л.П.Берия

От заключенной Герасимовой
Александры Ивановны

Февраль 1944 год

Темниковский ИТЛ

Я осуждена в 1937 году сроком на 8 лет, отвечаю за своего мужа В.И. Герасимова. Вины мужа не знаю до сих пор. Прожила с ним 12 лет и знала его как исключительно честного трудолюбивого человека, преданного партии и стране. Сама я чувствую себя абсолютно невиновной. Ни одной мыслью не совершила преступления. Работала с 16 лет до своего ареста.

В день ареста оставила двух малюток на свою мать без всяких средств к существованию. Мальчики растут. Им нужна мать и моя помощь.

Умоляю, разберите мое дело, дайте мне право жить с детьми, работать и воспитывать их. Жила я все эти годы в лагерях и была уверена, что правда и справедливость в нашей стране победят ложь и несправедливость. Эта уверенность давала мне силы пережить разлуку с детьми.

Герасимова» /17/.

Муж А.И.Герасимовой занимавший должность замнаркома внутренних дел Азербайджана, был обвинен в измене Родине и в 1937 году расстрелян.

К письму приложена справка следователя Любимова из Азербайджанского НКВД, который вел это дело. «Ничего не признала. Особое Совещание в 1939 году оставило приговор в силе». Берия просто расписался, не вникая и соглашаясь с выводами следователя /18/.

Обращает на себя внимание дата написания просьбы – 1944 год, т.е. до окончания срока остался год, почти семь лет отдано лагерю, а надежда на справедливость осталась. Возможно, нам это может показаться парадоксальным, но на самом деле, каждый

день, проведенный в лагере – еще одна встреча с насилием, угнетением и чудовищной несправедливостью. «Все бы отдала, – говорила в интервью У. Майжолова, – тогда за то, чтобы выйти из лагеря и стать свободной, увидеть дочь, начать новую жизнь».

Писали и родственники заключенных, но хлопоты их так же оставались без внимания. Так, например, дочь Я.Г.Дзержинской, родственницы Ф.Э.Дзержинского, просила за свою мать, которая много лет находилась в Карагандинских лагерях: «Мама очень больна, у нее туберкулез легких, цинга и бруцеллез. Она находится в очень тяжелом положении» /19/. Это письмо осталось также без внимания: имя Дзержинского уже не вызывало прежнего страха, и судьба его родственников была безразлична.

Но если по счастливой случайности: будь то хлопоты родственников, их самих, либо срок пребывания в лагере не превышал 3 лет, женщины освобождались из лагеря с минимальными для них потерями, то на другом полюсе были другие, которые, отсидев в лагере год-два, возвращались на доследование и получали новый срок. Это касалось в основном тех жен, мужья которых на политической арене в то время играли видную роль.

«Наркому НКВД СССР Н.И.Ежову
от Лариной А.М. (Бухариной)

Заявление

Четвертый месяц пошел с тех пор, как я нахожусь в условиях одиночной камеры, в сыром подвале изолятора г. Новосибирска, куда я была перенаправлена из Томского лагеря.

В настоящее время мне предъявляют обвинение в том, что я была членом контрреволюционной организации молодежи и связанной между Бухариным и этой организацией, требуют выдачи этой организации.

Поскольку я к такой организации не принадлежу и думаю, что доказывать это мне вам не требуется, выдать такую организацию я не имею возможности. Мне неоднократно грозили расстрелом. Прошу облегчить мои страдания, расстреляйте меня, я жить не хочу.

Август 1938 года. Ларина А.М. (Бухарина)»
/20/.

Это было только начало тех испытаний, которые выпали на долю Анны Михайловны, впереди ее ждали еще 17 лет лагерей.

По ее словам, жена Якира Сара Лазаревна, в Томском лагере жен «изменников родины» была единственной, чей муж прошел по открытому процессу, и она знала о его смерти, тогда как остальные находились в полном неведении. В лагере ей добавили еще 10 лет к уже имеющимся 8 годам, за то, что высказалась о Средиземном море, красота которого не уступала Черному морю, и восторгалась итальянскими вышитыми кофточками /21/.

«После самоубийства Гамарника его жену арестовали и дали сначала 8 лет, а затем в лагере еще 10, - вспоминала дочь Гамарника В.Кочнева, - больше я никогда не видела матери, умершей, согласно извещению, в 1943 году в лагере. Меня направили в детдом. По достижении совершеннолетия дали 6 лет как «социально опасному элементу». Затем начались ссылки. Судьба семьи Гамарника характерна для многих, многих тысяч несчастных родственников

невинно осужденных /22/.

Итак, согласно приказу за №00585/00251/107 от 24 июня 1946 года, женщины, получившие максимальный срок 8 лет лагерей, в 1946 году освободились и, получив справку об освобождении, а также паспорт с пометкой о поражении в правах, должны были начать новую жизнь, так как продолжать прежнюю было невозможно.

Вот, как вспоминала долагерную жизнь О.Адамова-Слиозберг: «Я частенько брюзжала: квартира тесная, того нет, другого нет, заграничные вещи хорошие, а наши плохие. И вот теперь, когда все на свете толкало меня ненавидеть нашу жизнь, когда надо мной была учинена величайшая несправедливость, я почувствовала, как хорошо я жила» /23/. «Была молодость. Были надежды, - как бы продолжала ее мысль А.Никольская, - были успехи – пусть скромные, но побуждавшие к новой работе и новым требованиям к самой себе. Была радость труда – научного, педагогического...» /24/. Одна из женщин очень переживала, что не успела защитить диссертацию, все было готово, даже назначен день защиты, для нее это казалось самым важным в ее жизни и, наверно, единственным, что ее волновало на момент ареста.

И если в лагере у женщины теплилась надежда на скорейшее освобождение и возвращение к прежней жизни, тем более, что ее окружали осужденные по одной и той же статье, и она находилась в относительно равных со всеми условиях, то потом, получив долгожданную свободу, она оказывалась в одиночестве. Думая о том, что свой срок она отсидела, заплатив сполна за несовершенное ею преступление, она попадала в другой мир, который был для нее

закрыт – клеймо «врага народа» не смывалось, оно оставалось и после лагеря. Благодаря пропаганде, вселяющей в умы людей ненависть ко всем, кого объявили врагом советской власти, кто, по их представлениям, предал идеалы социалистического строя, население страны приучили к мысли, что надо осуждать и разоблачать «врагов народа». Советский народ мог понять и простить настоящих преступников, но вот «изменников родины» научили ненавидеть, чувство презрения распространялось и на членов их семей.

Женщины, получив паспорт с пометкой «минус 39», запрещавшей проживание в столицах республик и других крупных городах, всеми правдами и неправдами старались попасть к себе домой, вернуться к своим корням. И счастливой считала себя та, которая, приехав к своим родным, могла остаться с ними жить. Но, во-первых, далеко не все могли поехать в те крупные города, в которых жили до ареста, во-вторых, ехать было некуда, не осталось, ни родных, ни близких, в-третьих, не всегда их ждали с распростертыми объятиями.

Так случилось и с М.Л.Даниленко. Из разговора с ней выяснилось, что, освободившись из лагеря, она поехала к себе на Украину, где у нее остались родители и сын. Но голод, разразившийся в результате засухи в 1946 году, порождает не самые лучшие людские инстинкты, и приезд ее оказался весьма не кстати. Сын не признавал ее, родители не могли и не хотели помочь. Марии Львовне ничего не оставалось, как вернуться назад в Акмолинск, то есть, туда, где ее пребывание было привычным, как для нее, так и для окружающих. Мечты и надежды рухнули в одночасье,

на смену им пришли разочарование и неуверенность в завтрашнем дне. Для того, чтобы жить, надо было работать, а устроиться куда-либо было довольно сложно.

Женщины старались и после лагеря помогать друг другу. Устроившись на работу, получив угол, они уже звали своих подруг по лагерю, и некоторое время жили вместе. Так, в Акмолинске и близлежащих поселках осталось или позднее возвратилось немалое количество женщин – бывших узниц АЛЖИРа. Многие остались там до конца своей жизни. Из воспоминаний К.И.Мальцевой: «Куда податься с двумя малыши детьми без крыши над головой, с небольшой суммой денег? В Алма-Ату, где остались друзья, дорога заказана. В Свердловск к родственникам тоже нельзя. Пришлось остаться в Акмолинске. Отправилась по предприятиям, но в отделах кадров косились на мою справку и давали от ворот поворот. Ночевала с сыновьями на вокзале. Перебивались с хлеба на воду. Тут и случилась беда – вокзальный вор украл последние деньги. Осталась без копейки в кармане. Наконец, повезло, взяли уборщицей в 28-ю школу. Разрешили поселиться здесь же. Правда, потом дали комнату в соседнем бараке. Умещались в ней кровать, стол, да топчан. Но и этому, куда как скромному жилью была рада. Зарплаты не хватало – из 250 (старыми) рублей высчитывали на государственный займ. Приходилось подрабатывать. Ходила за небольшую плату мазать стены, стирать. В школе ко мне относились с пониманием, жалели. Правда, некоторые учителя выражали свое презрение, мол, «тюремщица», «жена врага народа» /25/.

Это был отнюдь не единичный случай, такая

ситуация была характерна для многих женщин. Общая беда сблизила их навсегда. После освобождения те, кто остались в Акмолинске, часто собирались вместе. Из рассказа дочери М.И.Рачковой Галины: «На праздники готовили много вкусной еды, ведь эти женщины столько голодали. Все праздники отмечали вместе» /26/.

«После освобождения не у каждой дух сохранился, - отмечал сын И.Н.Шубриковой Константин, - от многих дети отказались, у других совсем родственников не осталось. Кто в Москву, кто в Ленинград уехал. Мы с матерью тоже собирались. Ей предложили поселиться там, где отец раньше работал, - во Фрунзе, Куйбышеве, Новосибирске... Ирина Николаевна прямо в кабинете у председателя партийной комиссии разревалась. И сказала: «Где прожила всю свою жизнь, там и останусь». Построили ей тут домик, работала агрономом. И померла здесь. А письма идут. Старухи пишут, бывший начальник отделения Баринов. Вот его женщины уважали, он гуманист до некоторой степени, но что приказ был для него приказом - это все знали. Писал и Юзипенко, приезжал даже, от матери требовал, чтобы подтвердила какие-то там его заслуги. Я что думаю? Старшее поколение для Сталина сработало неплохо. Дало возможность развернуться. И если в дальнейшем что-то случится, опять будем виноваты мы, потому что духу не хватило...» /27/.

Кстати, во всех воспоминаниях женщин, которые давали оценку начальникам АЛЖИРа, мнение совпадало, и сводилось к следующему: «Юзипенко разговаривал с нами высокомерно, обращался к нам не иначе, как «гражданки». Другой начальник Баринов

был помягче. Говорил нам: девушки, женщины. Интересовался, как нам живется, порой шел на уступки» /28/. Это мнение бывшей узницы К.И.Мальцевой характерно и для других лагерниц.

Сохранилась переписка М.Т.Юзипенко с бывшими узницами, письма в основном написаны в 60-е годы, довольно дружелюбного содержания. Практически все они отпечатаны на пишущей машинке, очень похоже, что им сделана специальная подборка на тот случай, если кто-то «осмелится» задавать ему провокационные вопросы, своего рода домашняя заготовка. После работы он остался в Целинограде, где проживал до самой своей смерти. Сейчас жива его жена, которой уже за 90, и директор Государственного музея Акмолинской области, по договоренности с Юзипенко, должен был после его смерти брать у нее разрешение для всех, интересующихся его делом. Но на этот раз он сделал исключение, объяснив это тем, что она стала совсем плоха, да и вообще сегодня уже нет надобности для получения ее резолюции.

С.В.Баринов долгое время жил в поселке Долинка, так как после ликвидации АЛЖИРа, перешел на работу в главное управление Карлага. Бесспорно, что в лагерях встречались начальники, не утратившие гуманности и доброты. Правда, доброта их была относительной. Как образно заметил Лев Разгон, служивший на протяжении полутора десятков лет объектом профессиональной деятельности лагерных кадров, «если бы эти добрые люди получили приказ жечь нас живьем, то - конечно, страдая при этом, - они бы нас жгли. И заключали между собой договоры на социалистическое соревнование: кто скорее сожжет» /29/.

Итак, женщины после освобождения из лагеря не были приняты обществом и продолжали дальше нести клеймо «врагов народа». М.Л.Даниленко вспоминает, что жизнь после лагеря для нее была куда хуже, чем в лагере.

Если, женщины, осужденные как ЧСИР, отбыв полностью срок наказания, в большинстве случаев, все же пополнили ряды советских тружеников, то некоторые из них, не успев вспомнить вкус свободной жизни и отойти от ужасов лагерного режима, вновь оказались за решеткой. Здесь имеются в виду те, кто был осужден в 1948-1949 годах, так называемые повторницы, и обвинение им предъявлялось по тем же статьям Уголовного кодекса, по которым они уже отбыли наказание. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних документов. Основным документом для направления в лагерь и ссылку служила справка из архивно-следственных дел о прошлой их преступной деятельности. Повторное осуждение находилось в полном противоречии с действующим законодательством, которое не допускало повторного наказания за одно и то же преступление. Значит, надо было придумать несколько другой повод для ареста. Например, те, кто был осужден как ЧСИР, в основном получали обвинение в «АСД» (антисоветская деятельность), которое нетрудно было сфабриковать, так как любое неосторожное слово, брошенное бывшими узниками, могло привести к новому приговору.

Послевоенная эпоха с новой силой раскачала репрессивную машину. Казалось, что победа в войне, принесшая всеобщую радость, широкая амнистия

облегчат участь народа, но репрессии продолжались и охватывали как новые слои общества, так и тех, кто уже отбыл свой срок. После войны количество исправительно-трудовых лагерей и колоний не только не сократилось, а даже, наоборот, возросло. и число заключенных примерно оставалось на одном уровне в течение нескольких лет. Об этом свидетельствуют следующие документы:

«Тов. Сталину.

В соответствии с Вашими указаниями представляем проект решения об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания опасных преступников... 8 февраля 1948 года.

В.Абакумов

С.Круглов» /30/.

«Тов. Сталину.

МВД СССР докладывает Вам о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1947 год. На 1 января 1948 года содержалось 2 199 535 заключенных в лагерях и колониях. Создано 27 новых лагерей. 7 марта 1948

С.Круглов» /31/.

«Тов. Сталину.

МВД СССР докладывает Вам о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1949 год. На 1 января 1949 года содержится 2 550 275 заключенных; за контрреволюционную деятельность 22,7 %. Сроки заключения свыше 10 лет у 366 489 человек. 23 января 1949 года.

С.Круглов»/32/.

В 1948-1953 годах в системе МВД была организована сеть Особых лагерей (особлагов). Начало этой

политической акции положило Постановление Совета Министров СССР за № 416-159 с.с. от 21 февраля 1948 года. Согласно ему, необходимо было сконцентрировать всех, приговоренных к лишению свободы за шпионаж, диверсии, террор, а также троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников антисоветских организаций и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям (в первую очередь уже отбывших срок в местах заключения).

«Контингенты» особлагов предписывалось полностью изолировать, в том числе и в рабочих зонах, от остальных заключенных; из вольнонаемного персонала в рабочие зоны можно было допускать только «особо проверенных» работников. Как жилые, так и рабочие зоны надлежало специально оборудовать, чтобы исключить возможность побега, в жилых зонах вводился режим, близкий к тюремному (решетки на окнах, запирающиеся на ночь бараки, запрет покидать бараки в нерабочее время, норма жилой площади временно устанавливалась вдвое меньше, чем в ИТЛ - 1 кв. м). Заключенных особлагов следовало использовать только на тяжелых работах. Охрана возлагалась на конвойные войска, а не на военизированную охрану, как в ИТЛ. По сути, всех политзаключенных предлагалось перевести на положение каторжан, что и было осуществлено в полной мере /33/.

Первоначально, в 1948 году, было организовано пять Особых лагерей (Минеральный № 1, Горный № 2, Дубравный № 3, Степной № 4 и Береговой № 5, в 1949 году Речной № 6. Правительство установило общий лимит их наполнения: 145 000 заключенных /34/.

Позднее образовались Озерный № 7, Песчаный № 8, Луговой № 9, Камышовой № 10, Дальний № 11. На 1 марта 1949 года в особлагах находилось 106 573 человек /35/, численность которых постоянно возрастала и на 1 февраля 1953 года составила 234 000. Последний, Водораздельный № 12, был организован в конце 1952 года и фактически не успел развернуть работы.

Итак, на 1 января 1949 года в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных исправительно-трудовых лагерей с десятком тысяч лагерных отделений и лагерных пунктов и 1 734 колоний, в которых содержалось 2 356 685 заключенных, из них 1 963 679 трудоспособных. Более половины (55,8 %) составляли осужденные в возрасте от 17 до 30 лет, женщин было 22,1 % от общей численности заключенных /36/.

В 1949 году в лагерях и колониях содержалось 503 375 женщин. Когда Маленков выступил с предложением об освобождении тех, с кем находятся дети до 7 лет, Сталин согласился с этим. Вероятно, главным аргументом явилось то, что на содержание детей в ГУЛАГе тратилось 166 миллионов рублей. В целях экономии государственных средств, женщины могли бы заниматься принудительным трудом и по месту жительства /37/. «В исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД в настоящее время содержатся вместе с осужденными матерями 14 170 детей в возрасте до 4 лет, а также 7 220 беременных женщин. Это количество, более чем в 3 раза превышает лимиты, имеющиеся в лагерях и колониях домов младенца. А посему предлагаю освободить женщин, заменив им тюремное заключение исправительно-

трудовыми работами по месту жительства» /38/.

26 августа 1950 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении из-под стражи беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей». Во исполнение данного Указа, по Карлагу НКВД было принято распоряжение за № 1/8 от 14 октября 1950 года, согласно которому требовалось «всем начальникам отделений немедленно этапировать в Карабасский пересыльный пункт всех беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, подпадающих под действие Указа от 26 августа 1950 года и об исполнении донести в спецотдел Управления, выслав персональные списки. Начальнику Карабасского отделения ст. лейтенанту тов. Антоненко подготовить помещение для размещения этой категории заключенных, организовав надлежащее питание. Нач.КВО ст. лейтенанту тов. Журавлеву организовать в Карабасском отделении культурное обслуживание освободившихся заключенных женщин, выделив для этой цели необходимое количество работников КВО-КВЧ. Контроль за своевременным выполнением настоящего распоряжения и получения от МВД союзных республик и УМВД краев и областей документов, подтверждающих наличие малолетних детей у заключенных женщин, возложить на моего заместителя тов. Кожухова. Начальник Управления Карлага МВД полковник /Маевский/» /39/.

В октябре 1950 года по Карлагу были подведены итоги по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1950 года, где были учтены женщины, подпадающие под действие Указа, среди них «беременных насчитывалось 783, имеющих детей в лагере – 819, имеющих детей вне лагеря – 2 697, всего

– 4 299 человек» /40/.

По сведениям В.Н.Земскова, по состоянию на 1 января 1951 год в местах заключения отбывали наказание 3 526 ЧСИР, в том числе в лагерях – 2 824, в колониях – 432 /41/.

27 марта 1953 года была объявлена очередная амнистия, по пункту 3 которой освобождались из мест заключения независимо от срока наказания женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, а также беременные женщины, несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, мужчины старше 50 лет, женщины старше 60 лет, а также страдающие тяжелым неизлечимым недугом. Ниже в п. 7 указывалось не применять амнистии к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство» /42/. Таким образом, эта амнистия не распространялась на ЧСИР, и общество по-прежнему приравнивало осужденных за политические преступления к уголовникам, которые вместе составляли особо опасный контингент. Более того, некоторые женщины, осужденные по 58 статье, получили повторный срок. А то, что они отбыли свой срок полностью, и новые обвинения были не менее надуманными, чем предыдущие, в расчет не бралось. Надо было выполнять приказ, и их, не церемонясь, обвинили в активизации борьбы против советской власти и подрыве устоев социалистического государства. Получив данные обвинения, они вновь заполнили лагеря с особым режимом и не менее, чем на 10 лет.

В архиве КНБ по Караганде и Карагандинской области хранятся два дела, заведенные на ЧСИР,

которые после первого срока остались в Караганде и были осуждены во второй раз в 1948-1949 годах, но при всей схожести обвинения, они имеют разную степень наказания.

Первое дело было заведено на К.В.Генералову, которая была выслана в Северо-Казахстанскую область на 5 лет за контрреволюционную троцкистскую деятельность в августе 1936 года, в ноябре 1937 года осуждена как ЧСИР (муж Тер - Ваганян, редактор ряда журналов) и отправлена в Акмолинское спецотделение. Отсидев 9 лет в лагере и освободившись в 1946 году, спустя 2 года, вновь арестована. Из показаний свидетелей: «Клавдия Васильевна высказывала недовольство против Советской власти, якобы людей можно послать в тюрьмы, направлять в лагеря ни в чем неповинных. Получала иностранные журналы «Америка» из Ленинграда и хвасталась: «Смотрите, какой замечательный журнал, как он прекрасно оформлен, а, главное, с глубоким смыслом. Наши писатели в СССР не в состоянии писать хорошие произведения, которые пишут за границей. Вы возьмите наши учебники, они написаны грубо и некультурно, потому-то я и читаю иностранную литературу». «В капиталистических странах литература свободна, а в Советском Союзе строжайшая цензура, и все произведения должны отражать взгляды правительства, партии, а не широкого населения». «Когда Клавдию Васильевну переселяли в другую квартиру, она заявила: «Вот в какое несправедливое время мы живем. А ведь пишут и говорят о свободе личности и демократии, а на самом деле никаких свобод для народа нет. Вас могут взять и выбросить из квартиры, осудить и направить в лагерь. Власть может

сделать все, что угодно и ничего не сделаете и не докажете, что вы правы». «Не работает, живет на иждивении мужа Герта Григория, с которым познакомилась в лагере» /43/.

Мы соединили сразу несколько показаний свидетелей, хотя для обвинения в антисоветской пропаганде одного из них было более, чем достаточно. В рассуждениях обвиняемой на сегодняшний день все кажется довольно банальным и правдивым, но тогда это было кощунством и клеветой на советский строй, который считался самым гуманным в мире.

29 января 1949 года вышло постановление Особого Совещания при МГБ СССР, согласно которому К.В.Генералову, 1908 года рождения, уроженку Монголии, гражданку СССР, беспартийную, обвиняемую по статье 58-10. Ч. I УК РСФСР, за принадлежность к троцкистской и антисоветской деятельности заключить в ИТЛ сроком на 10 лет /44/.

Спустя несколько месяцев, последовало другое постановление Особого Совещания при МГБ СССР, которое отменило предыдущее постановление. Дело на К.В.Генералову необходимо было прекратить, осужденную из-под стражи досрочно освободить и отправить в ссылку на поселение» /45/.

Если для К.В.Генераловой лагерь был заменен ссылкой, то для Ф.Г.Фринлянд-Ягоды общий стаж лагерной жизни составил 14 лет и потом еще 3 года ссылки. Такой случай для ЧСИР был не единственным, процедура обвинения и вынесения приговора была одинаковой практически для всех повторниц.

Дело № 2133 по обвинению Фринлянд-Ягоды Фриды Григорьевны ст.58-10 ч. I; 58-12 УК начато 30 марта 1949 года и окончено 21 апреля 1949 года. Для

ареста было достаточно того, что она в прошлом уже отбывала наказание как ЧСИР, о чем свидетельствует постановление на арест: «Имеющимися в УМГБ материалами Фринлянд-Ягода Ф.Г. изобличается в том, что она, являясь сестрой изменника родины Ягоды Генриха Григорьевича, скрыла известные факты контрреволюционной деятельности, проводимой мужем Фринлянд И.С. и братом Ягода Г.Г., за что она решением Особого Сопещания при НКВД СССР 28 августа 1937 года, как член семьи изменника родины, была осуждена к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет. Срок наказания отбыла, из лагеря освободилась в 1946 году. Фринлянд-Ягоду Ф.Г., проживающую в Новом городе, подвергнуть аресту и обыску» /46/.

В тот же день вышло еще одно постановление об избрании меры пресечения: так как, по мнению полковника Артамонова, Фринлянд-Ягода, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда, применить к ней содержание под стражей. Ордер за № 41 на обыск и арест, был получен незамедлительно. Спустя две недели задержанной было предъявлено обвинение в том, что она «после освобождения из заключения, проживающая в г. Караганде, среди населения проводила антисоветскую агитацию и клеветала на условия жизни трудящихся в Советском Союзе» /47/.

Из протокола допроса Ф.Г.Фринлянд-Ягоды: «о прошлом: о контрреволюционной деятельности я никогда ничего не знала и поэтому донести органам Советской власти не могла. Наказание отбыла: с 1937 по 1939 гг. я содержалась в Темниковском ИТЛ, с 1939 по 1941 гг. – в Сегежском ИТЛ, с 1941 по август 1945 г. я содержалась в Карлаге МВД СССР. В части

обвинения в антисоветской агитации и клевете не проводила и не признаюсь» /48/.

Из протокола допроса свидетелей: «Фринлянд-Ягода говорила, что служащие работают очень много, а зарплаты за свой труд получают, якобы, мало, и что этой зарплаты не хватает для прожиточного минимума, говорила, что до ареста жила хорошо и не встречала никаких трудностей в жизни и сейчас, якобы, отжила свой век. Сказала, что везде недостатки, что работаешь и сидишь, якобы, голодаешь... Все города Казахстана, как деревни, и нет условий для жизни, плохое снабжение Караганды, везде очереди и нехватка продуктов» /49/.

Из протокола очной ставки Ф.Г.Фринлянд-Ягоды с учителями школы № им. Крылова: «О служащих СССР ничего не говорила, говорила о себе, что, мол, много работаю, мало получаю. В очередях стоять некогда, так как я в это время на работе, поэтому я голодаю» /50/.

22 апреля 1949 года вышло обвинительное заключение, подтверждающее ранее вынесенный приговор от 12 апреля 1949 года, по которому следственное дело по обвинению Фринлянд-Ягоды Ф.Г., по согласованию с прокурором, направить на рассмотрение Особого Сопещения при МГБ СССР, с просьбой определить заключение в ИТЛ сроком на 10 лет. И следом вышло Постановление о направлении обвиняемой не в ИТЛ, а в особый лагерь, так как «совершенные ей преступления являются особо опасными» /51/.

Далее дело № 2133 было рассмотрено сначала МГБ Каз. ССР, затем передано Особому Сопещанию МГБ СССР, где был составлен протокол за № 39 от 20 июля 1949 года, согласно которому приговор остался без

изменения: Фринлянд-Ягоду Ф.Г. для отбытия срока наказания направить, согласно персонального наряда ГУЛАГа МВД СССР № 9/СО 38 687, в Степной лагерь. Сообщить нам телеграфом дату объявления выписки и проследите за направлением осужденной по назначению» /52/.

Спустя 6 лет, Ф.Г.Фринлянд-Ягоде лагерь был заменен ссылкой, и, наконец, 3 февраля 1958 года вышло определение за № 2/135-58 Военного Трибунала Северо-Кавказского военного округа, по которому было решено «постановление Особого Совещания при НКВД от 28-го августа 1937 года в отношении Фринлянд-Ягоды Ф.Г. отменить, и дело о ней в уголовном порядке прекратить на основании п.5 ст.4 УПК РСФСР, поскольку она репрессирована необоснованно, и в материалах дела отсутствуют данные о ее преступной деятельности» /53/.

Последний лист дела, состоящем из 62 листов, - расписка Ф.Г.Фринлянд-Ягоды о получении справки о реабилитации от 24 февраля 1958 года. До конца срока оставался 1 год 1 месяц и 6 дней, но благодаря начавшейся реабилитационной компании, она была освобождена, с распространенной на то время формулировкой - за отсутствием состава преступления.

Получив реабилитацию, в возрасте 59 лет (18 из которых были проведены в лагерях) Фрида Григорьевна, вернулась в Караганду и поселилась вместе со своей сестрой Таисией Григорьевной в одной квартире, где они прожили вместе всю оставшуюся жизнь, оставив о себе добрую память. «Таисия Григорьевна была сослуживицей моей матери, - вспоминает журналистка Е.Б. Кузнецова, - как-то мы вместе отмечали Новый год, было очень весело.

Сестры Ягоды были интересными и образованными людьми, с большим чувством юмора. Они никогда не вспоминали лагерную жизнь, а если и заходил разговор о прошлом, то рассказывали только забавные случаи...».

Как известно, реабилитация лиц, репрессированных за контрреволюционные преступления, началась в середине 50-х годов и особенно активизировалась после XX съезда КПСС и принятого 30 июня 1956 года постановления ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий».

Из «Отчета о работе комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с октября 1952 г. по 1 января 1956 г.»:

«За последние два года в ЦК КПСС и КПК поступило большое количество заявлений ранее исключенных из партии по обвинению в «связи с родственниками», арестованными органами НКВД-МГБ. После проверки в подавляющем большинстве случаев они восстанавливались в партии, так как были исключены без каких-либо оснований. Кроме того, в КПК обращаются жены и дети советских, партийных, хозяйственных и военных работников, осужденных в 1937-1940 гг., с просьбой об оказании помощи в разрешении вопроса об их реабилитации. Заявления их направляются в органы прокуратуры, и за их разрешением устанавливается контроль» /54/.

В результате проверки и рассмотрения материалов в КПК установлено, что бывшее руководство Прокуратуры СССР (г. Сафонов) и Главной военной прокуратуры (г. Вавилов) не выполняло своей первостепенной партийной и государственной обязанности — высшего надзора за соблюдением

социалистической законности судебно-следственными органами. Давая санкции на арест советских граждан по политическим обвинениям, они слепо верили материалам следствия НКВД-МГБ, и в дальнейшем не осуществляли контроля и надзора за следствием по этим делам, штамповали обвинительные заключения, составленные фальсификаторами.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, получая материалы следственных органов, глубоко не разбиралась, на каких конкретных материалах и доказательствах основывались эти обвинения, не изучала обстоятельства того или иного дела, в результате чего выносились неправильные приговоры.

Члены Военной Коллегии, несмотря на то, что многие обвиняемые на суде отвергали предъявленные им обвинения, как вымышленные следствием, не принимали это во внимание, дела рассматривались в течение 10-15 минут, свидетели не опрашивались.

Имели место факты, когда члены Военной Коллегии до рассмотрения дела в суде заранее писали приговоры, а после судебного заседания проставляли в них лишь меру наказания; в ряде случаев приговоры Военной коллегии выносились заочно, а некоторые дела по политическим обвинениям рассматривались в тюрьмах МГБ, где отсутствовали нормальные условия для судебного разбирательства /55/.

Всего за период после XX съезда КПСС реабилитированы в партийном отношении 30 954 коммуниста (многие посмертно) /56/. В целом за период с 1954 по 1961 годы было реабилитировано 700 тысяч человек. Но это были далеко не все, кто в годы массовых репрессий был осужден по политическим мотивам, оставалась и другая большая часть, не

состоящих в рядах партии, среди них немалое место занимали женщины. Следует отметить, что процесс реабилитации проходил, так сказать, выборочно, только по заявлениям и с оглядкой на тех, кто был причастен к произволу и продолжал занимать высокие государственные посты. Заявляя о необходимости восстановления справедливости, укрепления законности, руководители страны лишь «выпускали пар», мало что меняя в давно сложившейся системе.

Практически все женщины, осужденные как ЧСИР, были реабилитированы именно во второй половине 50-х годов. Дела по их обвинению пересмотрены военным трибуналом, постановления Особого Совещания об аресте отменены и выданы справки о реабилитации.

Получив реабилитацию, женщины спешили поделиться этой радостью со своими подругами по лагерю. Сохранилось письмо бывшей узницы АЛЖИРа Е.К.Балашовой адресованной Ш.Татимовой: «Спешу вам сообщить весьма радостное для всех нас событие. Сегодня я получила официальное сообщение, что дело мое за отсутствием состава преступления производством прекращено, и что я, Балашова Е.К., реабилитирована. Завтра поеду оформляться и менять паспорт. Радости моей нет конца.... Двадцать лет нервотрешки и переживаний.... И за что?! Удивляюсь себе или вернее своей крепкости, что смогла все пережить не опустившись, как это случилось со многими. Только сердце надорвалось, ведь обида, червь грызла его... Но, наконец, я полностью очистилась» /57/.

Некоторым пришлось ждать еще не один десяток лет для отмены, вынесенных в 1937-1938 годах приговоров, причисливших их к «врагам народа».

Далеко не все дожили до того счастливого дня, когда была объявлена полная реабилитация всех, кто был осужден в годы массовых репрессий по политическим мотивам. Работа по восстановлению в правах и реабилитации жертв политических репрессий началась во второй половине 80-х годов.

28 сентября 1987 года вышло постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х годов и начала 50-х годов», которая должна была продолжить дело, начатое в 50-60-е годы, изучив соответствующие материалы министерств, ведомств, партийных и государственных органов.

Для реабилитации жертв репрессий, 11 июля 1989 года вышло еще одно постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30-40-е годы и начале 50-х годов», где Прокуратуре СССР и Комитету государственной безопасности давались указания продолжить работу по пересмотру дел, независимо от наличия заявлений и жалоб граждан /58/.

Важным шагом на пути к полной реабилитации несправедливо осужденных граждан в годы массовых репрессий стало постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 января 1989 года, в котором отмечалось, что «восстановление исторической, юридической справедливости приобрело сейчас огромное политическое значение. От него во многом зависит наше продвижение по пути формирования социалистического правого государства, развитие

общественного сознания. Полной реабилитации всех невинно осужденных, увековечения их памяти ждут общественность, родственники и близкие пострадавших» /59/.

На 1 января 1990 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года реабилитировано 807 288 человек. Репрессированных по решениям «троек», коллегий и особых совещаний, а также 31 342 человека привлеченных к ответственности решениями судебных и прокурорских органов /60/.

13 августа 1990 года вышел Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов», в котором подчеркивалось, что работа, начатая XX съездом партии велась непоследовательно и по существу прекратилась во второй половине 60-х годов и возобновилась лишь с середины 80-х, когда специальной комиссией по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, реабилитированы тысячи безвинно осужденных и признаны незаконными решения внесудебных органов ОГПУ-НКВД-МГБ в 30-50-е годы по политическим делам /61/.

Финалом работы по реабилитации всех осужденных по политическим мотивам стал Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», принятый 18 октября 1991 года. Аналогичный Закон был принят в Казахстане 14 апреля 1993 года, «действие его распространялось на всех без исключения лиц, непосредственно подвергшихся после 25 октября (7 ноября) 1917 года политическим репрессиям, с целью реабилитации всех жертв этих репрессий, обеспечения максимально возможной в

настоящее время компенсации причиненного им морального и материального ущерба». Дети, «находившиеся вместе с родителями или заменявшими их лицами в местах лишения свободы, в ссылке, высылке или на спецпоселении также признаются жертвами политических репрессий» /62/. Действительно, после выхода данного закона, теперь уже каждый, осужденный в годы репрессий за «политические преступления», обратившись в соответствующие органы, мог получить справку о реабилитации. Наконец, справедливость восторжествовала, они ждали ее всю свою жизнь, не теряя надежды.

В октябре 1989 года в поселке Малиновка (ныне Акмол) состоялась встреча бывших узниц АЛЖИРа и их детей. На окраине поселка малиновцы установили мемориал в память о томившихся в заключении женщинах, представляющий собой надколотую красную звезду, в глубокой трещине которой – черная решетка и колючая проволока. Было принято решение создать мемориальный музей, где будут храниться материалы о бывших узницах АЛЖИРа.

С той памятной встречи многое изменилось. Конец 80-х и начало 90-х – ажиотаж и лавры – сменили жалкое существование и обиды на государство, лишившее их льгот и назначившее мизерную пенсию. Не у всех есть дети, способные материально помочь и морально поддержать. Реабилитация невинных людей – это не разовая политическая акция, а важная каждодневная работа и ее надо ставить на постоянную планомерную основу. Значит, дело за нами, за общественностью и, конечно, в первую очередь, эта задача общества «Адилет», по чьей инициативе может решиться вопрос

о восстановлении лы от пострадавшим от нолитических ренрессий.

31 мая 2007 года в день памяти жертв политических репрессий, который ежегодно отмечается в Республике Казахстан в последний день мая, состоялся митинг, посвященный памяти узникам АЛЖИРа. Если в 1989 году со всех сторон бывшего Советского Союза приехали десятки «алжирок», то спустя чуть более десяти лет в Малиновку из Астаны приехала, лишь одна узница АЛЖИРа Шалифа Нуралина. Мало что сегодня напоминает на месте бывшего лагеря о 30-40-х годах прошлого столетия. Радует то, что при въезде в поселок облагорожена аллея тополей, посаженных когда-то узницами, приведены в порядок знаки, воздвигнутые в память женщинам АЛЖИРа, создан мемориальный музей, содержащий уникальные экспонаты, рассказывающие о судьбах лагерниц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление разветвленной сети лагерей являлось стремлением государства в кратчайшие сроки волевыми методами создать новую общественно-экономическую формацию путем насилия и принуждения. Принудительный труд заключенных, фактически находившихся на положении рабов, стал одним из важных факторов народного хозяйства. Вместе с тем, коммунистическая пропаганда вопреки реальному положению демонстрировала гуманный характер советского правосудия и существовавшей исправительно-трудовой системы. В сознание общества внедрялась мысль о том, что осужденный – это враг государства, не заслуживающий ни жалости, ни снисхождения. Заключенный не воспринимался как личность, его оценивали только как статистическую единицу производственного процесса.

Система лагерей своим образованием обязана сталинскому режиму, который сделал насилие универсальным средством для достижения намеченных целей. Стремясь к единовластию, Сталин очищал политическое пространство от возможных соперников и потенциальных противников, уничтожая старую гвардию большевиков. Нарушения прав людей в годы массовых политических репрессий приобрели столь повседневный характер, что перестали быть чем-то необычным и чрезвычайным. Политика внесудебных репрессий привела к тому, что жизнь и свобода человека перестали зависеть от его конкретных дел и помыслов. Зачастую получить высшую меру наказания или заключение в лагерь можно было только в силу своего происхождения, профессии, политических

убеждений, бытовых или родственных связей, а также попасть в одну из особых категорий («враги народа», «классовые враги», «правые», «сомнительные», «члены семей» и т.п.), которую власть на данный момент объявляла враждебной.

В своих подходах при осуществлении репрессивной политики режим мыслил социальными категориями, то есть в качестве враждебных режиму выступали и члены семей «изменников Родины», как представители одной социальной группы. Система стремилась обезопасить себя превентивными мерами, видя в членах семей репрессированных потенциальную угрозу. Члены семей репрессированных составляли в массе своей наиболее информированную и социально активную часть населения, которая могла представлять собой скрытую угрозу режиму единоличной власти. Необходимо было не только физически уничтожить «врага народа», но и оклеветать, стереть память о нем, репрессировать членов его семьи, изолировав в спецлагерях. Создание лагерей для жен «изменников Родины» на гребне массовых репрессий 30-х годов, по сути, стало феноменальным явлением, присущим только советской политической системе.

Репрессии, беспощадная эксплуатация труда миллионов людей в каторжных условиях нанесли обществу невосполнимый урон. Но руководство страны эта проблема не беспокоила, так как на первых порах она была экономически выгодной. Незначительные расходы на содержание и жесткая эксплуатация в лагерях выгодно отличала использование труда заключенных от применения труда вольнонаемных. В многочисленных отчетах руководители НКВД подчеркивали высокую степень

организованности их хозяйства, умение быстро сделать то, что не под силу другим ведомствам.

Однако реальность, скрывавшаяся за этими рапортами, выглядела иначе. Все проблемы хозяйственные подразделения НКВД решали за счет усиления режима и беспощадной эксплуатации труда заключенных. Дешевизна их труда была очень привлекательна для экстенсивной советской экономики, основанной на директивных методах управления, уравнительности и внеэкономическом принуждении. Эксплуатация труда заключенных была одним из условий жизнеспособности системы, давала ей возможность развиваться в чрезвычайном режиме при высокой рачтительности и незначительной эффективности. Учитывая специфику дислокации мест заключения, важно отметить, что эта была одна из насильственных форм перемещения больших масс людей в северные и восточные регионы.

Существование мощного сектора лагерной экономики сдерживало поиск рациональных способов развития страны. Возможность беспрепятственного использования труда заключенных в любых условиях, их относительно быстрой переброски с объекта на объект высоко ценилась как политическим, так и хозяйственным руководством. Обычно все выполнялось в срок, так как исполнители понимали, что они заложники созданной системы.

Какие бы планы не выполнялись заключенными, все же подневольный труд был значительно менее эффективным по сравнению с аналогичным трудом вольнонаемных рабочих. Производительность труда на стройках НКВД была намного ниже, чем на стройках общегражданских, так как лагерная экономика и

квалифицированный производительный труд были понятиями несовместимыми. Ручной труд всегда был главным ресурсом лагерной экономики, без использования техники заключенные не могли повысить производительность труда и сократить сроки работ.

Переполненный и экономически невыгодный ГУЛАГ требовал существенных изменений, это диктовалось не столько политическими замыслами, сколько его экономической несостоятельностью. К началу 50-х годов явственно обозначился кризис лагерной экономики, МВД уже не могло справиться с растущим объемом работ. Дефицит трудоспособной рабочей силы приводил ее на грань катастрофы. Важно отметить, что тяжелые условия, нереализованные планы заставляли заключенных, а нередко и лагерных руководителей, прибегать к многочисленным припискам, ложным отчетам, что впоследствии было привнесено и в общество.

Лагерная экономика принесла материальный ущерб не только народному хозяйству, весьма серьезные потери наблюдались и в области экологии. Вполне очевидно, что все промышленные предприятия строились без необходимых очистных сооружений, хищнически расходовались природные ресурсы, в расчет принималось выполнение плана любой ценой. В борьбе за собственное выживание и реализацию амбициозных планов режим обрек советский народ на чрезмерное напряжение, расточение человеческого, социального и экономического потенциала, непомерные утраты.

Грубое нарушение прав человека в недавнем прошлом и его изобличение не дает оснований для

полного самоуспокоения. Главной функцией государства в цивилизованном обществе может быть и должна стать охрана интересов человека, защита его прав. В отношении «человек-государство» приоритет должен принадлежать человеку. Степень демократичности общества определяется не только тем, какие права и свободы провозглашаются в Конституции, но и тем, в какой степени этими правами и свободами может воспользоваться гражданин. На практике многие из определенных Конституцией Республики Казахстан прав граждан не подкреплены гарантиями реальной государственной, и в первую очередь, судебной защиты, ответственностью за их нарушение.

Для реального воплощения заложенных в Основном Законе конституционных принципов надо создать дополнительные эффективные механизмы, с помощью которых гражданин республики сможет защитить свои конституционные права. Необходимо добиться того, чтобы многие законы, гарантирующие права и свободы человека, действовали автономно, независимо от того, какие политические силы находятся у власти, независимо от чьей-то трактовки и произвола. Конституция Республики Казахстан, учитывая отрицательные последствия монопольного положения одной коммунистической партии, не допускавшей открытого политического соперничества, закрепила права на свободу объединений, на свободу слова, нет также ограничений по политическим мотивам.

За последние десять лет многое изменилось, мы стали другими и стали забывать ту эпоху, когда все было подчинено единой власти, и ее критика заканчивалась изоляцией. В настоящее время в

Казахстане создано общество, где реально действуют 16 политических партий, четыре из которых представлены в Парламенте. Общество, в котором зарегистрировано две с половиной тысячи неправительственных организаций. Общество, в котором восемьдесят процентов газет, журналов, телерадиоканалов являются негосударственными. Общество, в котором вышли десятки монографий о ранее неизвестных фактах истории.

Современные и будущие поколения должны бережно относиться к такой высшей ценности всякого индивидуума как право на свободное развитие, право на относительную независимость и автономность различных слоев от государства, ибо, в конечном счете, именно это определяет прогрессивную динамику общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

1. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Өнер, 1996. – 288 с. (157).
2. Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 296 с. (241).
3. Конквест Р. Большой террор // Нева. – 1989. - № 9. - С. 126-148 (126).
4. Вождь. Хозяин. Диктатор / Сост. А.М.Разумихин. – М.: Патриот, 1990. – 575 с.; Иного не дано / Под общ. ред. Ю.Афанасьева. – М.: Прогресс, 1988. – 680 с.; Историки спорят. 13 бесед. – М.: Политиздат, 1988. – 510 с.; История и сталинизм: Сб. ст. / Сост. А.Н.Мерцалов. – М.: Политиздат, 1991. – 446 с.; Осмыслить культ Сталина: Сб. ст. / Редактор-составитель Х.Кобо. – М.: Прогресс, 1989. – 650 с.; Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма / Сост. Ю.П.Сенокосов. – М.: Политиздат, 1989. – 367 с.; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина: В 2-х кн. – М.: Изд-во АПН, 1989; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах, что случилось с нами в 30-40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. – М.: Прогресс, 1990. – 485 с.; Ципко А. Насилие лжи или как заблудился призрак: Об истоках сталинизма. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 271 с.; Чирков Ю.И. А было все так: О репрессиях 30-40-х годах. – М.: Политиздат, 1991. – 379 с.
5. Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание

- // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 491-506 (506).
6. Авторханов А. Ленин в судьбах России. Главы из книги: Власть – все, идеи – ничто // Новый мир. – 1991. – № 4. – С. 165-173; Баллестрем К.Г. Апории теории тоталитаризма // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 16-28; Беладди Л., Краус Т. Сталин. – М.: Политиздат, 1989. – 316 с.; Бжезинский З. Большой провал // Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: Политиздат, 1990. – С. 256-277; Боффа Д. История Советского Союза: В 2-х Т. – М.: Международные отношения, 1990; Верт Н. История советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. – М.: Прогресс-Академия, 1992.- 480 с.; Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Изд-во «Новость», 1992. – 544 с.; Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929 / Пер. с англ. Л.А.Черняховской. – М.: «Интер-Версс», 1990. – 208 с.; Конквест Р. Большой террор // Нева. – 1989. – № 9 – 1990. – № 6; Рабинович А. Большевики приходят к власти. – М.: Прогресс, 1989. – 413 с.; Такер Р. Сталин. Путь к власти (1879-1929): История и личность. – М.: Прогресс, 1991; Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 10 - 12;
7. Казахстанская политологическая энциклопедия / Гл. ред. Т.Т.Мустафин. – Алматы: Қазақстан даму институты, 1998. – 448 с. (358).
8. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. – М. Книга, 1991. – 734 с.; Дьяков Б. Пережитое: Автобиографический роман. – М.: Советская Россия, 1987. – 736 с.; Никольская А. Передай дальше: Рассказы, повесть. – Алма-Ата:

- Жазушы, 1989. - 272 с.; Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки. – М.: Скифы, 1991. – 384 с.; Разгон Л. Непридуманное: Повесть в рассказах. – М.: Книга, 1989. – 287 с.; Серебровская Г. Смерч // Летопись горького времени. - Алма-Ата: Жазушы, 1989. – С. 6-64; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. 1918-1956: В 3 т. – М.: Советский писатель. Новый мир, 1989; Шаламов В.В. Колымские рассказы: В 2 т. – М.: Наше наследие, 1992.
9. Боффа Д. История Советского Союза. Т.1. 1917-1941. – М.: Международные отношения, 1990. – 629 с. (393).
10. Триумф тирана, трагедия народа // Суровая драма народа. – М.: Прогресс, 1989. – С. 270-291 (284).
11. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Под ред. И.В.Добровольского. Франкфурт/Майн. – Москва: МОПЧ, 1999. – 456 с. (32).
12. Владина Н. Горькая правда // Целиноградская правда. – 1989. - 14 сентября; Владина Н. «Юбилей Татьяны Павловны» // Целиноградская правда. – 1991. - 6 февраля; Комаров В. Памятникам быть // Ленинская смена. – 1989. - 27 июля; Кузнецова Е. «Тонкерис» значит переворот // Индустриальная Караганда. – 1989. - 11 ноября; Максимова Э. День совести на точке 26 // Известия. – 1989. - 16 сентября; Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. – 1989. - 26 апреля, 26 июля; Смагулова Г. Обретение памяти // Целиноградская правда. - 1989. - 25 октября; Смагулова Г., Кригер В. По старым адресам Архипелага // Акмолинская правда. - 1992. - 10

- ноября; Тябина Е. Над АЛЖИРОм закат догорает // Путь к коммунизму. – 1990. – 1-2 марта.
13. Комаров В. Правда «АЛЖИРА» // Ленинская смена. – 1988. – 2 июня.
14. Баталов Э. Тоталитаризм живой и мертвый // Свободная мысль. – 1994. – № 4; Борисов Ю., Голубев А. Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. – 1994. – № 4. – С. 110-119; Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 4-20; Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и техника (Власть техники и технология власти) // Политические исследования. – 1991. – № 4. – С. 21-34; Кондратьев В., Бушуев В. О русской трагедии XX века // Свободная мысль. – 1992. – № 3. – С. 68-79.
15. Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. – Домодедово, 1992; Дугин А.Н. Неизвестные документы о репрессиях 30-50-х годов (по фондам ЦГАОР) // Административно-командная система управления: Проблемы и факты. – М. - 1992. – С. 69-87; Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10-27; № 7. – С. 3-14; Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М., 1997; Иванова Г.М. Женщины в заключении (историко-правовой аспект) – Женщина. Гендер. Культура. – М.: МГГИ, 1999. – С. 270-284; Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 // Свободная мысль. – 1992. – № 13. – С. 73-84.

16. Абдакимов А.А. Тоталитаризм: депортация народов и репрессия интеллигенции. – Караганда, 1997. – 83 с.; Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахская трагедия // Вопросы истории. – 1989. – № 7; Баймаханов М.Т. Государственно-правовые проблемы общенационального согласия и реабилитации жертв политических репрессий. – Алматы, 1998. – 18 с.; Балакаев Л.Н. Тоталитаризм: СССР в 1928-1947 гг. – Алма-Ата: Арман, 1994. – 32 с.; Гуревич Л.Я. Особенности советского тоталитаризма и положение интеллигенции // Материалы «круглых столов» и семинаров. – Алматы, 1996. – С. 90-91; История Казахстана: белые пятна: Сб. ст. / Сост. Ж.Б.Абылхожин. – Алма-Ата, 1991. – 348 с.; Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алма-Ата, 1992. – 35 с.; Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. – Алматы: Адилет. Фонд XXI век, 1997. – 28 с.; Нысанбаев А.Н., Сулейманов Ф.М. Между миром и разумом: из опыта духовных исканий XX века. – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 144 с.; Осипов В.П. Вспомогаясь в 20-30-е годы (из истории организационно-политического развития Компартии Казахстана). – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 188 с.; Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы. – Алматы, 1998. – 377 с.; Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. – Караганда, 1997. – 175 с.;
17. Бердинских В.А. Вятлаг. – Киров, 1998; Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в

- Кузбассе. – Кемерово. – 1997; Жуков А.Ю. и др. ГУЛАГ в Карелии, 1930-1941: Сб. док. и мат. – Петрозаводск, 1992; Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-начало 50-х гг. – Нижний Тагил. – 1996; Морозов Н.А.ГУЛАГ в Коми крае, 1929-1956. – Сыктывкар. – 1997.
18. Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-40-х годов – 1998; Кириллов В.М. История репрессий на Урале, 1920-начало 50-х гг. – Екатеринбург. – 1996; Кузнецова Е.С. Реабилитация жертв политических репрессий (По мат. Кемеровской области). - Кемерово. – 1998; Сыдыков Е.Б. Казахстан в составе Российской Федерации (1917-1937): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Алматы, 1999. – 30 с.; Жумасултанова Г.А. Политические репрессии в условиях тоталитарного режима (20-е – начало 50-х годов): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Караганда, 1999.- 32 с.; Нургалиева Л.Р. Актуальные вопросы истории Казахстана 1917-1937 гг. в печати: историографическое исследование: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук.- Алматы, 1999. – 28 с.; Орынбаева Д.Ш. Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.: сравнительно-исторический анализ проблемы. – Алматы, 1999. – 26 с.
19. Домась Н. АЛЖИР: /Акмолинское отделение Карлага НКВД СССР/ // Ваше право. – 1997. - 30 мая; Кудышев О. Ад под Акмолой // Индустриальная Караганда. - 1997. - 9 октября; Николаев В. Женщины ГУЛАГа // Казахстанская

- правда. – 1997. - 31 мая; Пленницы АЛЖИРа // Актюбинский вестник. - 1997. - 5 августа; Сухамбердиев М., Гранатова Ж. Чужие здесь не ходят // Актюбинский вестник. – 1997. - 26 октября.
20. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда, 1997. – 175 с.
 21. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник / Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. – М.: Звенья, 1998. – 600 с.
 22. Ларина А. Незабываемое // Знамя. – 1988. - № 10. – С. 126-165; № 11. – С. 112-180; № 12. – С. 93-169; Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР // Простор. – 1989. - № 9. – С. 75-101; Колдомасова Г. В те далекие годы // Наука и жизнь. – 1989. - № 3. – С. 106-110;
 23. Тасымбеков А. Жан даусы. Алжир архипелаги. – Алматы: Жазушы, 1994. – 174 с.
 24. Stark M. “Wenn Du willst Deine Ruhe haben, schweige”: Deutsche Frauenbiographien des Stalinismus. – Dusseldorf, 1991. – 253 s.
 25. Доднесь тяготееет: Сб. Вып.1. Записки вашей современницы. – М.: Советский писатель, 1989. – 592 с.
 26. Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.: Сб. док. / Отв. ред. Л.Д.Дегитаева – Алматы: Казахстан, 1998. – 336 с.; Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.; Сборник документов по истории СССР советского периода (1917-1958). - М.: Высшая школа, 1966. – 286 с.; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. Ч.1.

Законодательство СССР (1953-1991). - Казань: Изд-во Казанского университета – М., 1992. – 270 с.;
Сборник законов СССР и Указов президиума Верховного Совета СССР (1938-июль1956). – М.: Госюриздат, 1958. – 564 с.;
Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика, 1993. – 223 с.;
Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959 годы). – М.: Госюриздат, 1959. – 360 с.

ГЛАВА 1. ГУЛАГ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Политико–идеологические и экономические факторы создания ГУЛАГа

1. Анашкин Г.З. Ответственность за измену Родине и шпионаж. – М.: Юридическая литература, 1969. – 230 с. (226).
2. Ленин В.И. Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 36. – М.: Политиздат, 1977. – С. 217-218 (217).
3. Ленин В.И. Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и необходимости в связи с этим мерах // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.35. – М.: Политиздат, 1977. – С. 174-177 (176).
4. Ленин В.И. Дополнение к проекту постановления СНК о разграничении функций ВЧК и следственной комиссии при Петроградском Совете

- // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.54. – М.: Политиздат, 1965. – С. 391.
5. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. В 3-х т. Т.1 – М.: Советский писатель. Новый мир. – 585 с. (39).
 6. Авторханов А. Ленин в судьбах России: Главы из книги. Власть - все, идеи – ничто // Новый мир. – 1991. - № 4. – С. 165-173 (173).
 7. Верт Н. История советского государства. 1900-1991 / Пер. с фр. – М.: Прогресс. Прогресс-Академия, 1992. – 480 с. (143).
 8. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов / Под общ. ред. А.Н.Яковлева. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с. (13).
 9. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или «автономизации» // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45.- М.: Политиздат, 1978. – С. 356-362 (357).
 10. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 года // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 39. – М.: Политиздат, 1977. – С. 198-205 (204-205).
 11. Там же (201).
 12. Блонина Е. Очередные задачи по работе среди женщин: Доклад на Всероссийском Совете организаторов отделов среди женщин 28 марта 1920 года. – М.: Госиздат, 1920. – 15 с. (5).
 13. Воспоминания о В.И.Ленине: В 5-ти т. Т.2. – М.: Политиздат, 1957. – 494 с. (118).
 14. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 // Ленин

- В.И. Полн.собр.соч. Т.44. – М.: Политиздат, 1977. – С. 155-175 (165).
15. Ленин В.И. Материалы к XI съезду РКП (б) // Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.45. – М.: Политиздат, 1975. – С. 409-419 (413).
 16. Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879-1929. История и личность / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с. (439).
 17. Сталин И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне ВКП (б) / Сталин И.В. Соч. Т.11. – М.: Госполитиздат, 1951. - С. 245-290 (248-249).
 18. Сталин И.В. О задачах хозяйственников / Сталин И.В. Соч. Т.13. – М.: Госполитиздат, 1951. - С. 29-42 (39).
 19. Чаликова В. Архивный юноша // Нева. – 1988. - № 10. – С. 152-160 (153).
 20. Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алма-Ата, 1992. – 35 с. (4).
 21. Чаликова В. Архивный юноша // Нева. – 1988. - № 10. – С. 152-160 (160).
 22. Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б. Сталин: «Наша страна станет самой хлебной страной в мире» // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы: «Арыс». – «Казахстан», 1998. - С. 60-65 (60).
 23. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.03907. Л.232.
 24. История КПСС в 6-ти т. / Гл. ред. П.Н.Поспелов. Т.4. Кн.2. КПСС в борьбе за построение социализма в СССР (1929-1937 годы). – М.: Политиздат, 1971. – 607 с. (62).
 25. Абылхожин Ж., Татимов М. Коллективизация в

- Казахстане: о чем молчат учебники? // Ленинская смена – 1988. - 19 октября.
26. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II. - М.: Изд-во АПН, 1989. – 336 с. (19-21).
 27. Гаджиев К.С. Политическая наука: Уч. пос.- 2-е изд. – М.: Международные отношения,1995.–400с.(297).
 28. Хайек Ф.Х. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 12. – С. 123-165 (123).
 29. Хайек Ф.Х. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. - № 10. – С. 99-112 (108).
 30. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду ЦК ВКП (б) о работе ЦК ВКП (б). 26 января 1934. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. – 149 с. (43).
 31. Там же (109).
 32. Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории, 1989, № 4. – С. 85-97. (92-96).
 33. Курицын В.М. 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. Вып. 1... (34-36).
 34. Гулаг: его строители, обитатели и герои / Под ред. И.В.Добровольского. Франкфурт/Майн. – Москва: МОПЧ, 1999. – 456 с. (82).
 35. Борисов Ю. Сталин: человек и символ. Факты истории и история культа // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / Сост. В.А.Иванов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 435-492 (489).
 36. Польш И.Л. Оглянись со скорбью... (55).
 37. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.3 - М.: Советский писатель. Новый мир. – 573 с. (49).
 38. Волкогонов Д.А.Триумф и трагедия. Кн.1.Ч.II ... (47).
 39. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с. (13).

40. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф.1541. Оп.1. Д.1. Л.34.
41. ЦГАРК. Ф.1541. Оп.1. Д.1. Л.78.
42. Мемориал: Информационный бюллетень Правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества "Мемориал". - М. - 1999. - № 12. - 24 с. (19-23).
43. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (21).
44. <http://www.memo.ru>
45. Государственный архив Российской Федерации. Ф.9401. Оп. 1. Д.8180. Л.593.
46. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (40).
47. Курицын В.М. 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. Вып. 1... (48-49).
48. Бутенко А.П. О революционной перестройке государственно-административного социализма // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 561-568 (561-562).
49. Щетинов Ю.А. Режим личной власти Сталина: К истории формирования. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 160 с. (89).
50. Возвращенные имена: Сборник публицистических статей в 2-х кн. Кн.1. – М.: АПН, 1989. – 336 с. (155-156).
51. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II ... (76).
52. Правда. – 1938. – 5 марта.
53. Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии / Пер. с фр. – М.: Три века истории, 1999. – 766 с. (199).
54. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II ... (209).

55. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – 223 с. (27).
56. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.2. Ч.II... (71).
57. Абдакимов А. А. Тоталитаризм: депортация народов и репрессия интеллигенции. – Караганда, 1997. – 83 с. (58-69).
58. Мемориал: информационный бюллетень... (21, 23).
59. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. – 1992. № 2-3 (82).
60. Серебровская Г. Смерч // Дело №... Летопись горького времени. - Алма-Ата: Жазушы, 1989. – С. 6-64. (6).
61. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.2. Ч.II ... (51).
62. Архив Президента Республики Казахстан. Ф.708. Оп.2/1. Д.4. Л.408.
63. АПРК. Ф.708. Оп.1. Д.82. Л.24-27.
64. АПРК. Ф.708. Оп.1. Д.2. Л.112.
65. АПРК. Ф.708. Оп.1. Д.28. Л.2.
66. АПРК. Ф.708 Оп.1. Д.536. Л.12.
67. АПРК. Ф.708. Оп.1. Д.97. Л.25.
68. АПРК. Ф.708. Оп.2/1. Д.4. Л.406.
69. АПРК. Ф.708. Оп.1. Д.4. Л.35-41.
70. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II ... (93).
71. Азалы кітап. Книга скорби. Расстрелянные списки. Вып.1. Алма-атинская область. Алматы: Фонд ХХІ век, 1996. – 360 с. (16).
72. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II ... (298).
73. ГАРФ. Ф.9474. Оп.1. Д.97. Л.28.

74. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы ... (5).
75. Там же (6).
76. Триумф тирана, трагедия народа ... (280).
77. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы ... (7).
78. Конквест Р. Большой террор // Нева. – 1990. - № 6. – С. 136-159 (150).

1.2. Организационно–нормативная основа образования Акмолинск- ого женского лагеря НКВД

1. Джекобсон М., Смирнов М.Б. Система заключения в РСФСР и СССР. 1917- 1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник. – М.: Звенья, 1998. – С. 10-24 (10).
2. Там же (12-13).
3. Там же (13).
4. Там же (15).
5. Самалдыков М., Бастемиев С., ГУЛАГ: (Места заключения на территории Казахстана в 20-30-е годы) // Мысль. - 1996. - № 11. – С. 85-89. (95).
6. ГАРФ. Ф.4042. Оп.1. Д.4. Л.271.
7. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2... (210).
8. Джекобсон М., Смирнов М.Б. Система заключения в РСФСР и СССР. 1917-1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... (16).
9. Мальсагов С. Адские острова: советская тюрьма на Дальнем Севере / Сост. М. Абсеметов. – Алма-Ата: НБ-Пресс, 1990. – 128 с. (33-45).
10. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.2818. Л.3.
11. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 6 октября 1924 года // Сборник нормативных актов по

- советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). – М.: Госюриздат, 1959. – С. 127-170 (140).
12. Там же (141).
 13. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (40).
 14. Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 // Свободная мысль. – 1992. - № 13. – С.73-84 (74).
 15. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в высших эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП (б). 1929-1930 // Исторические архивы. – 1997. - № 4. – С. 142-156 (142).
 16. Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929-1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... – С. 25-74 (26).
 17. Там же (27).
 18. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. – 637 с. (533-537).
 19. Архив Центра правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области. Ф.16. Д.44. Л.15.
 20. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960: Справочник... – 600 с.
 21. Дильманов С., Кузнецова Е. Карлаг. – Алматы, 1997. – 12 с. (4).
 22. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960: Справочник... (278).
 23. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской обл. Ф.02950. Л.100-101.
 24. Там же (103).
 25. АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.5643. Л.202.
 26. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – 2-е изд., испр. и доп.-

- Лондон, 1990. - 671 с. (276).
27. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы ... (3).
 28. Шубин А.М. Карлаг в 40-х годах. Из фондов Центрального архива МВД СССР // Советские архивы. - 1991. - № 6. - С. 30-46 (30).
 29. Берг А. Остров в степи // Индустриальная Караганда. - 1989. - 27 апреля.
 30. Хлопонин А. «Черные пятна истории» // Индустриальная Караганда. - 1992. - 30 января.
 31. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. - Караганда, 1997. - 175 с. (90).
 32. Там же (67).
 33. Там же (19).
 34. Катастрофа европейского еврейства. - Израиль: Изд-во Открытого университета, 1995. Кн.3. Ч.3. - С. 101-194. (104).
 35. Катастрофа европейского еврейства. Кн.2. Ч.3... - С.3 -191 (147).
 36. Документы трагического времени: архивы открывают тайны // Аргументы и факты. - 1990. - № 35.
 37. Там же.
 38. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.2. Ч.П... (134).
 39. Мемориал: информационный бюллетень... (18).
 40. Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 15 августа 1937 года // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. - М.: Республика, 1993. - 223 с. (86-93).
 41. Мемориал: информационный бюллетень... (22).
 42. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский Алжир // Простор. - 1989. - № 9. - С. 75-101 (90).

43. Цаплин В.В. Архивные материалы о численности заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. – 1991. - № 4-5. – С. 157-163 (158).
44. Разгон Л. Непридуманное. – М.: Книга, 1989. – 287 с. (282-283).
45. Серебрякова Г. Смерч // Дело № ... Летопись горького времени – Алматы: Жазушы, 1989. – С. 6-64 (22).
46. Стспанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР ... (91).
47. Поль И.Л. Оглянись со скорбью... (55).
48. Колдомасова Г. В те далекие годы // Наука и жизнь. – 1988. - № 3. - С. 106-110 (106).
49. Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 15 августа 1937 года // Сборник закон. и норм. актов ... (89).
50. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М.: Звенья, 1999. – С. 35-75 (56-57).
51. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960: Справочник... (479, 395).
52. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.15. Л.52.
53. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.249. Л.43.
54. Там же (43).
55. Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы (11).
56. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР ... (92).
57. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.224. Л.15.
58. Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы ... (5).

59. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.2920. Л.179.
60. Сборник документов по истории СССР: Эпоха социализма. Вып.3. 1933-1941: Учебное пособие / Под ред. В.З.Дробижева. – М.: Высшая школа, 1980. – 287 с. (207).
61. Анашкин Г.З. Ответственность за измену Родине и шпионаж ... (14).

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АКМОЛИНСКОГО ЛАГЕРЯ

2.1. Режим и условия содержания заключенных

1. Советское исправительно-трудовое право: Учебник / Под ред. Н.А.Стручкова и Ю.М.Ткачевского. – М.: Юридическая литература, 1983. – 352 с. (42-45).
2. Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. - М.: Книга, 1991. – 734 с. (145).
3. Там же (150-151).
4. Поль И.Л. Оглянись со скорбью... (50-51).
5. Гинзбург Е. Крутой маршрут... (213).
6. Дьяков Б. Пережитое: Автобиографический роман в 3-х кн. – М.: Советская Россия, 1987. – 736 с. (619-620).
7. Комаров В. Правда «АЛЖИРА» // Ленинская смена. – 1988. - 2 июня.
8. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.153. Л.144.
9. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.193. Л.8-9.
10. Государственный архив Акмолинской области.

Ф.1277. Оп.1 Д.4. Л.1-6.

11. ГУЛИАГ: его строители, обитатели и герои... (92).
12. Дильманов С. Рабочая сила ГУЛИАГа в годы Великой Отечественной войны // Высшая школа Казахстана. - 2000. - № 1. - С. 147-153.
13. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинская обл. Ф.16. Д.180. Л.19.
14. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.180. Л.3.
15. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.209. Л.118.
16. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.52. Л.16.
17. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.230. Л.38.
18. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.193. Л.13.
19. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.180. Л.35.
20. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.180. Л.80.
21. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.57. Л.36-38.
22. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16 Д.182. Л.7-8.
23. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.182. Л.15.
24. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.55. Л.188.
25. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.51. Л.20.
26. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.50 Л.167.

27. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.151. Л.33.
28. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.249. Л.43.
29. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (93).
30. Фонды мемориального музея поселка Акмол Акмолинской области.
31. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.151. Л.46.
32. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.19. Л.125.
33. Комаров В. Правда «АЛЖИРа»...
34. Земсков В.Н. ГУЛАГ: (историко-социальный аспект) // Социологические исследования. – 1991. - № 6. – С. 10-27 (18).
35. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.19. Л.96-98.
36. Хлевнюк О. Принудительный труд ... (79).
37. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (99).
38. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.204. Л.73.
39. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.203. Л.42.
40. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.19. Л.183.
41. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.274. Л.42.
42. Фонды Карагандинского областного историко-краеведческого музея.
43. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.214. Л.63.

44. Директива Народного Комиссара Внутренних Дел № 221 от 21 июня 1941 года о переводе охраны лагерей на военное положение // Сборник закон. и норм. актов... (158).
45. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.153. Л.126.
46. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.331. Л.8.
47. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.3. Л.5.
48. Фонды Государственного национального музея г. Астаны. НВФ 9989/1.
49. Stark M. Wenn Du willst Deine Ruhe haben, schweige: Deutsche Frauenbiographien des Stalinismus. - Dusseldorf, 1991. - 253 s. (41).
50. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. - 1989. - 26 апреля.
51. Дильманов С. Рабочая сила ГУЛАГа... (152).
52. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.36. Л.168.
53. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.36. Л.215.
54. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.222. Л.47.
55. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.567. Л.13.
56. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.567. Л.267.
57. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.127. Л.198.
58. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.136. Л.281.

2.2. Организация труда в лагере

1. Земсков В.Н. ГУЛАГ... (26).
2. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (44).
3. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.9-10.
4. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.55. Л.3.
5. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.58. Л.6.
6. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.224. Л.15.
7. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.56. Л.55-56.
8. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (92).
9. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.12.
10. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.14.
11. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.17.
12. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.18.
13. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (99).
14. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.23.
15. Там же (24).
16. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д. 217. Л.9.
17. Фонды мемориального музея поселка Акмол Акмолинской области.
18. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.5. Л.60.
19. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (92-93).
20. Комаров В. Правда «АЛЖИРА» // Ленинская смена. - 1988. - 2 июня.

21. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Л.249. Л.45.
22. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.249. Л.46.
23. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.249. Л.47.
24. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.20. Л.381.
25. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.23. Л.7.
26. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.180. Л.39.
27. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.23. Л.91-93.
28. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.319. Л.9-10.
29. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.319. Л.12.
30. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.302. Л.14.
31. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.319. Л.36.
32. Дильманов С. Военно-производственная деятельность
33. ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны // Поиск. – 2000. - № 3. – С. 66-70 (66-67).
34. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.370. Л.17.
35. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.370. Л.12.
36. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16 Д.370. Л.11.
37. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской

- обл. Ф.16. Д.338. Л.201.
38. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.387. Л.24.
39. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы... (22).
40. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. - 1989. - 26 апреля.
41. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.430. Л.80.
42. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.430. Л.110.
43. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.430. Л.99.
44. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.471. Л.12.
45. Комаров В. Правда «АЛЖИРА»...
46. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.471. Л.126.
47. Фонды Государственного национального музея г. Астаны. НВФ 11721.
48. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.20. Л.394.
49. Колдомасова Г. В те далекие годы ... (109).
50. Вялова-Васильева Е. Незаметно все приблизит сроки // Индустриальная Караганда. - 1990. - 24 июня.
51. Адамова-Слиозберг О. Путь ... (70).
52. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя - 1988. - № 10. - С. 126-165. (129).
53. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.569. Л.61.

ГЛАВА 3. ЧСИР - ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ «ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»

3.1. Дети – жертвы репрессий

1. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. – М.: Звенья, 1999. – С. 35-75 (57).
2. Мемориал: Информационный бюллетень ... (19).
3. Там же (20).
4. Там же (21).
5. Там же (22).
6. Колдомасова Г. В те далекие годы... (106).
7. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (94).
8. Поль И.Л. Оглянись со скорбью... (52).
9. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (96).
10. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.269. Л.41.
11. Фонды мемориального музея поселка Акмол.
12. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. - 1988. - № 12. – С. 93-169. (161).
13. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (380).
14. Там же (390).
15. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.19. Л.24.
16. Возвращенные имена. Кн.2... (202).
17. Волкогинов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II... (233).
18. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 6 октября 1924 года // Сб. норм. актов по сов. испр.-

- труд. праву... (217).
19. Там же (291).
 20. Там же (305).
 21. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. - 1989. - 26 апреля.
 22. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.157. Л.66.
 23. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.12. Л.108.
 24. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.157. Л.69.
 25. ГААО. Ф.1277. Оп.1. Д.10. Л.3, 8.
 26. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.12. Л.108.
 27. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.23. Л.44.
 28. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы... (3).
 29. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.222. Л.15.
 30. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.447. Л.4.
 31. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.455. Л.22.
 32. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (30).
 33. Гинзбург Е. Здесь жили дети // Доднесь тяготее. - С. 326-334. (332).
 34. ГААО. Ф.1274. Д.3. Л.7.
 35. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. - 1989. - 26 апреля.
 36. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2... (222).
 37. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0245. Л.85.
 38. Куликова Л. Дети НКВД // Заря. - 1989. - № 10. -

- С. 14-17. (17).
39. Там же (15-16).
40. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. - 1988. - № 10. – С. 126-145. (154).
41. Кузнецова Е.Б. «Тонкерис» значит переворот // Индустриальная Караганда. - 1989. - 11 ноября.
42. Милова Е. Права человека и правовой нигилизм // Сборник слушателей Третьего Летнего Юридического Университета. Алматы: «Аян Эдет». – 1999. - С. 63-70 (63).

3.2. Конец срока. Реабилитация

1. Директива Народного Комиссара Внутренних Дел № 221 от 21 июня 1941 года о переводе охраны лагерей на военное положение // Сб. закон. и норм. актов... (158).
2. Директива Народного Комиссара Внутренних Дел СССР и прокурора СССР № 185. 29 апреля 1942 год // Сб. закон. и норм. актов ... (160).
3. Указание НКВД и Прокурора ССР № 94/121 сс. 11 ноября 1942 год // Сб закон. и норм. актов... (167).
4. Земсков В.Н. ГУЛАГ... (22).
5. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 7 июля 1945 год // Сб. законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938-июль 1956). - М.: Госюриздат, 1956. – 500 с. (407).
6. Приказ Министра Внутренних Дел Союза ССР, Министра безопасности и генерального прокурора Союза ССР № 00585/00251/107 сс. 24 июня 1946

- год // Сб. закон. и норм. актов... (165).
7. Декрет ВЦИК об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования интернационального дня работницы. 5 марта 1923 год // Сб. норм. актов по сов. испр.-труд. праву... (118).
 8. «О лагерях НКВД»: Указ Президиума Верховного Совета. 25 августа 1938 год // Сб. законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР ... (407).
 9. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.19. Л.139.
 10. Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР... (98-99).
 11. Фонды мемориального музея поселка Акмол.
 12. Там же.
 13. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1... (83).
 14. Земсков В.Н. ГУЛАГ... (19).
 15. Куняев С. «Умоляю вас о помощи» (женские судьбы в эпоху большого террора) // Наш современник. - 1992 - № 6. - С. 155-162.
 16. Колдомасова Г. В те далекие годы... (110).
 17. Волкогоиов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II. - 304 с. (291).
 18. ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.2180. Л.247.
 19. ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.2180. Л.120-121.
 20. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. - 1988. - № 11. - С. 112-180 (162).
 21. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. - 1988. - № 10. - С. 126-165 (147).
 22. Волкогоиов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.II... (264).
 23. Адамова-Слиозберг О. Путь ... (29).

24. Никольская А. Передай дальше... (68).
25. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. – 1989. - 26 апреля.
26. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. – 1989. - 26 июля.
27. Комаров В. Правда «АЛЖИРА»...
28. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. - 1989. - 26 апреля.
29. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (80).
30. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.199. Л.197.
31. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.269. Л.336.
32. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.269. Л.57-65.
33. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (52-53).
34. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1845. Л.206.
35. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1845. Л.18.
36. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои... (48).
37. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.255. Л.118-119.
38. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.176. Л.232-233.
39. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.53. Л.52.
40. Архив ЦПСИИ при прокуратуре Карагандинской обл. Ф.16. Д.53. Л.104.
41. Земсков В.Н. ГУЛАГ... (10).
42. «Об амнистии»: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Сб. законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР... (408-409).
43. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0245. Л.54-58.
44. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0245. Л.81.
45. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0245. Л.112.

46. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.2.
47. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.4.
48. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.15.
49. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.16-19.
50. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.28.
51. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.36.
52. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.39.
53. Архив КНБ по Караганде и Карагандинской области. Д.0456. Л.58.
54. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов... (71-72).
55. Там же (72-73).
56. Там же (81).
57. Тасымбеков А. Жан дауысы. Алжир архипелагі. – Алматы: Жазушы. – 174 с. (67).
58. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов... (15- 16).
59. Там же (17-18).
60. Там же (328).
61. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов»: Указ Президента СССР. М.С.Горбачева // Котлован. - 1990. - сентябрь.
62. «О реабилитации жертв массовых политических репрессий»: Закон Республики Казахстан // Казахстанская правда. - 1993. - 1 июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ГУЛАГ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ	19
1.1. Политико-идеологические и экономические факторы создания ГУЛАГа	19
1.2. Организационно-нормативная основа образования Акмолинского женского лагеря НКВД	58
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АКМОЛИНСКОГО ЛАГЕРЯ	90
2.1. Режим и условия содержания заключенных	90
2.2. Организация труда в лагере	124
ГЛАВА 3. ЧСИР – ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ «ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»	154
3.1. Дети – жертвы репрессий	154
3.2. Конец срока. Реабилитация	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	219
ПРИЛОЖЕНИЕ	

АНФИСА КУКУШКИНА
АКМОЛИНСКИЙ ЛАГЕРЬ ЖЕН
«ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»:
ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

МОНОГРАФИЯ

Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор Шаймуханов Д.А.
доктор исторических наук,
профессор Алтаев А.Ш.

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Центрально – Казахстанского университета
«МГТИ-Лингва»

Подписано в печать 04.10.2008.
Бумага офсетная. Формат бумаги 60×80/16.
Гарнитура Таймс. Заказ № 241.
Объем 15 п.л. Тираж 500 экз.
Типография ЦКУ «МГТИ-Лингва».
100000 Караганда, пр. Бухар – Жырау, 12.

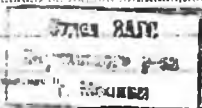
ПРИЛОЖЕНИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ца) Патрунов
Григорий Михайлович
 умер (за) 28 апреля 1999 года восьмого
ноября тысяча девятисот
тридцать девятого года
 в возрасте 118 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 19 90 года апреля месяца 26 числа
 произведена запись за № 3514
 Причина смерти расстрел

Место смерти: город, поселение Москва
 район: _____
 область, край _____
 республика РСФСР

Место жительства: город ЗАГС

Дата выдачи 26 апреля 1999

Зеленый и белый (бюро)
 жёлтый и синий (гражданские органы) ЧК

VIII-МКО № 452559

Копия
Сов. секретно

СПРАВКА

3 отделом ГУГБ СССР арестован бывший начальник планового отдела ГУТАПа Патрунов Георгий Михайлович, как участник вскрытой в ГУТАПе антисоветской диверсионно-вредительской организации правых.

Патрунов Г.М. Военной Коллегией Верховсуда приговорен к ВМН.

В Москве по адресу ул. Б.Полянка д. 37/14 кв. 1 проживает его жена Каган Анна Эммануиловна, 1904 года рождения, уроженка г. Баку, советская гражданка, б/п, экономистка филиала завода им. Сталина.

Вместе с ней проживают ее дети – сын Владимир 1930 года и сын Феликс 1930 года, ее отец Каган Мендель Зельманович 1872 года рождения, пенсионер и ее мать Каган Гитель Бенцеловна 1876 года рождения, домохозяйка.

Прошу санкционировать арест Каган Анны Эммануиловны и помещение детей Владимира 1930 г. р. и Феликса 1930 г. р. в детский дом.

ВРИД НАЧ. 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД

КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА /МИНАЕВ/

20 декабря 1937 г.

Копия
Сов. секретно

Ордер на арест

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 96

27 декабря 1937г.

Выдан Главного Управления Государственной Безопасности НКВД

Кареву на производство ареста и обыска

**Каган
Анны Эммануэловны**

Адрес: Б.Полянка дом 37/14 кв.1

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР /Подпись/

НАЧАЛЬНИК ВТОРОГО ОТДЕЛА ГУГБ /Подпись/

Копия
Сов. секретно

Анкета арестованного

1. **Фамилия** Каган
 2. **Имя и отчество** Анна Эммануиловна
 3. **Год рождения** 1904
 4. **Место рождения** гор. Баку
 5. **Место жительства /адрес/** Б. Полянка, д. 37, кв. 1
 6. **Специальность** экономист
 7. **Место последней работы, занимаемая должность, звание** зав. план. Экон. Бюро механ-прессового цеха Московского карбюраторного завода
 8. **К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста /к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культуры/ ИТР - служащих**
 9. **Паспорт** номера паспорта не знаю /паспорт взят при обыске/, выдан в Москве, 1 отд. Мплиции, прописан Б. Полянка д. 37, кв. 1
 10. **Партийность /в прошлом и настоящем/** бл
 11. **Национальность** еврейка
 12. **Гражданство /подданство/** СССР
 13. **Каким репрессиям подвергался при Советской власти. еудимость, арест и другие /когда, каким органом и за что/ никогда никаким репрессиям не подвергалась**
 14. **Состав семьи /близкие родственники, их имена и фамилии, род занятий/**
отец Мендель Зельманович Каган, 67 лет, пенсионер труда Б. Полянка 37-1, мать Гитель Бенцеловна Каган, 63 года, домохозяйка Б. Полянка 37-1, сестра Фукман Бронислава Эммануиловна, домохозяйка 1 Спаниликовский пер. 18 10, брат Соломон Эммануилович Каган, инженер электрокомбината. Электроставодская 15
- Подпись арестованного:** /А. Каган/

Копия
Сов секретно

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1938 года января 2 дня я пом. опер. уполномоченного 13 отд. 3 отдела ГУГБ сержант Государственной безопасности РИВКИН, рассмотрев дело № 16468 в отношении КАГАН АННЫ ЭММАНУИЛОВНЫ, содержащейся в Бугырской тюрьме с 28.12.37 года

НАШЕЛ:

что КАГАН А.Э., муж которой ПАТРУНОВ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ органами НКВД арестован и осужден по I категории за активную контрреволюционную деятельность, является социально-опасным элементом, а потому

ПОЛАГАЛ-БЫ:

Дело за № 16468 в отношении КАГАН АННЫ ЭММАНУИЛОВНЫ 1904 г.р., ур. Баку, еврейка, с высшим образованием, по специальности экономист передать на рассмотрение Особого Сопещения при НКВД СССР.

ПОМ. ОПЕР. УП. 13 ОТД. 3 ОТДЕЛА:	/РИВКИН/
«СОГЛАСЕН» СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ:	/КОНОНОВ/
«УТВЕРЖДАЮ» ПОМ. НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ:	/МИЛЬНИЦКИЙ/

Распоряжение о переходе Карлага на женский труд

УПРАВЛЕНИЕ
КАРАГАНДИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

№ _____ 20-ВВ.гос Пр.т/л

Копия
Сам. секретно

4 января 1984 г.

Начальнику? *с*

Отдел энгя

№ 26-8103

тов

Линия

Согласно приказу Управления ГТДЛ и ИЮДП в конце текущего года, Ин-регационный Лагерь должен перейти исключительно на женский труд. Являясь на то, что этот вопрос был рассмотрен и в достаточной степени освещен на последнем совещании Начальников отрядов в декабре истекшего года, безынтерес Начальников отрядов этому виду новому мероприятию не придает серьезного значения, что видно из того, что до настоящего времени на одном отряде не представлено ни одного предложения, которое необходимо заключить на отряде. Поэтому ввиду необходимости их замены в том же или пообновления о практическом выполнении в связи с вопросом по выделению женского труда в Лагерь, что должно быть выполнено Вами к 1/3-88 года. Не имея ни упреков со стороны Начальников отрядов имеется в том плане, что до настоящего времени ввиду отсутствия на данный сезон проекта предложения на отчет выдвигает Карлаг Верования.

В целях реализации предложения ГТДЛ на по данному вопросу, ставится под Вашу личную ответственность, провести следующие мероприятия:

1) Немедленно приступить к комплектованию чехов техперсонала для обслуживания всех участков работы отрядов для женщин имеющегося контингента в/м в/м женщин с тем расчетом чтобы в ближайшее время подготовить полную заявку мужского труда женским трудом, действующим сейчас в первую очередь, учитывая состояние всех лагерных курсов производства, ~~.....~~ на выдвигает женского персонала.

2) Присутствие должностных через заводские комитеты комсомольцев и женской в валежия контактировать в/м в/м женщины, подлежащих во отчетным приемным с целью полного выявления квалифицированной рабочей, с последующим использованием их на работе по специальности.

3) Не чиня в/м в/м женщины, достигшие предельного срока на работе (ударная, отключающая) табора не отказывать на дальнейшее участие в выполнении работ с учетом целесообразности по уровню выполняемых их в лагере.

Все эти мероприятия требуют проводить с таким расчетом, чтобы они не вносили помех в отработку на тех же исключительной работ в отрядном объеме производственных работ.

На работающих в отряде создается на чехов в/м в/м мужского персонала, которые необходимо на время рассмотренных выдвигать в отряде, и ввиду необходимости их замены, немедленно представлять в УРО Управлений списком на следующий чехом:

Имя	И.И.О.	п/д	от.ст.	ком. раб.	с. какого в-ра
	Ф.И.О.	п/д	УК	орск. таб.	меди

При этом следует учесть, что этот основной контингент должен быть ограничен до минимума и он не должен включаться в работу, иначе это приведет к выводу из расчета.

Соблюдая представленные вычисления для производства, о продолжении Вам работе по вопросу выдвигания женского труда в лагерь, обобщите все предложения и вынесите конкретные предложения на рассмотрение ИЮДП.

Зам. Начальника Управления *Михайлов* *Ваврищ*

Телеграмма о создании спецотдела № 2 в Спасске

Копия
Сов. секретно

МОСКВА ГУЛАГ ЛБОНД

ДОПОЛНИТЕЛЬНО ВР ЗОВТЗ ЧЛБЫН СЕМЕЙ ИЗМЕННИКОВ РОДИЛИ ПРИВЫЧКА КАРЛАГА НАРДУ
ЮЗЗ ОБЪЕМ ЮРДКЕ РАЗВРОСАНЫ ОТДАВШЕНЫ ОТДЕЛЕНИЯ КАРЛАГА ОТВРАВИТЬ
АКМОЛЫНСКИ МАГОВОВ ВБУ АКМОЛЫНСКИЕ РАЗВЕСТИТЬ ИБГДБ ВСА ПЕРЬ ПОДМОННО
ПРОИЗВОДСТВЫ ОСТАТКА ИБЕСИОДЛОВО ВЛИЦАН РАБЩИЛА ПОЭТОМУ ПРОЧЕМ ВРЕМЯШНО
ПРАВЫШНА ДВА ОДБЕРДАТЬ КАРЛАГЕ ПОСЛЕ ПРИКМНС, СПАСКОЯ ПОДОЩИ СОЗДАТЬ
СПАСКОЕ ЯТОРОВ СПЕЦИОТДЕЛЕНИЕ ТЫМ ЖЕ АКМОЛЫНСКИМ РЕШИЛИОМ ГДЕ ВОЗМОЖНО
ОРГАНИЗОВАТЬ ЗАЩИТЬ ПРОИЗВОДСТВЕ 2500 ЧЕЛОВЕК И ПЕРЕВРАСИТЬ АКМОЛЫНСКА
1500 ПРОЧЕМ СЪГЮДМ В ОТВЕТА МОД ВР ЗОВОД ПРЕЖДЕЛЕНИИ ПЫВОЗА ОБОРУДОВА
СПАСКА. УСКОРЯТЬ РАЗРЯВНИК ВОПРОСА ПРИКМНСИ ИЛИ У. 20/

20/1X-38 г. о Докладное, Верховный НКВД И. Ступа.

НАЧ УПРАВЛЕНИЯ НАРАМ ИВЩ
ОТ ДА ИТЕЛАНТ ГВОВЪЗОПАСНОСТЕ

Копия
Сов. секретно

СВОДКА

НА ПРИНЯТЫХ ЧСИР ИЗ АКМОЛИНСКОГО И СПАСКОГО СПЕЦОТДЕЛЕНИЯ

	Общее кол-во	В том числе	
		мужчин	женщин
Состояло на 1.07.39 г.	6187	---	6187
Принято на общий строевой Учет из Акмолинского и Спаского спецотделений ЧСИР	6187	---	6187
ИТОГО:	6187	---	6187

ВРИД НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛА КАРЛАГА НКВД
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: /МОНАРХ/

ВРИД НАЧАЛЬНИКА 1 ОТДЕЛЕНИЯ: /РУДОМЕТОВА/

Приказание

Копия
Сов. секретно

деления Карагандинского Исправительно-Трудового Лагери НКВД
на 1938 год.

С о д е р ж и т е л ь н о :

О дисциплине Спасского специального отдельного лагеря.

13 Мама 1938 года

с.Должиков

В связи с ликвидацией Спасского специального отдельного лаг-
я и перевода содержащегося в нем контингента заключенных нецеля
подходящим путем.

П Р И К А З Ы В А Ю :

- 1/ Содержащихся в Спасском специальном отдельном лагере пере-
вести в соответствующие лагеря немедленно распределять по районам
в зависимости от потребности в рабочей силе.
- 2/ Специальностей использовать в районах по специальности.
- 3/ Не имеющих специальностей использовать на общих командных
нах в животноводстве, молочном и сельском хозяйствах /проводка, сено-
заготовка, уборка и т.д./ формируя специально из них группы. Формы
дирова в бригады. Небольшие чабы и отсутствующие не допускать.
- 4/ Режим содержания установить в соответствии с пунктом "а" § 14
за № 0043 за 1938 год "на общих основаниях".
- 5/ Представить им право перевода с родственниками и получения
их в соответствии с общими нормами установленными для пр. К-Р элек-
- 6/ Взысканиями обеспечивать в соответствии с основным и до-
полнительным законодательством для общего контингента тюрьмы.
- 7/ Зачеты рабочих дней производить, как и у общего контингента
основаниях 23 дня, а работающим по-удельному 30 дней на квартал.
- 8/ Развернуть среди них культурно-воспитательную работу.

В А Ч А Л Ь Н И К У П Р А В Л Е Н И Я
В А Р Д А Г А Н К В Д - П О Ш К О В

/Викторов/

Акт о принятии Акмолинского спецотдела на баланс Карлага НКВД

Копия

Сов секретно

ПАЧ.17-гоАКМОЛИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

КАРЛАГА НКВД т. БАРИНОВУ

№ 217.71

Акмолинское отделение Карлага НКВД до 29/XII 1939 года именовалось спецотделением Карлага и было организовано в конце 1937 года на базе 26-го поселка Трудиоселения на основании приказа НКВД СССР № 00758 от 3/XII-1937г. и приказа по Управлению Карлага НКВД за № 0043 от 16/XII-1937г.

На основании приказа Зви. Наркома Внутренних Дел от II-го сентября 1939г. и приказа по Управлению Карлага НКВД от 15 октября 1939г. № 580 Акмолинское спецотделение прикато на баланс Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД.

В том же 1939 году на основании распоряжения Главного Управления лагерей НКВД СССР и приказа по Управлению Карлага от 29/XII-1939г. за № 0097 Акмолинское спецотделение вошло в состав Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД и переименовано в 17-е Акмолинское отделение Карлага.

Какого-либо специального положения об Акмолинском отделении не имеется; начальным отделением тов. Баринин действует на основании общего положения об отделениях Карлага.

Строительство Акмолинского спецотделения было начато в 1938 году. Проекты на все объекты строительства 1938 года были составлены в отделении, утверждены начальником Управления Карлага и представлены на рассмотрение и утверждение вместе со сметами в Главное Управление лагерей НКВД.

Окончательный титульный список строительства 1938 года был выслан из ГУЛАГа и преданся к исполнению.

В 1938 году строительство не было закончено и перешло переходящим на 1939 год в сумме 485,4 тыс.руб.

В 1939 году в отделении было начато новое строительство четырех объектов, общая титульная стоимость которых вырываетя в сумме 110 тыс.руб.

Зам. начальника
Управления Карлага НКВД

/Хазедржицко/

Копия
Сов. секретно

НЕДЕЛЬНОЕ МЕНЮ АКМОЛИНСКОГО СПЕЦОТДЕЛЕНИЯ КАРЛАГА
11.08-18.08.1939 год

Наим.	Наименование блюд	Требуемые продукты
1. завтрак обед	ячнев. каша с соус. и свеж морк. щи с мясом. каша пшеница с раст. маслом. отвар. морковью	ячневая крупа, норма мяса 50% пшено, пламен рыбы - 50% моркови - 100%, свеклы - 100% капуст. свеж - 50%, кваш. - 50% картоф. - норма, мука подболт. - норма, раст. масла 50%, сырец - 50%, сол. лук - норма
2. завтрак обед	пшен. каша с туш. капустой и раст. маслом рыба отварная с карт. пюре и соусом, каша ячневая с морк.	пшено - норма, капуста св. - 50%, кисл. - 50% рыба - 50%, пшено взамен рыбы - 50%, карт. - норма, сырец - 50%. раст. маслом 50%, морк. - норма за свеклу - 100%, мука подболт. - норма - 100%, лук
3. завтрак обед	карт. пюре туш. капуста суп с капустой, каша пшеница	карт. капуста св. и кваш. 50% пшено - норма и взамен рыбы - 50% морковь - 50%, за свеклу 100%, сырец, мука подболт., томат, сол. огурцы, лук сол. перец лавр. лист
4. завтрак обед	каша ячневая с кашей капустой суп картофельный, плов	пшено - норма, мясо - 50% яйца - 50% морковь - 100%, за свеклу - 100 %, мука подболт. карт. св. - 100%, карт. морож. - 50 %, сырец, лук - 100%
5. завтрак обед	рыба с гарниром карт., капуст. морковь галушки, каша пшен. с раст. маслом	рыба 50% карт. капуст. св. 50% кваш. - 50%, морковь и за свеклу мука подб. - норма, пшено - норма + 50% свеж. рыбы, раст. масла, лук
6. завтрак обед	каша ячневая с тушен. капустой суп гороховый, рагу из овощей	ячнев. круп. - 100%, капуст. св. 100% карт. морк. норма и за свеклу, раст. масло, сол. лук, помидор. огурц., мука норма, капуст. свеж и кв. - 50%
7. завтрак обед	каша пшеница с раст. маслом уха, морковь тушеная	пшено, раст. масло и сырец по 50% пшеница норма рыбы /судак или белорыб./ картоф. - норма, мука, лук, морковь

ЗАВ. СТОЛОВОЙ И ЗАВ. ПРОИЗВОДСТВОМ:

АНИКИТИН

ГРАМОТА

Васильевой И.И.

Тов.

В МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ — 8-го марта 1945 года за **ОТЛИЧНУЮ РАБОТУ** на производстве по изготовлению боеприпасов и за **АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ** в общественной работе награждаем Вас грамотой.

Командования Карлага НКВД и Политотдела уверены, что Вы и в дальнейшем будете идти в передовых рядах коллектива Карлага НКВД в социалистическом соревновании **ЗА ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА, УКРЕПЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ** и активно участвовать в общественной работе.

Зам. Нач. Политотдела
Управления Карлага НКВД

И.И. САРЕНКО (САРЕНКО)

Зам. Нач. Политотдела
Карлага НКВД

(РУБАН)

Приказание

Копия
Сов секретно

управления Карагандинского Исправительно-Трудового Лагера (ИТЛ)
за 1939г.

111

СОДЕРЖАНИЕ: об изменении режима содержания
заключенных ЧСИР.

0140

13 августа 1939г.

с. Долженское.

Несмотря на ~~то~~ приказание от 13/У1-39г. за № 029, где указывал
о режиме содержания заключенных пенитенциарии ЧСИР, - ряд начальников лаг-
подразделений это приказание не выполняли, в режим в отношении этого
контингента остались без изменения.

Категорически П Р И К А З И В А Ю :

1. Режим содержания устанавливать в соответствии с пунктом "а" §44
приказа Управления лагеря за № 0013 от 1938г. - на общих основаниях.

2. Предоставить им право переписки с родственниками и получения
посылок в соответствии с общими нормами для прочих к-р элементов.

3. Спецзаключенных, осужденных на срок до 5 лет, использовать в район
по специальности, свыше пяти лет - только на общих поднощивных рабо-
тах.

Об исполнении довести мне в 3-х дневный срок со дня получения
данного приказа.

Начальнику Отдела Режимов тов. ТИКОР проверить исполнение и доло-
жить мне 20/У1- 39г.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КАРАГАГА НИКОД
СТ МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(ДУРАНИН).

Докладная записка

Копия
Сов. секретно

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

распределение, содержание и контроль за содержанием
поселенцев в местах заключения

Всесоюзный

1939 г.

№ 473265

Москва, ул. Мясницкая, дом 5
Телефон: директор НКВД

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ЗАКЛАГА НКВД

г. Должанская

НАЧАЛЬНИКУ ДОКЛАДНОГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ЗАКЛАГА НКВД

Гос. Антребенок поселок № 26

По имеющимся у нас данным, условия заключения Спец-
отделения совершенно нормальны.

Варьяк и Подсошное помещены к янык не были подготовлены
к оттопу, в результате янык в дни сильных морозов температура
в столовой достигала 35° ниже нуля. Большинство з/к полураба-
дств и не могут ходить даже в столовую. Свыше 1000 человек спят
на голых нарах.

Во время сильных морозов, достигавших 40°, на работы были
направлены полурабадств заключенные. Вследствие чего за 5 дней
января смертельно 89 чел., из них 39 человек получили обмороже-
ние 1-й степени.

Плохо организовано питание. С 4/III п.г. столовая получает
на весь контингент 1-2 килограмма жиров в день.

За полтора мес. з/к з/к получено 20% продуктов.

Ввиду этого хлеба наблюдается порок, в 18/III п.г. 4000 чел
совершенно не получали хлеба.

Предлагая немедленно отапливать сырные и столовую и пред-
ставить объяснения во всех случаях выпускаемых безобразных фактов

ЗАМ. НАЧ. ГУЛАГА НКВД СССР
СТ. МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

/ ЛЕОНОВ /

НАЧАЛЬНИК ИНСПЕКЦИИ БРВ
НАЧ. ГУЛАГА

/ ТИХОНС /

Характеристика
народного артиста СССР Л.О.Утесова на Г.П. Афонину

Леонид Осипович
Утесов
Народный артист СССР.

Копия
Сов. секретно

Жадину Гаврилеу Ильичу - брату деду
в 1928 году, как артисту танцовальную,
несколько раз выступая в концертах, в
которых она в короткое время
демонстрировала свое искусство.
Свидетельствуя это замечательно
ответственности и чувствительности, та
как всегда на душе радость от ее
выступлений.

Л. Г. Афонин

Приглашение на детский утренник

Копия

Качальнику Мишину.

Просим Вас, качальник, прийти к нам на детский Октябрьский утренник в^ю ноября в 9ч. 30м. утра в детский интернат сафак #37.

Дети школьники и дошкольники: Вита, Вера, Вера.

Боря, Женя.

Вова

Рочек

Лидя

Мам Дорогая мамочка!
 Мы все здорова и нас
 все по старому. Везде мы
 в детской столовой. Сейчас
 у нас большие морозы но
 в комнате сравнительно
 тепло. В школе все топят,
 все сияет в одежде, и поэто-
 му в одежде холодной дни
 мы не ходим. В школе как
 раньше в Москве мы много пи-
 сали. А сейчас много пи-
 сать сейчас я готовлю пи-
 сунки на конкурс к 25ой го-
 дощине Антонию Алму, про-
 водимой партией "Омской
 правды". Я пишу о бой-
 цов-интернационалистов
 нашей партии. Омскую правду
 мы выпускаем. Выдадут она
 трад в Федю. Мы уже получи-
 ли деньги. Не забыли ли те-
 бе закрыть твои два кожаных
 портмоне, номер 37-38 Вот, пока
 № 2111-437 г. Ленза. Овса.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ЧКАЛОВА

Еще вчера, смелся навстречу солнцу
В высоты стратосферы голубой,
Прокладывал пути по Сталинским маршрутам,
Включая жизнь в мотор конструкции любой!

Из смелых смелып, сын своей отчизны,
Такой большой, такой родной герой!
На полный пульс, на полный голос жизни,
Триумф побед делил со всей страной!

О подвиге твоём, не умолкая, пели
В эфире синем мира провода,
И сыном, взросленным в Советской колыбели,
Героем-соколом гордилась вся страна!

Обидного до боли не поправить,
Суровой складкою на лбах печаль,
Последний раз в шопеновских аккордах,
Страна Герою говорит «прощай»!

Но нет, большевики героев не хоронят.
Бессмертным символом живут они в сердцах!
Советский летчик, чкаловскую школу
Миллионы птиц стальных поднимет в небесах!

И в каждом новом летчике Герое,
Готовом жизнь отдать за дело Октября!
Страна узнает чкаловскую волю
И смелость чкаловского образца!!!

С тобой прощаясь, я пою бессмертью
Советской Родины стальных сынов!
Таких сынов рождает на планете
Всесильная Семья Большевиков!!!

Екатерина Тур. Барак № 31. 25. 12. 1938 год
Стихотворение написано в Акмолинском лагере

Надо мной – раскаленный шатер Казахстана
 Бесконечная степь колосится в дали,
 Но куда не пойду – я тебя не застаю.
 Рассказать о тебе не хотят ковыли.
 Вырынаю часами бурьян и осоку,
 Чтобы колос пшеницы наполнился зерном.
 Облака проплывают дорогой высокой.
 Только нам улечься не придется вдвоем,
 Только нам, мой любимый, дороги заказаны.
 Даже ветер и тот не принесит покоя.
 Я иду по степи без тебя синеглазый,
 Крепко сердце свое зажимаю рукой.
 Я нду по степи. Здесь ни речки, ни бора.
 Но и здесь своей Родины воздух я пью.
 Я о воле с травой веду разговоры,
 Ковылям о тебе и о детях пою.
 Нам не верит страна. Ни единый прохожий
 Нам навстречу ответной улыбки не шлет.
 Нам не верит страна! Что же делать, мой любимый!
 Как же ей доказать, что мы сердцем чисты.
 Я иду по степи. Ветер жжет мои губы.
 Не привычно и пряно здесь пахнут цветы.
 Так сожми ж, как и я, свое сердце руками,
 И глаза, проходя, осуши на ветру.
 Чем сильнее собираются тучи над нами.
 Тем быстрее их ветер разгонит к утру.
 Выше голову, милый! Я ждать не устану.
 Моя совесть чиста, хоть одежда в пыли.
 Надо мной – раскаленный шатер Казахстана
 Бесконечная степь колосится в дали.

А.К.Мирошник –
 бывшая узница АЛЖИРа

Материалы личного архива Мирошник Александры Константиновны. Найдено в бумагах ее дочерью Ириной Мирошник после смерти матери 17.08.1954 года от кровоизлияния в мозг после прочтения письма из Москвы, где ей в очередной раз было отказано в пересмотре дела

Справка о реабилитации

(Копия)

Военный трибунал Киевского Военного Округа
"24" июня 1957 г № 1497/0 г. Киев, Артема 59

Справка

Дело по обвинению Даниленко Марии Львовны
1909 года рождения, рассмотренно военными трибуналом
Киевского Военного Округа 27 ноября
1956 года.

Бюджетное постановление Особого Совещания при
Н.С.Хрущеве СССР от 26 марта 1958 года от-
менено и дело прекращено

Даниленко М.Л. реабилитирована.

Зам. председателя В.В. № 150

Балаковник З.Даньчун

И. Захарченко

Подписана справка Зак 486

В мемориальном деле 15380.

Октябрь 1957 г.

Инициалы: [подпись]

Копия

Справка о реабилитации

Дело по обвинению Куленова Закия, до ареста 7 октября 1937 года – директора Семипалагинской школы пропагандистов, пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 1 февраля 1958 года

Приговор Военной Коллегии от 5 марта 1938 года в отношении Куленова Закия по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ:

/ЛИХАЧЕВ/

Дело по обвинению Майжоловой-Куленовой Вазипы, 1911 года рождения, работавшей до ареста /17 марта 1938 года/ портнихой в артели им. Сун-Ян-Сена в гор. Семипалатинске, пересмотрено Военным трибуналом Туркестанского Военного округа 31 января 1958 года.

Постановление от 10 июня 1938 года отменено и дело прекращено.

Майжолова-Куленова Вазипа реабилитирована.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО
ТРИБУНАЛА ТУРКВО
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/ПРИЙМАК/

Қазақстан Республикасының ІІМ

Қартамыр аламының
Ішкі Істер Басқармасы

А Қ П А Р А Г
О Р Т А Л Ы Ы

170025 Қарағанды қ. Жылма к. 97

Телефон 22-95 45, телеграф 27-11-55 Сөзфоп. мөхбәтө 22-10 81 АН.АВ

Иск. № II/18-А-24

22 марта 1942.

МВД Республики Казахстан

И Н Ф О Р М А Ц И О Н Н Ы Й
Ц Е Н Т Р

управления внутренних дел
Қарағандық облысы

Қарағанды қ. Дембурға к.

Копия

АРХИВНІ СПРАВКА

Настоящей удостоверяется, что гражданка ДАНИЛЕНКО
Мария Львовна, 1909 года рождения действительно 26 марта 1938
года была осуждена Особым Советом НКВД СССР как член семьи
изменника Родины сроком на 8 лет. Мера наказания в местах
свободы отбывала с 11 января 1938 года по 11 января 1946 года.
Основание: архивная карточка № 258016

Начальник Инфоцентра

Архивист Инфоцентра

В.В. Горещий
В.В. Горещий

Л.В. Колодкин
Л.В. Колодкин

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ГУЛАГ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ	19
1.1. Политико-идеологические и экономические факторы создания ГУЛАГа	19
1.2. Организационно-нормативная основа образования Акмолинского женского лагеря НКВД	58
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АКМОЛИНСКОГО ЛАГЕРЯ	90
2.1. Режим и условия содержания заключенных	90
2.2. Организация труда в лагере	124
ГЛАВА 3. ЧСИР – ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ «ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»	154
3.1. Дети – жертвы репрессий	154
3.2. Конец срока. Реабилитация	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	219
ПРИЛОЖЕНИЕ	

АНФИСА КУКУШКИНА
АКМОЛИНСКИЙ ЛАГЕРЬ ЖЕН
«ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ»:
ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

МОНОГРАФИЯ

Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор Шаймуханов Д.А.
доктор исторических наук,
профессор Алтаев А.Ш.

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Центрально – Казахстанского университета
«МГТИ-Лингва»

Подписано в печать 04.10.2008.
Бумага офсетная. Формат бумаги 60×80/16.
Гарнитура Таймс. Заказ № 241.
Объем 15 н.л. Тираж 500 экз.
Типография ЦКУ «МГТИ-Лингва».
100000 Караганда, пр. Бухар – Жырау, 12.

Кукушкина Анфиса Рафкатовна
кандидат исторических наук,
профессор
Центрально–Казахстанского
университета «МГТИ - Лингва».
Автор более 30 научных статей,
посвященных исследованию
проблем тоталитаризма и
массовых политических
репрессий.